

Федеральное агентство по образованию
Байкальский государственный университет экономики и права

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ:**

Сборник научных трудов
Выпуск 1 (2)

Иркутск
Издательство БГУЭП
2009

УДК 343(06)

ББК 67.408

С 34

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права*

Главный редактор –
заслуженный юрист России,
доктор юридических наук,
профессор *А.А. Протасевич*

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, доц. *Д. А. Степаненко*, канд. юрид. наук
В. Н. Китаева, канд. юрид. Наук *Р. В. Мазюк*

С 34 Сибирские уголовно-процессуальные и
криминалистические чтения: вып. 1(2): сб. науч. тр. –
Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – 149 с.

ISBN 978-5-7253-1946-0

Настоящий сборник подготовлен на кафедре уголовного процесса и криминалистики Байкальского государственного университета экономики и права. В сборник включены статьи по уголовному процессу, криминалистике, оперативно-розыскной деятельности и судебной экспертизе, предоставленные ведущими российскими учеными, а также аспирантами и соискателями соответствующих специальностей.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических факультетов, научных сотрудников, а также сотрудников правоохранительных органов и судей.

ББК 67.408

ISBN 978-5-7253-1946-0

© Издательство БГУЭП, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Мазюк Р.В.* Понятие формы уголовного преследования и ее дифференциация..... 5
- Артамонова Е.А.* Ещё раз об особенностях упрощённого судебного производства по уголовным делам 16
- Белокопытов А.К.* Законное представительство лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера..... 22
- Давыдова М.В.* Возникновение, становление и развитие правовых норм, регулирующих международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства..... 29
- Смирнов О.М.* Уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве как пример признания законодателем интересов личности 40
- Мосов Д.О.* О необходимости законодательного закрепления возможности обжалования судебного решения, принятого по результатам предварительного слушания, в части исключения доказательств..... 45
- Базюк М.Л.* Субъекты отношений по обеспечению безопасности личности в уголовном судопроизводстве как элемента принципа охраны прав и свобод человека и гражданина 51
- Днепровская М.А.* К вопросу применения особого порядка судебного разбирательства по ходатайству несовершеннолетнего обвиняемого 56

КРИМИНАЛИСТИКА

- Мерецкий Н.Е.* Некоторые проблемы использования методологии в процессе алгоритмизации расследования преступлений..... 63
- Егоров Н.Н.* Тактические приемы проверки показаний на месте..... 73
- Алехин Д.В., Мерецкий Н.Е.* О некоторых проблемах предъявления для опознания предметов и документов, имеющих особую ценность 77

<i>Смахтин Е.В.</i> Преступная деятельность как объект познания в криминалистике	84
<i>Яковлев Д.Ю.</i> Анализ современной практики использования биологических знаний в процессе раскрытия и расследования преступлений	90
<i>Архипова А.Н., Китаев Н.Н.</i> Использование результатов судебных экспертиз волос человека при расследовании убийств «без трупа» (международная следственная практика)	96
<i>Асатрян Х.А.</i> Проблемы, возникающие при обыске по делам о фальшивомонетничестве, и пути их преодоления	102
<i>Туркова В.Н.</i> Некоторые аспекты избличения сотрудников таможенных органов во взяточничестве	108
<i>Шергин Г.Н.</i> К вопросу об использовании мысленного образа в уголовном судопроизводстве	111
<i>Ждановских А.Е.</i> Особенности выявления признаков мошенничества в сфере земельных правоотношений	120

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

<i>Железняк Н.С.</i> К вопросу о нарушении закона в процессе прокурорского надзора	125
--	-----

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

<i>Смолькова И.В.</i> Великие и знаменитые о мерах пресечения	131
Сведения об авторах	145
Приглашение к сотрудничеству	147

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Р. В. Мазюк

ПОНЯТИЕ ФОРМЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ЕЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Форма уголовного преследования определяются особенностями уголовно-процессуальной формы. В науке уголовно-процессуальная форма традиционно рассматривается как основание дифференциации уголовного судопроизводства (видов производства по уголовному делу)¹. Существует множество дефиниций уголовно-процессуальной формы², суть которых сводится к тому, что уголовно-процессуальная форма представляет собой совокупность требований, предъявляемых к уголовному судопроизводству в целом и отдельным его частям, и включает такие элементы, как:

- 1) процессуальные условия;
- 2) юридические процедуры;
- 3) правовые гарантии³.

А. С. Тукиев предложил рассматривать вышеперечисленные элементы как «правовой режим уголовно-процессуальной деятельности и складывающихся в результате этого правоотношений»⁴. Поддерживая данную позицию, уголовно-процессуальную форму можно определить как правовой режим уголовно-процессуальной деятельности, включающий выполнение определенных процессуальных условий, соблюдение юридических процедур и обеспечение правовых гарантий при производстве по уголовному делу.

¹ См. подр.: Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса. – Томск, 2001. – С. 5-120.

² См. подр.: Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса... - С. 22-29; Тукиев А. С. Понятие и сущность уголовно-процессуальной формы // Вестник Караганд. юрид. ин-та Мин-ва внутр. дел Рес-ки Казахстан. – 2004. – Вып. 2 (10). – С. 60-66; Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: понятие и тенденции развития // Вестник ОГУ. – 2006. – № 3. – С. 140-142.

³ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: Учеб. для вузов. Изд. 2-е. – СПб., 2006. – С. 29.

⁴ Тукиев А. С. Указ. статья. – С. 66.

Ю. К. Якимович, А. В. Ленский и Т. В. Трубникова, в зависимости от степени сложности уголовно-процессуальной формы, выделяют:

- 1) обычное производство;
- 2) упрощенные производства;
- 3) производства с более сложной процессуальной формой¹.

Кроме того, в зависимости от направленности и материально-правового характера, указанные авторы подразделяют уголовно-процессуальные производства на:

- 1) основные;
- 2) дополнительные;
- 3) особые².

К последним, в частности, относится производство по применению принудительных мер медицинского характера.

В других источниках термин «особые производства» используется для обозначения производства с более сложной процессуальной формой³. В то же время УПК РФ содержит понятие «особый порядок судебного разбирательства», предусматривающий упрощенную процедуру принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (Глава 40 УПК РФ).

Все вышеизложенное позволяет заключить, что в науке уголовно-процессуального права пока не выработан единый подход к определению понятия и содержания категории «особое производство». В свою очередь, хотелось бы обратить внимание на то, что «особые» признаки процессуальной деятельности, определяемые уголовно-процессуальной формой, как правило, характеризуют не производство по уголовному делу в целом (например, УПК РФ не предусматривает «особый порядок» установления события преступления), а представляют собой совокупность особых процессуальных условий, правовых процедур и юридических гарантий, направленных на упрощение либо усложнение процессуальной деятельности по изобличению лица в совершении преступления. Другими словами, отдельные виды

¹ Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса... - С. 16.

² Там же. – С. 19-20.

³ См.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс... – С. 647-648.

процессуальной деятельности более корректно называть не «особые формы производства», а «особые формы уголовного преследования».

Данное утверждение подтверждается и нормами уголовно-процессуального закона. Так, ч. 2 ст. 420 УПК РФ определяет, что *производство по уголовному делу* о преступлении, совершенном несовершеннолетним, осуществляется *в общем порядке*, с изъятиями, предусмотренными главой 50 УПК РФ. Таким образом, если производство по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего осуществляется в общем порядке, то «*особый порядок* уголовного судопроизводства» (название части 4 УПК РФ, в рамках которой располагается глава 50 УПК РФ) образуют именно «изъятия», содержащиеся в главе 50 УПК РФ и характеризующие особенности процессуальной деятельности по *изобличению* несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Таким образом, форма уголовного преследования – это правовой режим процессуальной деятельности стороны обвинения, осуществляемой в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Дифференциация формы уголовного преследования осуществляется в двух направлениях:

1) *установление дополнительных процессуальных условий и юридических гарантий* законности изобличения в совершении преступления отдельных категорий подозреваемых, обвиняемых:

- а) несовершеннолетних;
- б) обладающих иммунитетом от уголовного преследования;

2) *упрощение правовой процедуры* изобличения обвиняемого при его согласии с предъявленным обвинением.

Общая форма уголовного преследования основывается на общих принципах уголовного судопроизводства, устанавливающих единые требования к процессуальным условиям, правовым процедурам и юридическим гарантиям изобличения в совершении преступления вменяемых лиц, достигших возраста восемнадцати лет и не обладающих иммунитетом от уголовного преследования.

В том случае, если лицо, совершившее преступление, признано невменяемым (либо вменяемым, но совершило запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости) и при этом психическое расстройство лица связано с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда;

если лицо к моменту совершения преступления не достигло возраста восемнадцати лет либо если лицо обладает иммунитетом от уголовного преследования, то уголовное преследование осуществляется в особых формах.

Общая форма уголовного преследования предусматривает единые процессуальные условия, правовые процедуры и юридические гарантии изобличения подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления на всей территории Российской Федерации. Следует оговориться, что в перечне процессуальных условий, правовых процедур и юридических гарантий общей формы уголовного преследования целесообразно выделять только такие, содержание которых изменяется применительно к особым формам уголовного преследования¹. В частности, единый правовой режим уголовного преследования образуют:

1. Единые процессуальные условия:

- 1) возбуждения уголовного преследования;
- 2) квалификации совершенного преступления;
- 3) установления обстоятельств, подлежащих доказыванию;
- 4) производства следственных и иных процессуальных действий;
- 5) избрания меры пресечения;
- 6) изобличения нескольких подозреваемых, обвиняемых, совершивших преступление в соучастии, в одном производстве;
- 7) постановления приговора;
- 8) обжалования приговора.

2. Единые правовые процедуры:

- 1) принятия решения о возбуждении уголовного преследования;
- 2) вызова подозреваемого, обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд;
- 3) проведения судебного заседания.

3. Единые юридические гарантии:

- 1) быть задержанным на срок не более 48 часов;

¹ Например, гарантия обеспечения подозреваемого, обвиняемого правом на защиту является общепроцессуальным принципом, не имеющим каких-либо исключений в зависимости от формы уголовного преследования. Соответственно, правовые процедуры (приглашения, назначения, замены защитника), направленные на обеспечение данной гарантии, также носят неизменный характер.

2) на рассмотрения уголовного дела в том суде, к подсудности которого оно отнесено;

3) отдельных участников уголовного судопроизводства.

Общая форма уголовного преследования может осуществляться как в рамках предварительного расследования в форме предварительного следствия, так и в рамках предварительного расследования в форме дознания. Форма предварительного расследования не влияет на правовой режим уголовного преследования.

Не останавливаясь более на содержании общей формы уголовного преследования, хотелось бы затронуть проблему уголовно-процессуальной формы производства о применении принудительных мер медицинского характера. Это связано с тем, что, по мнению отдельных процессуалистов, производство о применении принудительных мер медицинского характера является формой уголовного преследования¹. Так, А. В. Д. Холоденко полагает, что при производстве о применении принудительных мер медицинского характера «уголовное преследование осуществляется во всех присущих ему формах, включая обвинение»².

Производство о применении принудительных мер медицинского характера, согласно ст. 433 УПК РФ, осуществляется в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, когда психическое расстройство лица связано с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда.

¹ Халиулин А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. – Кемерово, 1997 – С. 33-34; Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс. – М., 1997. – С. 158; Жук О. Д. К вопросу о формах и видах уголовного преследования // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 2. – С. 335; Шишкина Е. В., Бандурин С. Г., Громов Н. А. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве // Право и политика. – 2004. – № 12. – С. 88.

² Холоденко В. Д. Обвинение в российском уголовном процессе: понятие и содержание // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Мат-лы Межд. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27-28 янв. 2005 г.: В 2 ч. – Екатеринбург, 2005. – Ч. 2. – С. 358.

В ходе производства о применении принудительных мер медицинского характера подлежат доказыванию следующие обстоятельства (ч. 2 ст. 434 УПК РФ):

1) время, место, способ и другие обстоятельства совершенного деяния;

2) совершено ли деяние, запрещенное уголовным законом, данным лицом;

3) характер и размер вреда, причиненного деянием;

4) наличие у данного лица психических расстройств в прошлом, степень и характер психического заболевания в момент совершения деяния, запрещенного уголовным законом, или во время производства по уголовному делу;

5) связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда.

Таким образом, установление виновности лица в совершении преступления, что является конечной целью уголовного преследования и подлежит доказыванию в рамках общей уголовно-процессуальной формы (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), не входит в предмет доказывания по уголовным делам, по которым осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера. В связи с этим является справедливым утверждение М. Ш. Буфетовой о том, что «по делам о применении принудительных мер медицинского характера не осуществляется функция уголовного преследования (изобличения виновного)»¹.

Целью производства о применении принудительных мер медицинского характера является установление основания для применения конкретной меры медицинского характера, что само по себе является частью предмета доказывания и предусмотрено п. 4-5 ч. 2 ст. 434 УПК РФ. Содержащиеся в указанных пунктах обстоятельства определяют форму уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках производства о применении принудительных мер медицинского характера. Данную форму процессуальной деятельности также можно рассматривать как «особую», так как она предполагает наличие специальных процессуальных условий, правовых про-

¹ Буфетова М. Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Иркутск, 2004. – С. 142.

цедур и юридических гарантий, но не форму уголовного преследования.

Таким образом, производство о применении принудительных мер медицинского характера является единственным в российском уголовном процессе «особым производством», в рамках которого не осуществляется уголовное преследование. Соответственно, процессуальная деятельность стороны обвинения в рамках данного производства не может рассматриваться как особая форма уголовного преследования. Ее можно определить как особую форму процессуальной деятельности, направленной на установление основания для применения к лицу принудительной меры медицинского характера.

В рамках данного производства, процессуальная деятельность стороны обвинения теряет изобличительный характер, направленный на установление виновности лица в совершении преступления, и приобретает иной характер, направленный на установление основания для применения к лицу принудительной меры медицинского характера. В связи с этим более корректным представляется употребление названия не «*производство о применении принудительных мер медицинского характера*», а «*процессуальная деятельность о применении принудительных мер медицинского характера*», осуществляемая в рамках общего производства (предварительного следствия).

Особые формы уголовного преследования – это правовые режимы процессуальной деятельности стороны обвинения, предусматривающие дополнительные процессуальные условия и юридические гарантии изобличения в совершении преступления отдельных категорий лиц (несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых; подозреваемых, обвиняемых, обладающих иммунитетом от уголовного преследования), а также упрощенную правовую процедуру изобличения обвиняемого при согласии с предъявленным ему обвинением.

Не имея возможности подробно рассмотреть каждую из особых форм уголовного преследования, представляется оправданным выделить те процессуальные условия, правовые процедуры и юридические гарантии, которые характеризуют особые правовые режимы изобличения лиц в совершении преступлений.

Правовой режим уголовного преследования несовершеннолетних предусматривает особые:

1. *Процессуальные условия:*

1) установления дополнительных обстоятельств, подлежащих

доказыванию (ст. 421 УПК РФ);

2) избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 2 ст. 108 УПК РФ);

3) проведения допроса (ст. 191; ст. 280; ст. 425 УПК РФ).

2. Правовые процедуры:

1) избрания меры пресечения (ч. 2 ст. 423 УПК РФ);

2) вызова к следователю, дознавателю или в суд (ст. 424 УПК РФ).

3. Юридические гарантии:

1) выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (ст. 422 УПК РФ);

2) обязательного участия защитника (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ);

3) обязательного участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (ст. 426 УПК РФ);

4) избрания особой меры пресечения (ст. 105 УПК РФ);

5) запрета привода несовершеннолетних в возрасте до 14 лет (ч. 6 ст. 113 УПК РФ).

Правовой режим уголовного преследования лиц, обладающих иммунитетом от уголовного преследования, предусматривает особые:

1. Процессуальные условия:

1) осуществления уголовного преследования следователями Следственного комитета при прокуратуре РФ (пп. «б» п. 1 ч. 2, п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ);

2) возбуждения уголовного преследования (ч. 1 ст. 448 УПК РФ);

3) переквалификации деяния, ухудшающей положение лица (ч. 6 ст. 448 УПК РФ);

4) избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (ч.ч. 2, 3 ст. 450 УПК РФ);

5) производства отдельных следственных действий (ч. 5 ст. 450 УПК РФ).

2. Правовые процедуры:

1) возбуждения уголовного преследования (ч.ч. 2-5, 7 ст. 448 УПК РФ);

2) избрания меры пресечения (ч. 4 ст. 450 УПК РФ).

3. Юридические гарантии:

1) немедленного освобождения задержанного после установле-

ния его личности (ст. 449 УПК РФ);

2) рассмотрения уголовного дела Верховным Судом РФ (ст. 452 УПК РФ).

Уголовное преследование обвиняемого при его согласии с предъявленным обвинением предусматривает особые:

1. Процессуальные условия:

1) осуществления по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 314 УПК РФ);

2) согласия государственного или частного обвинителя, а также потерпевшего (ч. 1 ст. 314 УПК РФ);

3) осознания обвиняемым характера и последствий заявленного им ходатайства (п. 1 ч. 2 ст. 314 УПК РФ);

4) заявления ходатайства добровольно и после проведения консультаций с защитником (п. 2 ч. 2 ст. 314 УПК РФ);

5) составления приговора (ч. 8 ст. 316 УПК РФ);

6) обжалования приговора (ст. 317 УПК РФ).

2. Правовые процедуры:

1) инициирования особой формы уголовного преследования (ст. 315 УПК РФ);

2) проведения судебного заседания (ч.ч. 4, 5 ст. 316 УПК РФ).

3. Юридические гарантии:

1) обязательного участия подсудимого (ч. 2 ст. 316 УПК РФ);

2) обязательного участия защитника (п. 7 ч. 1 ст. 51; ч. 2 ст. 316 УПК РФ);

3) недопустимость превышения назначаемого наказания двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания (ч. 7 ст. 316 УПК РФ).

Любая из особых форм уголовного преследования может осуществляться в рамках обоих видов уголовного преследования – частного и публичного. Так, п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»¹ предусматривает, что «в особом порядке могут рассматриваться уголовные дела как публичного и частно-публичного, так и частного обвинения». Также в порядке частного обвинения может осуществляться уголовное пресле-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 2.

дование несовершеннолетних и лиц, обладающих иммунитетом от уголовного преследования.

Кроме того, особые формы уголовного преследования, являясь элементом классификации уголовного преследования, могут быть классифицированы сами по себе. Так, по признаку диспозитивности особые формы уголовного преследования можно подразделить на:

1. Особые формы уголовного преследования, осуществляемые **независимо от волеизъявления** подозреваемого, обвиняемого:

1) уголовное преследование несовершеннолетних;

2) уголовное преследование лиц, обладающих иммунитетом от уголовного преследования.

2. Особую форму уголовного преследования, осуществление которой **зависит от волеизъявления** обвиняемого, – *уголовное преследование обвиняемого при его согласии с предъявленным обвинением*. Волеизъявление обвиняемого может быть им выражено:

а) по делам публичного обвинения:

– в момент ознакомления с материалами уголовного дела (п. 1 ч. 2 ст. 315 УПК РФ);

– на предварительном слушании (п. 2 ч. 2 ст. 315 УПК РФ);

б) по делам частного обвинения – «в период от момента вручения лицу заявления потерпевшего о привлечении его к уголовной ответственности до вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания» (п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05 декабря 2006 г.).

Вызывает интерес вопрос о возможности осуществления в отношении одного лица одновременно двух особых форм уголовного преследования. Очевидно, что в силу установленных российским законодательством требований к возрасту тех категорий лиц, которые перечислены в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, в отношении одного лица не может одновременно осуществляться такие особые формы уголовного преследования, как уголовное преследование несовершеннолетнего и уголовное преследование лица, обладающего иммунитетом от уголовного преследования. Вместе с тем УПК РФ не содержит каких-либо ограничений в возможности осуществления особого порядка уголовного преследования, предусмотренного главой 40 УПК РФ, в отношении лица, обладающего иммунитетом от уголовного преследования.

Что касается возможности осуществления особой формы уголовного преследования при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением в отношении несовершеннолетнего, то, по мнению правоприменителя, она исключается. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 05 марта 2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указывается: «Судам надлежит исходить из того, что закон не предусматривает возможности применения особого порядка принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего, поскольку в силу части 2 статьи 420 УПК РФ производство по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, осуществляется в общем порядке, установленном частями 2 и 3 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными главой 50 этого Кодекса» (п. 28)¹. Не вступая в дискуссию относительно корректности толкования Верховным Судом РФ ч. 2 ст. 420 УПК РФ, которая, как представляется, отнюдь не исключает возможность применения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого правил главы 40 УПК РФ, находящейся также в части 3 УПК РФ, следует отметить, что подобный подход ограничивает право несовершеннолетнего обвиняемого на защиту. В частности, целью реализации права на защиту является не только и не столько стремление к освобождению от уголовной ответственности, но и любое улучшение правового положения подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу. Одним из способов такого улучшения правового положения лица, подвергнутого уголовному преследованию, является предоставление ему дополнительной юридической гарантии о недопустимости по отдельной категории дел (о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы) при согласии с предъявленным обвинением назначения наказания свыше двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания. Поэтому ограничение любого лица, обвиняемого в совершении преступления, наказание за которое не превышает 10 лет лишения свободы, в том числе и несовершеннолетнего лица, в возможности воспользоваться особым порядком принятия судебного решения при согласии с предъявленным ему обвинением представляется существенным нарушением права на защиту данного лица.

В этой связи считаю необходимым внести изменения в ч. 2 ст. 420 УПК РФ, направленные на устранения каких-либо ограниче-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 5.

ний в реализации несовершеннолетними обвиняемыми своего права на защиту, прежде всего, права на принятие судебного решения в особом порядке при согласии с предъявленным обвинением. Для этого предлагаю изложить ч. 2 ст. 420 УПК РФ в следующей редакции: «Производство по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, осуществляется *в порядке, установленном настоящим Кодексом*, с изъятиями, предусмотренными настоящей главой».

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать следующие выводы. Форма уголовного преследования – это правовой режим процессуальной деятельности стороны обвинения, осуществляемой в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Общая форма уголовного преследования основывается на общих принципах уголовного судопроизводства, устанавливающих единые требования к процессуальным условиям, правовым процедурам и юридическим гарантиям изобличения в совершении преступления вменяемых лиц, достигших возраста восемнадцати лет и не обладающих иммунитетом от уголовного преследования. Особые формы уголовного преследования – это правовые режимы процессуальной деятельности стороны обвинения, предусматривающие дополнительные процессуальные условия и юридические гарантии изобличения в совершении преступления отдельных категорий лиц (несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых; подозреваемых, обвиняемых, обладающих иммунитетом от уголовного преследования), а также упрощенную правовую процедуру изобличения обвиняемого при согласии с предъявленным ему обвинением.

Е. А. Артамонова

ЕЩЁ РАЗ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УПРОЩЁННОГО СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Стремление к упрощению уголовного судопроизводства при соблюдении правовых гарантий его участников – давняя тенденция. Так, англосаксонскому праву (США, Англия) уже давно известен институт суммарного производства, отличающийся значительной упрощенностью по сравнению с судопроизводством, требующим обвинительного акта.

Сегодня международные нормы предусматривают право каждого человека на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами¹, на рассмотрение дела гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом², на рассмотрение любого уголовного обвинения в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основе закона³. На территории России гарантировано осуществление правосудия только судом и невозможность лишения подсудимого права на рассмотрение его уголовного дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено (ч. 1 ст. 47, ч. 1 ст. 118 Конституции РФ, ст. 8 УПК РФ).

Отраслевым законодательством предусмотрено многообразие уголовно-процессуальных форм, обусловленных процессуальными и материально-правовыми основаниями (дифференциация уголовных дел на дела частного, частно-публичного и публичного обвинения; общественная опасность совершенного преступления; максимальный размер наказания, предусмотренный санкцией статьи, и др.). Но в какой бы форме правосудие не осуществлялось, в нём обязательно должны сохраняться основные процессуальные гарантии соблюдения прав и законных интересов участников судопроизводства.

Существование различных форм судопроизводства необходимо. В отношении несложных, очевидных преступлений громоздкая процедура затягивает процесс и не способствует достижению целей правосудия, здесь нужен упрощённый порядок рассмотрения уголовных дел. В случаях же совершения особо тяжких преступлений, затрагивающих свободу и безопасность граждан, сложная формальная процедура разрешения уголовных дел призвана обеспечить возможность максимальной защиты прав и интересов лиц, пострадавших от преступлений. В любом случае при осуществлении правосудия должна обеспечиваться эффективная защита личности от незаконного и необоснованного осуждения или другого ограничения прав и свобод.

¹ Ст. 8 Всеобщей Декларации прав человека 1948 года // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.

² Ст. 10 Всеобщей Декларации прав человека 1948 года // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.

³ Ч. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.

Российское уголовное судопроизводство зиждется на принципе публичности и по общему правилу имеет сложную процедуру. Только государство является носителем юридической обязанности наказать виновного, в рамках уголовно-процессуальной деятельности лишь ему дозволяется искать и презюмировать виновность лица в совершении преступления.¹ Вопрос о смягчении жесткого правового регулирования расследования и рассмотрения уголовных дел в судах неоднократно поднимался на международном уровне. Так, в ходе совещания министров юстиции стран – участниц Совета Европы 11–12 июня 1996 года были выработаны рекомендации, в которых предлагалось отказаться от излишних формальностей при осуществлении правосудия, сделав его более доступным и понятным для населения.²

Отечественный законодатель с этой целью предусмотрел упрощённую форму судопроизводства – особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ). И хотя диспозитивность в уголовном процессе оправдана только по делам о преступлениях небольшой общественной опасности, о чём свидетельствует и мировой опыт,³ российским законом упрощённая процедура распространена и на случаи совершения тяжких преступлений (ч. 1 ст. 314 УПК РФ).

¹ См.: Мизулина Е.Б. Технология власти: уголовный процесс. – Ярославль, 1992. – С. 25.

² См.: Судебное производство в уголовном процессе РФ: практическое пособие по применению УПК РФ / под общ. ред. А.И. Карпова. – М., 2008. – С. 278.

³ Например, суммарное производство в США существует для разбираательства главным образом дел о малозначительных преступлениях (*minor offences*), а также дел о менее опасных преступлениях (*misdemeanors*), если обвиняемые по этим делам отказались от права на суд присяжных (См.: Гуценко К.Ф. Уголовный процесс основных капиталистических государств (Англия, США). – М., 1969. – С. 170.). В Китае допускается упрощённая процедура рассмотрения в суде: 1) по делам, возбужденным государственным обвинением, по которым лицо может быть приговорено к лишению свободы на срок до трех лет, аресту, надзору, штрафу, при ясности фактических обстоятельств, полноте доказательств и когда народная прокуратура предлагает либо согласна применить упрощённую процедуру рассмотрения; 2) по делам, которые рассматриваются только по заявлениям; 3) по незначительным уголовным делам, по которым у потерпевшего имеются доказательства, свидетельствующие о совершении преступления (ст. 174 УПК КНР).

Согласие с обвинением предполагает признание обвиняемым своей вины в совершении преступления. Обвинение есть утверждение о совершении конкретным лицом деяния, запрещенного уголовным кодексом, то есть преступления (п. 22 ст. 5 УПК РФ), а преступление – это всегда виновно совершённое общественно опасное деяние (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Не означает ли это, что в данном случае значение признания обвиняемым своей вины явно завышено, ему приданы исключительные свойства? Думается, что нет, речь идёт здесь лишь о сокращении процесса доказывания, если против этого не возражают стороны.

Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств (ч. 2 ст. 77 УПК РФ). Законодатель, закрепляя это правило, предупреждает от переоценки значения признания обвиняемым своей вины и указывает на необходимость иметь совокупность доказательств, подтверждающих достоверность показаний обвиняемого. Суд не вправе довольствоваться полученным признанием обвиняемого, он обязан удостовериться в бесспорности доказательств, подтверждающих вину обвиняемого.

Производство в особом порядке не означает вынесение приговора без проведения судебного разбирательства. Изъятия, установленные законом позволяют суду не проводить в общем порядке исследование собранных по делу доказательств (ч. 5 ст. 316 УПК РФ),¹ то есть речь идет о сокращении судебного следствия, если против этого не возражает ни обвиняемый, ни обвинитель, ни потерпевший, то есть, когда нет спора сторон, нет спора с обвинением.

В данном случае оценка доказательств, относящихся к обстоятельствам, входящим в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), проводится судьёй в опосредованном порядке, поскольку ему необходимо удостовериться в том, что обвинение обосновано и подтверждается собранными по делу доказательствами. И только исследование об-

¹ См.: П. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами норм УПК РФ» от 05.03.2004 г. (в ред. от 11.01.2007 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 5; – 2007. № – 2; – № 4; Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» от 05.12.2006. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 2.

стоятельств, указанных в ч. 5 ст. 316 УПК РФ осуществляется непосредственно. По ходатайству сторон или по своей инициативе суд может непосредственно исследовать в судебном заседании обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, а также смягчающие или отягчающие наказание (характеристики, квитанции, справки, расписки и т. п.).

При рассмотрении дела в особом порядке законом предусмотрено постановление только обвинительного приговора. Если судья до вынесения приговора установит, что по делу есть обстоятельства, препятствующие вынесению обвинительного приговора, либо имеются основания для изменения квалификации содеянного, прекращения дела или оправдания подсудимого, он выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает рассмотрение уголовного дела по общим правилам.

Назначение и рассмотрение уголовного дела в особом порядке возможно, если предъявленное обвинение обоснованно и подтверждается совокупностью собранных по делу доказательств, которые не вызывают сомнений в своей юридической силе. В ходе особого порядка судебного разбирательства не допускается переквалификации деяния, уголовно-правовая оценка содеянного виновным не может изменяться ни в сторону ухудшения его положения, ни в сторону улучшения.¹

Особенностями данного уголовно-процессуального института также являются: 1) право, а не обязанность судьи постановить обвинительный приговор в особом порядке судопроизводства; 2) наличие заявленного исключительно в присутствии защитника обвиняемым ходатайства о рассмотрении его дела в особом порядке; 3) отсутствие возражений по этому поводу со стороны обвинения; 4) обязанность суда удостовериться в том, что обвиняемый осознаёт характер и последствия заявленного ходатайства, что ходатайство заявлено добровольно и после консультаций с защитником путём допроса подсудимого и потерпевшего; 5) невозможность обжалования приговора на основании несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела; 6) запрет применения особого порядка судебного разбирательства в отношении несовершеннолетних; 7) суд может

¹ См.: Толкаченко А.А., Толкаченко А.А. Уголовно-правовые аспекты особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам // Уголовное судопроизводство. – 2006. – № 3. – С. 28.

постановить обвинительный приговор в особом порядке только при условии, что обвиняемый признаёт обвинение в полном объеме обоснованным и подтверждённым собранными по делу доказательствами.

Перед постановлением приговора в особом порядке судья обязательно должен выяснить, что обвиняемый признал свою вину в совершении всех предъявленных ему преступлений, а не какой-нибудь части, всех эпизодов, являющихся составными элементами инкриминируемых деяний. Он также обязан удостовериться, что совершено преступление, за которое санкцией уголовно-правовой нормы предусмотрено наказание, не превышающее 10 лет лишения свободы, а лицо действовало вне группы или имеются ходатайства всех обвиняемых на подобную процедуру судопроизводства.

Сложность формирования и постановления приговора при особом порядке судебного разбирательства заключается в том, что в нём не обосновываются выводы суда о подтверждении признания подсудимым своей вины другими доказательствами по делу. Принимая решение в таком порядке суд «полностью доверяет собранным в ходе предварительного расследования доказательствам»¹. Если же у суда возникают сомнения относительно осознания подсудимым характера и последствий выбранной процедуры либо относительно добровольности ходатайства, упрощённая форма судебного разбирательства по уголовному делу не проводится.

Законодатель, закрепляя столько дополнительных условий и оговорок, предупреждает от переоценки значения признания обвиняемым своей вины, что особенно актуально, если обвиняемый признал свою вину под принуждением или оговорив себя в силу иных различных причин.

¹ Баканова А.А. Формирование и постановление приговора при особом порядке судебного разбирательства // Российский судья. – 2008. – № 6. – С. 19.

А. К. Белокопытов

ЗАКОННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

В соответствии с ч. 1 ст. 433 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) производство о применении принудительных мер медицинского характера, указанных в пунктах «б»-«г» ч. 1 ст. 99 УК РФ (принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа; принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа; принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением), осуществляется в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение.

Как справедливо отмечает М.Ш. Буфетова, «еще в недалеком прошлом представление об общественной опасности психически больных обуславливало излишне суровые и антигуманные способы защиты обращения с ними, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. В то же время, лица, страдающие психическими расстройствами, – такие же члены общества, как и другие граждане, наделены той же совокупностью основополагающих прав и свобод, что и все остальные. Поэтому задача государства состоит в том, чтобы дать этим правам и свободам юридическое оформление и установить процедуры, защищающие их носителя от каких-либо неправомерных посягательств на них»¹. Одной из гарантий защиты прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, является участие в производстве их законных представителей.

Вопросам участия в уголовном деле законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении

¹ Буфетова М.Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Иркутск, 2004. – С. 14.

принудительной меры медицинского характера, посвящена ст. 437 УПК РФ.

Исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 437 УПК РФ, законным представителем лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, может быть любой его близкий родственник, и лишь при отсутствии такового законным представителем может быть признан орган опеки и попечительства.

Согласно п. 4 ст. 5 УПК РФ, близкие родственники – это супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки.

Не совсем понятно, почему законными представителями несовершеннолетнего лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, не могут являться его попечители, то есть те лица, которые, по сути, заменяют ему родителей, а также его опекуны?

Как указывал Пленум Верховного Суда СССР в п. 8 своего постановления от 26 апреля 1984 г. № 4 «О судебной практике по применению, изменению и отмене принудительных мер медицинского характера» (с изменениями от 1 ноября 1985 г.)¹, законными представителями лица, в отношении которого рассматривается вопрос о применении принудительной меры медицинского характера, в соответствии с законодательством союзных республик могут быть признаны, в частности, усыновители, опекуны, попечители, а также близкие родственники, представители учреждений и организаций, на попечении которых он находился.

На основании п. 12 ст. 5 УПК РФ законные представители – родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства;

¹ О судебной практике по применению, изменению и отмене принудительных мер медицинского характера: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. № 4 (с изменениями от 1 ноября 1985 г.) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – М., 2008. – Загл. с экрана.

Думается, что законными представителями лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, могут являться его попечители (причем и в тех случаях, когда попечительство было установлено над гражданами, ограниченными судом в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами), представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетнее лицо, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительной меры медицинского характера, а также его опекуны.

Согласно ч. 1 ст. 437 УПК РФ законный представитель лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, привлекается к участию в уголовном деле на основании постановления следователя либо суда.

Как указал Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 20 ноября 2007 г. 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева», «закрепленное в части первой статьи 437 УПК РФ правило о привлечении на основании постановления следователя или суда законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, к участию в уголовном деле служит важной гарантией прав лиц, не способных (или недостаточно способных) самостоятельно участвовать в судопроизводстве в силу наличия у них психического расстройства. Исползованная федеральным законодателем формулировка «законный представитель привлекается к участию в уголовном деле» является императивным по своему характеру предписанием, которое исключает осуществление производства о применении принудительных мер медицинского характера без участия в уголовном деле законного представителя, равно как статья 438 УПК РФ не допускает рассмотрение этой категории дел в отсутствие защитника. Данный вывод подтверждается и положениями частей третьей и шестой статьи 439, частей первой и третьей статьи 445 УПК РФ, предусматривающими обязанность следователя и суда в ходе производства по каждому делу о применении принудительных мер медицинского характера предоставлять процессуальные документы законному представителю».

В УПК РФ не закреплен момент, с которого к участию в уголовном деле привлекается законный представитель лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера. Представляется, что по аналогии со ст. 438 УПК РФ, согласно которой в производстве о применении принудительных мер медицинского характера участие защитника является обязательным с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы, если защитник ранее не участвовал в данном уголовном деле, учитывая положение лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, первое предложение ч. 1 ст. 37 УПК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «Законный представитель лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, привлекается к обязательному участию в уголовном деле на основании постановления следователя либо суда с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы».

В период действия УПК РСФСР 1960 г. в уголовно-процессуальном законе не был закреплен перечень прав законного представителя лица, в отношении которого решался вопрос о применении принудительной меры медицинского характера. Поэтому одни процессуалисты предлагали определять статус законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, аналогично статусу законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого¹.

Другие же отмечали, что «на стадии предварительного расследования законный представитель практически не наделен какими-либо процессуальными правами. ... Эти два особых производства имеют столь специфические, присущие только каждому из них в отдельности, процессуальные особенности, что объединить их деятель-

¹ Вицин С.Е. Принудительные меры медицинского характера. Понятие, основания и порядок применения : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 – М., 1970. – С. 158-159; Галаган А.И. Особенности расследования органами внутренних дел общественно опасных деяний лиц, признаваемых невменяемыми : Учеб.-практ. пособие. – Киев : КВШ МВД СССР, 1986. – С. 55-56.

ность одними рамками не представляется возможным»¹. Поэтому предлагалось закрепить перечень прав таких законных представителей².

Как предусмотрено ч. 2 ст. 437 УПК РФ, законный представитель вправе: 1) знать, в совершении какого деяния, запрещенного уголовным законом, уличается представляемое им лицо; 2) заявлять ходатайства и отводы; 3) представлять доказательства; 4) участвовать с разрешения следователя в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его защитника; 5) знакомиться с протоколами следственных действий, в которых он принимал участие, и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в них записей; 6) по окончании предварительного расследования знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме, в том числе с использованием технических средств, получать копию постановления о прекращении уголовного дела или направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера; 7) участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела; 8) обжаловать действия (бездействие) и решения следователя, прокурора и суда; 9) получать копии обжалуемых решений; 10) знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях и подавать на них возражения; 11) участвовать в заседании судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. О разъяснении законному представителю его прав составляется протокол (ч. 3 ст. 437 УПК РФ).

Анализируя права законного представителя лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, следует отметить, что право законного представителя участвовать в следственных действиях только с разрешения следователя не направлено на защиту прав и законных интересов лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, в определенной сте-

¹ Панкратов В.А. Законное представительство как уголовно-процессуальный институт: учеб. пособие. – М., 1994. – С. 13.

² См.: Колмаков П.А. Права и обязанности лица, нуждающегося в применении принудительных мер медицинского характера // Правоведение. – 1985. – № 3. – С. 89-93.

пени ограничивает законного представителя. С этой точки зрения заслуживает внимания положение, закрепленное в ч. 3 ст. 551 Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств-участников СНГ, одобренного Постановлением Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. № 7-6¹, согласно которой в следственных действиях могут участвовать защитник, законный представитель, лицо, в отношении которого возбуждено производство по применению принудительных мер медицинского характера, за исключением случаев, когда его психическое состояние препятствует этому.

Думается, в текст уголовно-процессуального закона должны быть внесены изменения, предусматривающие право законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, участвовать в любых следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству защитника данного лица (следует отметить редакционную неточность п. 4 ч. 2 ст. 437 УПК РФ, из буквального толкования которой следует, что у законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, может быть защитник).

В соответствии с ч. 3 ст. 439 УПК РФ, о прекращении уголовного дела или направлении его в суд следователь уведомляет законного представителя и защитника, а также потерпевшего и разъясняет им право знакомиться с материалами уголовного дела. В постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера должны быть изложены: 1) обстоятельства, указанные в ст. 434 УПК РФ и установленные по данному уголовному делу; 2) основание для применения принудительной меры медицинского характера; 3) доводы защитника и других лиц, оспаривающих основание для применения принудительной меры медицинского характера, если они были высказаны (ч. 4 ст. 439 УПК РФ).

¹ Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ: Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 года. – М.: Изд-во Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 1996.

Копия постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера вручается защитнику и законному представителю (ч. 6 ст. 439 УПК РФ).

Постановление суда об освобождении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, от уголовной ответственности или от наказания и о применении к нему принудительных мер медицинского характера может быть обжаловано законным представителем этого лица в кассационном порядке в соответствии с главой 45 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 445 УПК РФ, по ходатайству законного представителя лица, признанного невменяемым, суд прекращает, изменяет или продлевает применение к данному лицу принудительной меры медицинского характера на следующие 6 месяцев.

О назначении уголовного дела к слушанию суд извещает законного представителя лица, к которому применена принудительная мера медицинского характера, администрацию психиатрического стационара, защитника и прокурора (ч. 3 ст. 445 УПК РФ). При этом участие в судебном заседании защитника и прокурора обязательно. Неявка других лиц не препятствует рассмотрению уголовного дела (ч. 4 ст. 445 УПК РФ). Представляется, что участие законного представителя лица, к которому применена принудительная мера медицинского характера, все-таки должно быть обязательным, поскольку вероятность того, что он формально отнесется к деятельности по защите прав и законных интересов лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, думается, намного ниже, чем вероятность формального отношения защитника, особенно защитника по назначению.

Согласно ч. 5 ст. 445 УПК РФ, в судебном заседании исследуются ходатайство, медицинское заключение, выслушивается мнение лиц, участвующих в судебном заседании. Если медицинское заключение вызывает сомнение, то суд по ходатайству лиц, участвующих в судебном заседании, или по собственной инициативе может назначить судебную экспертизу, истребовать дополнительные документы, а также допросить лицо, в отношении которого решается вопрос о прекращении, об изменении или о продлении применения принуди-

тельной меры медицинского характера, если это возможно по его психическому состоянию.

Анализируя вопрос о законном представителе лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительной меры медицинского характера, следует также отметить следующее. В п. 12 ст. 5 УПК РФ не указываются близкие родственники, опекуны и попечители лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительной меры медицинского характера, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетнее лицо, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительной меры медицинского характера, что, думается, должно быть исправлено путем внесения в данную правовую норму соответствующих дополнений¹.

Давыдова М.В.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Становление и развитие межгосударственных отношений по противодействию преступности, а также регулирующих данные отношения правовых норм, осуществлялось в течение длительного исторического периода. С древности государства, движимые общими интересами, пытались объединить свои усилия в этом направлении. Для достижения цели совместной борьбы с преступностью создавались, в первую очередь, международно-правовые нормы. Позже возникла необходимость и внутригосударственного регулирования данных отношений.

¹ Так, например, п. 9 ч. 1 ст. 6 УПК Республики Беларусь закрепляет следующую дефиницию «законные представители – это родители, усыновители, опекуны, попечители подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего или гражданского истца; представители учреждений и организаций, на попечении которых находятся подозреваемый, обвиняемый, лицо, совершившее общественно опасное деяние, потерпевший или гражданский истец».

а) Международно-правовое регулирование.

По вопросу о периодизации истории развития правовых норм, регулирующих отношения в рассматриваемой сфере, учеными высказываются различные точки зрения. М.П. Глумин, например, выделяет четыре исторических этапа: первый – XVIII – начало XX века; второй – начало 20-х – конец 40-х годов XX века; третий – начало 50-х – начало 90-х годов XX века; четвертый – начало 1990 годов – настоящее время¹. Приведенная периодизация представляется достаточно спорной, поскольку в нее не вошел огромный исторический пласт – с древнейших времен – до XVIII века. Поэтому, более корректной, на мой взгляд, является периодизация, предложенная А.Г. Волеводзом. Он выделяет шесть исторических периодов развития правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного процесса (частично совпадающих с периодами, выделенными М.П. Глуминым): первый – с древнейших времен и до конца XVII века (начало правового оформления института выдачи лиц, совершивших преступления); второй – период, охватывающий XVIII – начало XIX века (формирование общепризнанных начал международно-правового института выдачи); третий – с 1833 г. до 1919 г. (появление внутригосударственных норм, специально посвященных регулированию отношений выдачи и правовой помощи, а также расширения международно-правового регулирования данных отношений); четвертый – с 1919 г. до 1945 г. (широкое распространение практики заключения двусторонних договоров в сфере экстрадиции, создание международно-правовых основ сотрудничества в борьбе с отдельными видами преступлений); пятый – с 1945 г. до начала 1990-х годов (формирование многосторонней международно-правовой базы сотрудничества в сфере уголовного процесса на универсальном и региональном уровнях); шестой – с начала 1990 годов и до настоящего времени (активизация сотрудничества государств в сфере уголовного судопроизводства)².

Раньше других видов международного сотрудничества в борьбе с преступностью возникли отношения по выдаче лиц, совершивших

¹ См.: Глумин М.П. Международно-правовая помощь по уголовным делам как институт уголовно-процессуального права России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Н. Новгород, 2005. – С. 17.

² См.: Волеводз А.Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2002. – С. 14-20.

преступление (экстрадиция)¹. В дошедшем до наших дней договоре между царем хеттов Хаттушилем III и египетским фараоном Рамсесом II было закреплено следующее правило о выдаче лиц, совершивших преступление: «Если кто-либо убежит из Египта и уйдет в страну хеттов, то царь хеттов не будет его задерживать, но вернет в страну Рамсеса»². Практика договоренностей по вопросам выдачи беглых рабов и других преступников существовала и в других древних государствах: Месопотамии, Греции, Риме³.

В Древней Руси также заключались договоры, устанавливающие правила выдачи русских другими государствами: уже в X веке были заключены три международных договора с Византией, из которых наиболее известен Договор киевского князя Олега 911 г.⁴

Данное направление взаимодействия в борьбе с преступностью было основным для государств вплоть до второй половины XIX века. О приоритетности этого вида сотрудничества, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что большинство заключенных в указанный период времени международных договоров в сфере уголовного процесса касались именно выдачи преступников⁵. Очевидно, что государства были заинтересованы, в первую очередь, в выдаче государственных преступников, бунтовщиков и изменщиков. Такие договоры заключались ими гораздо раньше, чем договоры о выдаче лиц, виновных в совершении уголовных преступлений⁶.

¹ См.: Волженкина В.М. Выдача в российском уголовном процессе. – М., 2002. – С. 3; Бойцов А.И. Выдача преступников. – СПб., 2004. – С. 9; Нигматуллин Р.В. К истории формирования института выдачи в российском законодательстве // Российский следователь. – 2005. – № 6. – С. 59.

² См.: Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. – СПб., 2003. – С. 9.

³ См.: Иногамова-Хегай Л.В. Указ. соч. – С. 10.

⁴ См.: Волженкина В.М. Нормы международного права в российском уголовном процессе. – СПб., 2001. – С. 18-19.

⁵ См.: Волеводз А.Г. Международный розыск, арест и конфискация полученных преступным путем денежных средств и имущества (правовые основы и методика). – М., 2000. – С. 8.

⁶ См.: Чирикин В.А. Международное сотрудничество правоохранительных органов России по борьбе с преступностью (1861 – 1917 г.г.): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 1999. – С. 54; Тесленко А.М. Глава 54 нового УПК Российской Федерации: исторический аспект // Российский юридический журнал. – 2001. – № 4. – С. 102.

С течением времени отношения по противодействию преступности между государствами становились более разнообразными, потребности развивающейся практики обуславливали заключение международных договоров, регламентирующие, наряду с вопросами выдачи лиц для осуществления уголовного преследования, и вопросы оказания взаимной помощи при производстве по уголовным делам.

Российская Империя достаточно активно участвовала в международном сотрудничестве по вопросам противодействия преступности. За период со второй половины 60-х годов XIX века и до 1917 г. Россия заключила 21 соглашение в этой сфере (преимущественно с европейскими государствами – Данией, Швецией, Нидерландами, Италией, Бельгией и другими). Данные договоры содержали как положения о выдаче лиц, так и нормы, регулирующие осуществление отдельных видов взаимной правовой помощи: проведение следственных действий (в основном – допроса свидетелей), обеспечение явки свидетелей, «сообщение документов, актов и сведений по уголовным делам», «арест вещей и их выдача».¹

Период с начала XX века и до 1945 г. для нашей страны характеризуется свертыванием процесса сотрудничества с другими государствами по вопросам борьбы с преступностью, что объясняется фактическим отсутствием потребности в таком сотрудничестве. Международные отношения СССР в это время поддерживались преимущественно на дипломатическом уровне².

После окончания Второй мировой войны международное сотрудничество в сфере противодействия преступности вышло на качественно новый уровень: приоритет в регулировании указанных отношений стал отдаваться международно-правовым актам регионального и универсального уровня.

Важную роль в организации сотрудничества государств в сфере уголовного процесса, в том числе и в создании международно-правовых норм, стала играть Организация Объединенных Наций.

Начиная с 1955 г., и до настоящего времени ООН проведено одиннадцать Международных конгрессов по предупреждению пре-

¹ См.: Чирикин В.А. Указ. соч. – С. 87-108; Волеводз А.Г. Указ. соч. – С. 8.

² См.: Волеводз А.Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства : Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – С. 16.

ступности и обращению с правонарушителями, значение которых трудно переоценить¹. Предметом обсуждения на этих представительных международных форумах стали вопросы содействия «развитию более эффективной политики в области предупреждения преступности и разработке мер по обеспечению уголовного правосудия во всем мире»².

Государства, участвующие в работе Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, не оставили без внимания и вопросы взаимодействия компетентных органов различных государств при расследовании уголовных дел. Так, на Восьмом конгрессе были выработаны следующие документы: Типовой договор о выдаче, Типовой договор о взаимной правовой помощи в области уголовного правосудия, Типовой договор о передаче уголовного судопроизводства (приняты резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/116, № 45/117, № 45/118 - соответственно)³.

Нормы о сотрудничестве в сфере уголовного процесса включены в многосторонние договоры по вопросам противодействия международным преступлениям или преступлениям международного характера. К таким договорам относятся, например: Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.⁴, Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.¹ и другие.

¹ См.: Овчинский В.С. Основы международного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью // Следователь. – 1999. – № 9. – С. 44-47; Нигматуллин Р.В. Одиннадцатый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и проблемы координации международного сотрудничества по борьбе с преступностью // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 5. – С. 41-43; Шарифуллин Р.А. Некоторые правовые аспекты международного сотрудничества в области предупреждения преступности // Российский судья. – 2006. – № 12. – С. 43-45; Скирда М.В. К вопросу о влиянии актов Конгрессов Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию на правовую систему Российской Федерации // Российский судья. – 2007. – № 7. – С. 36-37.

² Костенко Н.И. Роль Организации Объединенных Наций и эффективные меры по борьбе с транснациональной организованной преступностью // Государство и право. – 2006. – № 7. – С. 78.

³ См.: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – М.: КонсультантПлюс, 2009. – Загл. с экрана.

⁴ См.: Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 2. – С.3-33.

Наряду с общими нормами международного права, регулирующими сотрудничество государств в сфере уголовного судопроизводства, во второй половине XX века интенсивно развивались и региональные нормы, в том числе - европейские². Значительный вклад в формирование комплекса европейских региональных норм внесен Советом Европы. В рамках СЕ были разработаны и приняты Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г.³, Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г.⁴, Европейская конвенция о передаче судопроизводства по уголовным делам от 15 мая 1972 г.⁵, которые до настоящего времени эффективно регулируют отношения по выдаче лиц, осуществлению уголовного преследования на основании запроса иностранного государства и оказанию правовой помощи по уголовным делам. Европейская конвенция 1959 г., как справедливо отмечает В.В. Милинчук, сформировала современный облик института взаимной правовой помощи⁶.

Наше государство, несмотря на определенную изолированность от процессов западноевропейского международного нормотворчества (имеется в виду период существования СССР), внесло, тем не менее, свой вклад в развитие региональных норм по борьбе с преступностью. Этот вклад выражался в заключении двусторонних договоров о правовой помощи с социалистическими государствами (например, договоров об оказании правовой помощи, заключенных в 1957 г. с Польской Народной Республикой, Народной Республикой Болгария, Германской Демократической Республикой и другими социалистическими государствами⁷). Договоры предусматривали возможность са-

¹ См.: Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 2780.

² См.: Воробьев И.А. Как развивается международное сотрудничество в борьбе с организованной преступностью // Журнал российского права. – 1998. – № 8. – С. 160-163; Нигматуллин Р.В. Становление сотрудничества государств Европы в борьбе с преступностью // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 2 (29). – С. 49-53.

³ См.: Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 23. – Ст. 2348.

⁴ См.: Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 23. – Ст. 2349.

⁵ См.: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – М.: КонсультантПлюс, 2009. – Загл. с экрана.

⁶ См.: Милинчук В.В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. Действующая практика и перспективы развития. – М., 2001. – С. 9.

⁷ Там же. – С. 11-16.

мого широкого сотрудничества: оказание помощи в передаче преступников, вручение документов, передача вещей, выполнение отдельных процессуальных действий (проведение обысков, экспертизы, допросов обвиняемых, свидетелей, экспертов и др.), направление свидетелей и экспертов за границу для оказания помощи в расследовании преступления. Возникновение на постсоветском пространстве независимых государств и их объединение в СНГ повлекло создание в рамках этой организации специальных норм, регулирующих отношения по борьбе с преступностью¹. Одним из основных договоров является Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанная в г. Минске 22 января 1993 г.², закрепившая положения о порядке взаимодействия компетентных органов различных государств при осуществлении правовой помощи, объеме помощи, требованиях к содержанию и форме поручения об оказании правовой помощи, порядке осуществления экстрадиции и другие.

Положения, закрепленные в Минской конвенции 1993 г., нашли дальнейшее развитие в Кишиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002³, которую подписали Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Грузия, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Украина. На сегодняшний день она вступила в силу лишь для Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Российской Федерацией данное международное соглашение еще не ратифициро-

¹ См.: Божелко О.А. О проблемах совершенствования сотрудничества государств-участников Содружества Независимых государств в борьбе с преступностью. Доклад от Координационного совета генеральных прокуроров государств-участников СНГ // Прокурорская и следственная практика. – 1999. – № 1-2. – С. 56-63; Саматов О.Ж. Правовая помощь и иные формы правового сотрудничества стран СНГ // Право и политика. – 2005. – № 7. – С. 69-74; Нигматуллин Р.В. Международное сотрудничество по борьбе с преступностью государств-участников СНГ // История государства и права. – 2006. – № 7. – С. 42-45.

² См.: Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1472.

³ См.: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – М.: КонсультантПлюс, 2009. – Загл. с экрана.

вано, поэтому отношения России с другими членами СНГ регулируются положениями Минской конвенции 1993 г.

б) Внутригосударственное регулирование.

Как уже отмечено выше, положения, регулирующие вопросы сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью, первоначально содержались исключительно в нормах международно-правовых актов. Но на определенном этапе сотрудничества (когда в международные договоры стали включаться положения, непосредственно касающиеся деятельности компетентных органов и должностных лиц государств-участников в сфере уголовного судопроизводства) стало очевидным, что реализация международных норм невозможна без соответствующего внутригосударственного регулирования.

В российском законодательстве такие нормы появились в XIX веке. Статьи 179-181 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г., закрепляющие возможность применения норм Уложения в отношении российских подданных совершивших преступления против российского государства и находящихся вне пределов России, содержали положения о выдаче таких лиц¹. Данные нормы закрепили «материально-правовые основы экстрадиции и других форм международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства»². Особое значение для регулирования рассматриваемых отношений имела ст. 190 Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 г., закрепившая возможности международного сотрудничества судебных мест и должностных лиц судебного ведомства Российской Империи. Согласно указанной статье, «сношения судебных мест и должностных лиц империи с судебными и другими местами иностранных государств производятся посредством министра юстиции через министерство иностранных дел»³.

В советский период сфера деятельности правоохранительных и судебных органов, связанная с выполнением международно-правовых обязательств нашего государства, оставалась слабо урегу-

¹ См.: Российское законодательство X – XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. – М., 1988. – С. 210-211.

² См.: Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. – М., 2002. – С. 67.

³ См.: Российское законодательство X – XX веков. Т. 8. Судебная реформа. – М., 1991. – С. 52.

лированной внутригосударственным правом, поскольку в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствовал механизм реализации норм международного права в уголовном процессе¹. Вместе с тем, указанные вопросы нашли отражение в ряде нормативных актов, в частности, в Постановлении ЦИК и СНК СССР от 27 августа 1926 г. «О порядке сношений правительственных учреждений и должностных лиц Союза ССР и союзных республик с правительственными учреждениями и должностными лицами иностранных государств», в котором устанавливался общий порядок взаимодействия компетентных органов через НКВД СССР (позднее МИД СССР)². Аналогичное положение содержалось и в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1974 г. «О порядке сношений государственных учреждений СССР и их должностных лиц с учреждениями и должностными лицами иностранных государств»³. В последующем перечень органов, компетентных осуществлять непосредственное взаимодействие с иностранными органами и должностными лицами, существенно расширился. В Постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. № 9132-ХІ «О мерах по выполнению международных договоров СССР о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам»⁴ к таким органам были отнесены: Министерство юстиции СССР – по всем вопросам, связанным с работой судов, по вопросам представления сведений о действующем или действовавшем в СССР законодательстве и в иных случаях, прямо предусмотренных договорами; Верховный Суд СССР - по вопросам его судебной деятельности; Прокуратура Союза ССР - по вопросам, связанным с возбуждением уголовного преследования, проведением дознания и предварительного следствия, выдачи и перевозки выданных лиц, сообщения о результатах уголовного преследования и всем другим вопросам, связанным с работой органов прокуратуры, внутренних дел, государственной безопасности, а также в иных случаях,

¹ См.: Тесленко А.М. Указ. статья. – С. 101; Бирюков П.Н. Уголовно-процессуальное законодательство РФ и международные договоры: проблемы взаимодействия // Российский юридический журнал. – 1998. – № 4. – С. 46; Малиновский О.Н. Нормы международного права о правах человека как источник российского уголовно-процессуального права: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003. – С. 65.

² См.: Волеводз А.Г. Правовое регулирование... – С. 82.

³ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. – 1948. – № 5. – Ст. 2.

⁴ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. – 1988. – № 26. – Ст. 428.

прямо предусмотренных договорами; Министерство иностранных дел СССР - по вопросам истребования и пересылки документов об актах гражданского состояния и в иных случаях, прямо предусмотренных договорами. На Верховный Суд СССР и Прокуратуру Союза ССР было возложено и решение вопроса о возможности применения при исполнении поручения процессуального законодательства соответствующего иностранного государства.

УПК РСФСР содержал лишь отсылочную норму (ст. 32), которая закрепляла следующее положение: «Порядок сношения судов, прокуроров, следователей и органов дознания с судебно-следственными органами иностранных государств, а равно порядок выполнения поручений последних определяется законодательством Союза ССР и РСФСР и международными договорами, заключенными СССР и РСФСР с соответствующими государствами».

Содержание указанной статьи предполагало обязанность правоохранительных органов нашего государства по оказанию правовой помощи компетентным органам иностранных государств путем выполнения отдельных процессуальных действий, в частности, путем составления и пересылки документов, протоколов допроса обвиняемых, свидетелей, экспертов, осмотра, выполнения поручений о вручении документов и т.п. В объем правовой помощи включалась и выдача запрашивающему государству обвиняемых в совершении преступлений для осуществления их уголовного преследования и осужденных для приведения приговора в исполнение¹.

Однако специальных норм, детально регулирующих порядок сношения судов, прокуроров, следователей и органов дознания с судебно-следственными органами иностранных государств при расследовании уголовных дел, выдачи преступников УПК РСФСР не содержал, что, безусловно, затрудняло практическое применение международных норм в уголовном судопроизводстве. Подобная неполнота уголовно-процессуального регулирования объективно объяснялась отсутствием практики применения международных договоров и опыта законодательного регулирования в этой сфере².

¹ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 1997. – С. 64-65.

² Абдрашитова Р.З. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: проблемы становления и дальнейшее развитие // Право и политика. – 2006. – № 2. – С. 107.

При разработке нового УПК РФ законодатель устранил существовавший ранее пробел и предусмотрел ряд глав, регламентирующих порядок взаимодействия правоохранительных органов с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями, выдачу лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачу осужденных к лишению свободы лиц для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются (гл. 53, 54, 55 УПК РФ).

Несмотря на относительно непродолжительный период существования в УПК РФ норм о взаимной правовой помощи по уголовным делам, правоприменительная практика свидетельствует об их востребованности. В частности, Генеральная прокуратура Российской Федерации в 2008 году сотрудничала по вопросам экстрадиции и правовой помощи с компетентными органами более чем 70 государств¹. Результаты анкетирования следователей системы прокуратуры Российской Федерации (Сибирского, Уральского и Дальневосточного федеральных округов) в 2006 – 2008 г.г. показали, что из 400 опрошенных более трети (145) непосредственно участвовали в осуществлении экстрадиции или взаимной правовой помощи.

Следует особо подчеркнуть, что в УПК РФ отразились мировые тенденции развития межгосударственного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, в частности, произошла дифференциация норм, регулирующих оказание взаимной правовой помощи, выдачу лиц для уголовного преследования или исполнения приговора суда, передачу уголовного дела для осуществления уголовного преследования, передачу осужденных для отбывания наказания. Представляется, что и в дальнейшем взаимодействие международно-правовых норм и норм российского уголовно-процессуального законодательства обеспечит их поступательное развитие и совершенствование.

¹ Решение коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. «Об итогах работы органов прокуратуры за 2008 г. и мерах, направленных на повышение эффективности деятельности по укреплению законности и правопорядка».

О. М. Смирнов

УВАЖЕНИЯ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК ПРИМЕР ПРИЗНАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЕМ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ

Законные интересы личности в уголовном судопроизводстве – прежде всего интересы, закрепленные в законе, а также интересы, хотя и не предусмотренные конкретной правовой нормой, но соответствующие закону¹. А.В. Малько и В.В. Субочев отмечают, что законные интересы – своеобразный диалектический трамплин между разрешенным и незапрещенным в праве, между нормативным и ненормативным, казуальным². И поскольку интересы существуют объективно и не зависят от их осознания, законодатель должен стремиться к адекватному их отражению. Целью правотворчества является закрепление положений, учитывающих объективные общественные отношения субъектов права, их интересы, а не только проявления их воли³. Таким образом, подчеркивает С.В. Михайлов, при создании закона важно понимать, что для устойчивости и эффективности системы права, для ее соответствия естественному праву и справедливости нужно ориентироваться, в первую очередь, на объективные интересы субъектов общественных отношений. Законодатель должен осознавать объективные интересы, чтобы закрепить в правовых нормах адекватные правовые средства, регулирующие общественные отношения, а, следовательно, и реализацию интересов⁴.

Одним из наглядных примеров осознания объективных интересов личности – участника уголовного судопроизводства, а также закрепления правовых средств их реализации является законодательное требование уважения чести и достоинства личности среди принципов российского уголовного судопроизводства (ст. 9 УПК РФ). Уважение чести и достоинства участника уголовного судопроизводства – безусловное этическое правило, имеющее нравственную природу, получи-

¹ Кокорев Л.Д., Котов Д.П., Баев О.Я. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве. – Воронеж, 1984. – С. 21.

² Малько А.В., Субочев В.В. Законные интерес и юридическая обязанность: аспекты соотношения // Юридический мир. – 2007. – №3(123) – С. 21.

³ Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. – М., 2002. – С. 36.

⁴ Там же. – С. 36.

ло свою юридическую регламентацию в виде правовых запретов, смысл которых полностью соответствует новой парадигме российского уголовно-процессуального законодательства. Частный интерес, заключающийся в необходимости уважения чести и достоинства личности, безусловно, социально значим, поскольку общество объективно заинтересовано в соблюдении со стороны государства установленных правил в отношении его граждан. Следует отметить и законную цель реализации такого интереса – недопущение противоправного посягательства на личность со стороны представителей государства, защита прав и законных интересов участника уголовного судопроизводства. Поэтому считаю, что реализация положений ст. 9 УПК РФ вкупе с правовыми позициями Конституционного Суда РФ по вопросу уважения достоинства, способствует установлению истины по делу – феномена, являющегося конечной целью уголовного судопроизводства.

Обеспечение реализации частных интересов, возникающих в связи с необходимостью обеспечения уважения чести и достоинства личности в ходе производства по уголовному делу, на мой взгляд, осуществляется на двух уровнях.

Первым уровнем в данном случае является включенность рассматриваемого требования в систему нравственных норм, действующих в современном российском обществе. Стремление найти более совершенные и гуманные формы судопроизводства неизбежно заставляет обращаться к нравственным критериям оценки тех или иных правовых институтов. Попытки с гуманных позиций подойти к решению правовых коллизий, ориентируясь при этом на нравственные ценности, дают значительный выигрыш в социальном плане, закрепляя в сознании людей представление о праве как о справедливости, тем самым воспитывая уважение к закону, а следовательно, законопослушание¹.

Отрадно, что отечественный законодатель осознал необходимость обращения к нравственным критериям оценки деятельности участников уголовного судопроизводства в связи с необходимостью уважения чести и достоинства личности, восприняв соответствующие призывы, неоднократно звучавшие в отечественной юридической ли-

¹ Ветрова Г.Н. Закон и нравственность в уголовном судопроизводстве // Вестн. Моск. ун-та. Сер.11. Право. – 1996. – №1. – С. 51.

тературе советского периода¹. Справедливо замечает Г.Н. Ветрова: «Нравственное суждение «это хорошо, а это дурно (с позиций нравственных категорий добра)» – вполне может применяться к оценке процедурных правил уголовного судопроизводства в контексте целей правосудия, а также охраны личности при производстве по уголовному делу»². Более того, в рассматриваемом случае юридически значимое поведение уполномоченных должностных лиц неизбежно рассматривается с нравственных позиций. Тем самым, на мой взгляд, обеспечивается достижение нескольких целей:

1) более доступное, соответствующее нравственным установкам гражданина, восприятие деятельности сотрудников правоохранительных органов;

2) соотнесение поведения должностных лиц нравственным предписаниям, доминирующим в обществе, способно существенно облегчить общественную оценку деятельности должностных лиц, непосредственно влияя на авторитет правоохранительной деятельности и косвенно – на ее эффективность;

3) требование следования безусловным нравственным правилам, выраженным в нормах права, предъявляемое к компетентным должностным лицам, может быть одним их элементов эффективного общественного контроля как за правоохранительными органами в общем, так и за органами, осуществляющими предварительное расследование в частности. Реализация частных интересов личности осуществляется в пределах нравственно обусловленных заданных параметров дозволенного поведения должностных лиц. Характерно, что речь идет об установлении жесткой альтернативы: поведение либо соответствует предъявляемым требованиям нравственности и является правомерным, либо нет.

На втором, законодательном уровне, обеспечение частного интереса в уважения чести и достоинства участника уголовного судопроизводства достигается посредством регламентации поведения уполномоченных должностных лиц. Более того, эти правила поведе-

¹ См., напр.: Москалькова Т.Н. Нравственные основы уголовного процесса (стадия предварительного расследования): Автореф. дисс... докт. юрид. наук: 12.00.09. – М., 1997. – С. 19; Петрухин И.Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. – М., 1989. – С.24.; Савицкий В.М. Правосудие и личность // Советское государство и право. – 1983. – № 5. – С. 56.

² Ветрова Г.Н. Указ. статья. – С. 51.

ния предусмотрены в норме права более высокой степени общности – в принципе уголовного судопроизводства, что само по себе свидетельствует о том значении, которое законодатель придает уважению чести и достоинства личности в период производства по уголовному делу. Данный принцип действителен в течение всего уголовного судопроизводства, не имеет исключений и реализуется посредством соответствующей ему регламентации процессуальных действий. В случае отсутствия в процедуре производства процессуального действия конкретного правила поведения, подчеркивающего необходимость уважения чести и достоинства личности, принцип уголовного судопроизводства действует в виде аксиоматического правила, определяющего деятельность участников уголовного процесса. Кроме того, задача обеспечения уважения чести и достоинства личности возложена непосредственно на должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, с регламентацией соответствующих обязанностей. Законодатель, признавая частный интерес в уважении чести и достоинства, последовательно реализует в УПК РФ важнейшие конституционные нормы, определяющие правовой статус человека и гражданина в Российской Федерации. В силу положений ст. 21 Конституции РФ достоинство личности охраняется государством и ничто не может служить основанием для его умаления, а ч. 1 ст. 23 Конституции РФ признает за каждым право на защиту своей чести. Но самое существенное значение формулирования нравственного правила в виде законодательного предписания заключается, на мой взгляд, в том, что вследствие этого нравственный критерий оценки поведения приобретает силу закона, определяя права и возлагая соответствующие обязанности на участников уголовного судопроизводства.

Реализация интересов урегулирована нормами права, а достижение этих интересов производится с помощью предоставленных объективным правом правовых средств. Это интересы, реализуемые с помощью норм объективного права и возникающих на их основе субъективных прав. Для реализации своих интересов субъект получает инструмент, а сами правовые интересы приобретают «правовую оболочку». Реализация (охрана, защита) интересов имеет место в рамках предоставленной субъективным правом меры возможного поведения управомоченного субъекта¹. Таким образом, частные интересы, связанные с уважением чести и достоинства личности – участни-

¹ Михайлов С.В. Указ. соч. – С. 39-40.

ка уголовного судопроизводства, обеспечены на рассматриваемом уровне посредством установления нравственно обусловленного эталона поведения должностных лиц, облеченного силой закона. Важность нормативного закрепления нравственных норм подтверждается и тем, что только 36% опрошенных работников правоохранительных органов считают нравственные установки правоприменителя определяющими для выбора тактики производства следственных или иных процессуальных действий. 28% респондентов придерживаются противоположного мнения, а 18% затруднились с ответом на данный вопрос. Нравственная норма, присущая большинству членов общества, является своеобразным эталоном поведения, в том числе и для сотрудников правоохранительных органов, и также является критерием оценки и самооценки поведения должностных лиц, показателем их правовой культуры и уровня правосознания, способствующим формированию профессиональной морали.

Подчеркивая объективную обусловленность и важность закрепления уважения чести и достоинства личности в качестве уголовно-процессуального принципа, солидаризируюсь с Л.Н. Масленниковой, отметившей, что субъективные права и юридические обязанности субъектов уголовного процесса выступают главной формой правового сочетания интересов личности, коллектива, государства, общества и средств их защиты¹. Отрадно признать, что праву лица требовать уважения чести и достоинства корреспондирует соответствующая обязанность должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, которая проявляется в виде запрещений.

Уголовно-процессуальная регламентация способов обеспечения частного интереса в обеспечении уважения чести и достоинства личности демонстрирует приверженность отечественного законодателя общепризнанным гуманистическим идеалам, основанным на признании безусловного приоритета интересов личности перед интересами государства, на признании им того бесспорного положения, согласно которому поддержание и осуществление прав человека и его основных свобод зависит, с одной стороны, от подлинно демократической системы государственного устройства и, с другой стороны, от понимания и соблюдения прав человека и гражданина. Фиксирование и

¹ Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: Автореф. дисс... докт. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2000. – С. 32.

конкретизация способов обеспечения частных интересов в УПК РФ, на мой взгляд, позволяет законодателю построить систему источников уголовно-процессуального права, учитывающую и общеевропейские интеграционные процессы с участием Российской Федерации, и сближение систем права в контексте необходимости соблюдения и защиты прав и свобод человека, и необходимость унификации законодательства в области прав человека с учетом ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются частью ее правовой системы¹.

Сочетание рассмотренных двух уровней обеспечения реализации частного интереса в таком принципе уголовного процесса как уважение чести и достоинства личности образует, на мой взгляд, действенный механизм не только непосредственного пресечения возможного нарушения прав личности, но и предупреждения такого нарушения.

Д. О. Мосов

О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ ОБЖАЛОВАНИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ, ПРИНЯТОГО ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛУШАНИЯ, В ЧАСТИ ИСКЛЮЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Разрешение вопроса о допустимости доказательств на стадии предварительного слушания чрезвычайно важно для дальнейшего производства по уголовному делу, поскольку позволяет до начала судебного следствия устранить из доказывания доказательства, полученные с нарушением процессуального закона или восполнить допущенные нарушения. Особую актуальность данный вопрос приобретает в суде присяжных, поскольку в отличие от традиционной формы судебного разбирательства, где доказательства, признанные недопустимыми, не исключаются, а остаются в деле и при определенных условиях даже могут быть озвучены на заседании кем-либо из участников, доказательства, признанные недо-

¹ О иерархии источников уголовно-процессуального права см., напр.: Ковтун Н.Н., Симагин А.С. Иерархическое место Конвенции о защите прав человека и основных свобод в системе источников уголовно-процессуального права России // *Мировой судья*. – 2006. – № 7. – С. 5-8.

пустимыми на стадии предварительного слушания в суде с участием присяжных заседателей, подлежат обязательному исключению из дела с последующим запретом для сторон ссылаться на них либо упоминать об их существовании.

В соответствии с ч. 7 ст. 236 УПК РФ, судебное решение, принятое по результатам предварительного слушания, обжалованию не подлежит, за исключением решений о прекращении уголовного дела и (или) о назначении судебного заседания в части разрешения вопроса о мере пресечения. Таким образом, решение суда об исключении (об отказе в исключении) недопустимого доказательства из материалов дела, принятого по итогам предварительного слушания, не подлежит обжалованию.

Еще в период действия УПК РСФСР, Конституционный суд Российской Федерации в Постановлении от 2 июля 1998 г. N 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» выразил правовую позицию, в соответствии с которой закрепленное в статьях 331 и 464 УПК РСФСР правило, согласно которому большинство решений, которые суд первой инстанции выносит в ходе судебного разбирательства, не подлежат кассационному обжалованию и могут быть проверены в кассационном порядке лишь одновременно и в связи с приговором, направлено на исключение текущего контроля со стороны вышестоящих судебных инстанций за ходом рассмотрения дела судом первой инстанции. Таким образом, исключается вмешательство судов вышестоящих инстанций в осуществление судьями своих дискреционных полномочий. Однако возможность судебной проверки законности и обоснованности промежуточных действий и решений суда при этом не устраняется, - она лишь переносится на более поздний срок и осуществляется после постановления приговора. Поэтому не является недопустимой отсрочка в рассмотрении жалоб на решения и действия суда, обеспечивающие исследование в судебном заседании всех обстоятельств дела, в том числе принимаемых в связи с заявленными в судебном заседании ходатайствами об исследовании доказательств¹. Данная позиция не утратила свое значение и поныне.

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 02 июля 1998 г. N 20-П // Собрание законодательства РФ. – 1998 г. – № 28 – Ст. 3393.

Данная позиция в последующем была конкретизирована в Определении Конституционного суда РФ от 22 января 2004 года № 100-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Минкина В.Е. на нарушение его конституционных прав ч. 7 ст. 236 УПК РФ». В жалобе гр. В.Е. Минкина оспаривалась конституционность ч. 7 ст. 236 УПК РФ, содержащей запрет на кассационное обжалование принятого судом в ходе предварительного слушания решения по ходатайству об исключении доказательств по уголовному делу. Отказывая в принятии жалобы к рассмотрению, Конституционный Суд РФ указал, что «оспариваемая норма не может рассматриваться как нарушающая конституционные права и свободы, поскольку не препятствует подсудимому реализовать свое право на судебную защиту и заявить соответствующее ходатайство на этапе судебного разбирательства, а так же обжаловать отказ в его удовлетворении в вышестоящие суды одновременно с подачей жалобы на вынесенное судом первой инстанции итоговое решение по делу»¹.

Законодательный запрет на обжалование постановлений суда, вынесенных по итогам предварительного слушания, можно признать обоснованным при общем порядке рассмотрения уголовных дел судом первой инстанции. Предусмотренная ч. 7 ст. 235 УПК РФ возможность вернуться к рассмотрению вопроса о признании исключенного доказательства допустимым, либо поставить вопрос о недопустимости доказательства в ходе судебного следствия, во многом нивелирует запрет на обжалование постановления об исключении (отказе в исключении) доказательства из материалов уголовного дела, принятого по итогам предварительного слушания.

Однако вряд ли можно говорить об обоснованности запрета на обжалование постановления суда об исключении доказательств, принятого по итогам предварительного слушания, при производстве по уголовным делам с участием присяжных-заседателей. Учитывая особую значимость правильного разрешения вопроса о допустимости доказательств при судопроизводстве с участием присяжных заседателей, невозможность сто-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Минкина Владимира Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью 7 статьи 236 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2004 г. N 100-О [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант. Платформа F1». – М.: Гарант-Сервис, 2009. – Загл. с экрана.

ронам ссылаться на доказательства, признанные недопустимыми, вынесение вердикта присяжных заседателей на основе исследованных в суде доказательств и доказанных фактических обстоятельств, следует признать необходимым введение и законодательное закрепление возможности обжалования постановлений судьи об исключении доказательств, принятых по итогам предварительного слушания в суде с участием присяжных заседателей.

Н.И. Стабров в этой связи отмечает, что «порядок проведения предварительного слушания, расширение компетенции этой стадии процесса, наделение участников дополнительными правами и обязанностями дают все основания к постановке вопроса о законодательном закреплении возможности обжалования решения суда, принятого по итогам предварительного слушания по вопросам исключения доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве»¹, что позволит существенно снизить количество отмененных приговоров, вынесенных в суде присяжных; повысить значимость стадии предварительного слушания; побудить стороны внимательнее относиться к доказательствам, содержащимся в материалах дела; освободить стадию судебного следствия от споров по поводу допустимости доказательств, которые рассматриваются в отсутствие присяжных заседателей; повысить гарантии против проявления субъективизма при кассационном рассмотрении дела; значительно снизить финансовые затраты государства на институт суда присяжных.

Для реализации высказанных задач Н.И. Стабровым предложен ряд законодательных новелл следующего содержания:

1) после поступления дела в суд ходатайства об исключении из числа допустимых доказательств могут обсуждаться только в стадии предварительного слушания (кроме случаев, если обстоятельство, по которому можно ставить вопрос об исключении доказательства из числа допустимых, не возникло впервые в стадии судебного следствия);

2) стороне должно быть предоставлено право в кассационном порядке обжаловать постановление судьи, вынесенное по результатам предварительного слушания об исключении по причине их недопустимости доказательств, если они могут иметь существенное значение для исхода дела либо существенно повлиять на выводы суда;

¹ Стабров Н.И. Рассмотрение ходатайств о недопустимости доказательств в Российской Федерации в суде присяжных // Журнал российского права. – 2006. – № 11. – С. 22

3) кассационная жалоба или представление на постановление судьи могут быть поданы в течение 10 суток со дня его вынесения. Подача жалобы или представления не приостанавливает рассмотрение дела по существу. В необходимых случаях кассационной инстанцией может быть истребовано дело. Решение по кассационной жалобе или представлению должно быть принято до рассмотрения уголовного дела по существу;

4) кассационная инстанция вправе оставить постановление судьи без изменения либо изменить его, исключив указание о признании того или иного доказательства недопустимым с приведением мотивов;

5) стороны, не обжаловавшие постановление судьи об исключении из материалов дела недопустимых доказательств, не вправе впоследствии ссылаться на это в кассационных жалобах (представлениях)¹.

Анализируя порядок и основания признания доказательств недопустимыми в стадии предварительного слушания, Э.А. Меринов так же полагает необходимым дополнить ст. 325 УПК РФ частью 7 следующего содержания: «По результатам проведения предварительного слушания судья выносит постановление о назначении судебного заседания по итогам предварительного слушания, которое может быть обжаловано сторонами в кассационном порядке в части необоснованного исключения допустимых доказательств из числа доказательств по уголовному делу. Решение суда кассационной инстанции о законности и обоснованности признания доказательств недопустимыми или отказе в этом является окончательным»².

Разделяя в целом точку зрения Н.И. Стаброва и Э.А. Меринова о необходимости законодательного закрепления возможности обжалования решения суда по итогам предварительного слушания в части признания доказательств недопустимыми, вместе с тем полагаю, что обжалование такого решения суда не должно влечь за собой приостановления производства по уголовному делу. Кроме того, предложенная Э.А. Мериновым редакция закона, на мой взгляд, предусматривает необоснованное ущемление прав участников судопроизводства на обжалование судебного решения, исключая возможность рассмотрения вопроса о законности исключения доказательств в порядке надзорного производства.

¹ Там же. – С. 22

² Меринов Э.А. Реализация института недопустимости доказательств в уголовном судопроизводстве (теория и практика): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Владивосток, 2007. – С. 20.

Откладывая либо приостанавливая разбирательство по делу, суд фактически переносит осуществление правосудия на неопределенный срок, что, с учетом недопустимости произвольного продления срока содержания под стражей, существенно нарушает права и свободы подсудимых. В подобных ситуациях объективно создаются препятствия для дальнейшего движения дела, возникает опасность неоправданной и незаконной задержки в принятии окончательного решения по делу. Поэтому, поддерживая в целом предложенные указанными авторами законодательные новеллы, полагаю необходимым уточнить, что проверка в кассационном порядке постановления суда об исключении недопустимых доказательств не должна препятствовать рассмотрению уголовного дела по существу, не касаясь того доказательства, законность исключения которого является предметом проверки суда вышестоящей инстанции, если председательствующий по делу судья сочтет возможным продолжение судебного разбирательства; при этом надлежит установить сокращенный срок для обжалования и рассмотрения в кассационном порядке жалоб сторон на постановление судьи в части исключения доказательств, ограничив его, по аналогии с ч. 11 ст. 108 УПК РФ, 3 сутками.

Таким образом, необходимо внести изменения в ч. 5 ст. 325 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «5. Постановление судьи о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей может быть обжаловано только в части исключения доказательств в вышестоящий суд в кассационном порядке в течение 3 суток со дня его вынесения. Суд кассационной инстанции принимает решение по жалобе или представлению не позднее чем через 3 суток со дня их поступления. Решение суда кассационной инстанции может быть обжаловано в порядке надзора по правилам, установленным главой 48 настоящего Кодекса. Обжалование постановления в части исключения доказательств не влечет приостановления производства по уголовному делу, кроме случаев, когда председательствующий по делу судья сочтет это необходимым.

В остальной части постановление является окончательным. Последующий отказ подсудимого от рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей не принимается».

Процедура обжалования решений суда первой инстанции в части исключения доказательств призвана обеспечить законность и обоснованность последующего вынесения приговора, значительно сократить число судебных ошибок и последующих отмен приговоров, постановленных

судом присяжных, ведь необоснованное исключение доказательств является безусловным основанием к отмене приговора.

М. Л. Базюк

СУБЪЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК ЭЛЕМЕНТА ПРИНЦИПА ОХРАНЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Оказание противоправного воздействия на любого участника судопроизводства следует рассматривать как угрозу осуществления правосудия. При расследовании и раскрытии преступлений трудно переоценить значимость доказательственной информации, содержащейся в показаниях лиц, оказывающих содействие правосудию – сознавшегося обвиняемого (подозреваемого); свидетеля, потерпевшего или иного участника уголовного процесса. Зачастую эти лица, решившись на дачу изобличающих показаний, рискуют жизнью, здоровьем и спокойствием - как собственными, так и близких им лиц, в связи с чем проблема обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве является крайне актуальной.

Согласно ч. 3 ст. 11 УПК РФ при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные статьями 166 частью девятой, 186 частью второй, 193 частью восьмой, 241 пунктом 4 части второй, и 278 частью пятой настоящего Кодекса.

Отношения по обеспечению безопасности личности в уголовном судопроизводстве являются особым видом правоотношений, при осуществлении которых взаимодействуют различные субъекты. Следует согласиться с существующей в науке классификацией, в соответствии с которой всех субъектов отношений по обеспечению безопасности можно разделить на три группы:

«1) субъекты (лица, органы), принимающие решение о применении мер безопасности;

2) субъекты (лица, органы), реализующие (применяющие, осуществляющие) меры безопасности;

3) субъекты, подлежащие защите (защищаемые лица)»¹.

1. В состав первой группы входят должностные лица, уполномоченные принимать процессуальные решения по уголовному делу: дознаватель, орган дознания, начальник подразделения дознания, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, судья. К ним могут быть также отнесены иные должностные лица, не принимающие решения по уголовному делу, но наделенные правом принимать решения о применении внепроцессуальных мер безопасности (в случае необходимости принятия такого решения после окончания уголовно-процессуальных отношений). Согласно ст. 2 Федерального закона РФ от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»² решение об осуществлении государственной защиты принимают суд (судья), начальник органа дознания или следователь, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело, если иное не предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

2. Вторую группу образуют органы и должностные лица, осуществляющие меры безопасности. В соответствии со ст. 3 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» к ним относятся: органы внутренних дел Российской Федерации, органы федеральной службы безопасности, таможенные органы Российской Федерации и органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ по уголовным делам, находящимся в их производстве или отнесенным к их ведению, а также иные государственные органы, на которые может быть возложено в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществление отдельных мер безопасности. Предусмотрены вышеуказанным Федеральным законом и особые случаи – так, применение мер безопасности в отношении защищаемых лиц из чис-

¹ Елихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. – СПб., 2004. – С. 145-146; Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса. – М., 2002. – С. 44-72.

² Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.

ла военнослужащих осуществляются также командованием соответствующих воинских частей и вышестоящим командованием (ст. 5), а в отношении защищаемых лиц, содержащихся в следственных изоляторах или находящихся в местах отбывания наказания, осуществляются также учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации (ст. 6).

Открытым остается предложение, активно обсуждаемое в науке, но не нашедшее до настоящего времени отражения в российском законодательстве и правоприменительной практике, о необходимости создания специальных служб по реализации мер безопасности участников процесса¹. Как справедливо замечает О. А. Зайцев, в вопросе о субъекте применения мер государственной защиты участников уголовного процесса, «важно, чтобы на государственном уровне были четко определены те органы, которые наделены правом осуществлять меры по защите на разных этапах судопроизводства»². По предложению А.Ю. Епихина «выполнение защитной функции должно быть связано с одним государственным органом или специальной службой, которая координирует деятельность других правоохранительных и иных органов, контактирует с ними в части обеспечения безопасности защищаемого лица. В целях реализации возложенных на этот орган задач следует установить ответственность других государственных органов и должностных лиц за неисполнение (ненадлежащее исполнение) указаний специальной службы по реализации мер безопасности»³. Целесообразность создания единого государственного органа, осуществляющего задачи по обеспечению безопасности лиц, содействующих правосудию, связана с тем, что в российской системе правоохранительных органов каждый из них может осуществлять защиту личности по уголовным делам, строго отнесенным уголовно-процессуальным законодательством к их компетенции, однако государственное финансирование силовых ведомств неодинаково, «уровень профессионализма также различен, поэтому надежнее защита обеспечивается тем органом, который в финансовом, кадровом, организационном отношениях наиболее благополучен... Наличие единой

¹ См., напр.: Брусницын Л. В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2002.

² Зайцев О. А. Указ. соч. – С. 42.

³ Епихин А. Ю. Указ. соч. – С. 71.

службы позволит уменьшить до минимума рассекречивание конфиденциальной информации, чему будет способствовать и небольшой штат»¹.

3. К третьей группе субъектов безопасности следует отнести лиц, в отношении которых оказывается или может быть оказано посткриминальное воздействие – «защищаемых лиц».

Как известно, все участники уголовного судопроизводства обладают процессуальными правами, несут определенные обязанности, могут вступать в процессуальные отношения и осуществлять процессуальную деятельность. Перечень участников уголовного судопроизводства является закрытым, закреплен в главах 5-8 УПК РФ. Таким образом, все участники уголовного судопроизводства обладают определенным правовым статусом. А к лицам, в отношении которых могут быть приняты меры безопасности, закон (в частности, ч. 3 ст. 11 УПК РФ) относит еще и такую категорию, как «близкие родственники, родственники и близкие участников процесса». Они, по точному замечанию А. Ю. Епихина, «не являются участниками уголовно-процессуальных отношений, однако они являются участниками правоотношений, возникающих при обеспечении их безопасности»². Таким образом, в случае необходимости, статус защищаемого лица могут приобрести:

1) участники уголовного судопроизводства;

2) близкие родственники участников судопроизводства (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, бабушка, дедушка, внуки);

3) родственники участников судопроизводства (все иные лица, состоящие в родстве с участником процесса, за исключением близких родственников);

4) близкие лица участников судопроизводства. К этой категории обычно относят друзей участников уголовного процесса, обрученных (помолвленных) с участниками уголовного процесса, лиц, находящихся в свойстве с участниками уголовного процесса, а также лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги участнику уголовного процесса в силу сложившихся личных отношений. К этой категории также следует отнести и лиц, находящихся в фактических (но не

¹ Там же. – С. 74.

² Епихин А. Ю. Указ. соч. – С. 161.

зарегистрированных в установленном законом порядке) брачных отношениях с участниками уголовного судопроизводства.

В соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ, при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности. Как следует из этой нормы, меры безопасности могут быть применены, в том числе, к близким лицам потерпевшего, свидетеля и иных участников уголовного судопроизводства. Однако согласно определению, данному в п. 3 ст. 5 УПК РФ, под близкими лицами понимаются иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с **потерпевшим, свидетелем**, а также лица, жизнь и здоровье и которых дороги **потерпевшему, свидетелю** в силу сложившихся личных отношений.

Таким образом, складывается впечатление, что меры безопасности могут применяться в отношении близких лиц лишь потерпевших и свидетелей. Безусловно, в отношении этих категорий участников процесса и их близких лиц посткриминальное воздействие осуществляется наиболее часто, что, однако, не исключает воздействия на близких лиц иных участников процесса. Анализ ч. 3 ст. 11 УПК РФ, а также положений ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (так, в ч. 1 и ч. 3 ст. 2 в качестве лиц, подлежащих государственной защите, указаны потерпевший, свидетель, частный обвинитель, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено; эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также участвующие в уголовном судопроизводстве педагог и психолог; гражданский истец, гражданский ответчик; законные представители, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя, а также родственники, близкие родственники и близкие лица перечисленных участников) позволяет сделать вывод, что законодатель, вероятно, ошибочно не включил в указанное понятие близ-

ких лиц других участников уголовного судопроизводства, содействующих правосудию.

В связи с изложенным, предлагается внести изменения в п. 3 ст. 5 УПК РФ, изложив его в следующей редакции:

«3) близкие лица – иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем или иными участниками уголовного судопроизводства, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства в силу сложившихся личных отношений».

Таким образом, важной особенностью правоотношений по обеспечению безопасности в уголовном судопроизводстве является то, что при реализации этой составляющей принципа охраны прав и свобод человека и гражданина факт принадлежности личности к участникам со стороны защиты, или со стороны обвинения, или к иным участникам, способствующим отправлению правосудия не имеет абсолютно никакого значения. Более того, положения о безопасности распространяются также и на лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства и не имеющих непосредственного отношения к уголовному делу – это родственники, близкие родственники и иные близкие лица участников процесса, содействующих правосудию.

М. А. Днепровская

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ХОДАТАЙСТВУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО

Уголовно-процессуальный закон не конкретизирует возраст обвиняемого, который вправе требовать рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ (далее сокращенно – «особый порядок»), поэтому следует разрешить вопрос о возможности рассмотрения уголовного дела в таком порядке по ходатайству несовершеннолетнего обвиняемого.

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ» от 5 марта 2004 г. № 1 разъяснил, что закон не предусматривает возмож-

ности применения «особого порядка» в отношении несовершеннолетних (абз. 4 п. 28)¹.

В уголовно-процессуальной науке нет единого мнения о возможности применения «особого порядка» к несовершеннолетним обвиняемым. Ряд процессуалистов занимает позицию о невозможности и недопустимости применения указанного порядка по уголовным делам в отношении несовершеннолетних².

Вместе с тем, некоторые ученые не разделяют указанную позицию и полагают необходимым распространить «особый порядок» на несовершеннолетних обвиняемых³, указывая на то, что «ограничение применения особого порядка принятия судебного решения по делам о преступлениях несовершеннолетних является надуманным»⁴.

И.В. Жеребятьев, обосновывая точку зрения о возможности применять «особый порядок» в отношении несовершеннолетних обвиняемых, отмечает несколько моментов.

Во-первых, в отличие от положений УПК РСФСР (ч. 1 ст. 44, ч. 2 ст. 243, ч. 5 ст. 359 УПК РСФСР), УПК РФ не упоминает о воспитательной роли уголовного процесса. Наука уголовного процесса в настоящее время также не выделяет воспитательной функции уголовного судопроизводства, в отличие от советской доктрины. Кроме того, утверждение о воспитательном характере уголовного судопроизводства является спорным.

Во-вторых, действующий уголовно-процессуальный закон не устанавливает каких-либо иных ограничений по категориям дел, ко-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 5. – С. 7.

² См., напр.: Петрухин И. Роль признания обвиняемого в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2003. – № 2. – С. 25; Татьяна Л. Особый порядок принятия судебного решения // Законность. – 2003. – № 12. – С. 30; Михайлов П. Сделки о признании вины – не в интересах потерпевших // Российская юстиция. – 2005. – № 1. – С. 38; Бирюков Н. Проблемы практики применения особого порядка принятия судебного решения // Российский судья. – 2005. – № 4. – С. 21.

³ См., напр.: Рыбалов К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации. – М., 2004. – С. 19; Любишкин Д.Е. Уголовно-правовая характеристика преступлений, рассматриваемых в порядке главы 40 УПК РФ // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2006. – № 3. – С. 230.

⁴ Сероштан В.В. Искусственное сужение прав обвиняемого, подсудимого требует своего устранения // Российский судья. – 2006. – № 6. – С. 30.

торые могут быть рассмотрены в «особом порядке», кроме предусмотренных положениями глав 40 и 50 УПК РФ. Перечень этих оснований исчерпывающий, в нем нет указания на невозможность рассмотрения уголовных дел по преступлениям несовершеннолетних в особом порядке судебного разбирательства, и он не подлежит расширительному толкованию¹.

В-третьих, судья вправе единолично решать вопрос:

- о возможности прекращения дела в отношении несовершеннолетнего обвиняемого по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 427 УПК РФ, и применить к нему принудительную меру воспитательного воздействия, предусмотренную ч. 2 ст. 90 УК РФ (ч. 3 ст. 427 УПК РФ);

- о возможности освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности в порядке ч. 1 ст. 431 УПК РФ, и применении к нему принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ;

- при постановлении приговора – о возможности освобождения несовершеннолетнего подсудимого от наказания в случаях, предусмотренных ст. 92 УК РФ, либо условного осуждения, либо назначения ему наказания, не связанного с лишением свободы (ч. 1 ст. 430 УПК РФ);

- о возможности освобождения несовершеннолетнего подсудимого от наказания с направлением в специализированное учреждение для несовершеннолетних (ч. 1, ч. 2 ст. 432 УПК РФ)².

Руководствуясь ст.ст. 196, 283, ч. 3 ст. 314, ч. 6 ст. 315 УПК РФ, в случае возникновения сомнений в психическом состоянии несовершеннолетнего подсудимого суд вправе прекратить «особый порядок», назначить рассмотрение дела в общем порядке и решить вопрос о направлении несовершеннолетнего на психолого-психиатрическую экспертизу. Кроме того, суд вправе принять решение о рассмотрении уголовного дела в общем порядке при наличии любого иного сомне-

¹ См. подр.: Жеребятьев И. В. Некоторые проблемные вопросы рассмотрения уголовных дел в порядке гл.40 УПК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0903/14.html>. – Загл. с экрана.

² Там же. Следует отметить, что указанные процессуальные действия осуществляются по уголовным делам о преступлениях небольшой, средней тяжести и тяжким преступлениям, за исключением указанных в ч. 5 ст. 92 УК РФ.

ния в возможности проведения «особого порядка» по собственной инициативе.

В-четвертых, в случае невозможности применения гл. 40 УПК РФ к несовершеннолетним, совершеннолетнему подсудимому может быть назначено максимальное наказание не более шести лет и восьми месяцев лишения свободы, несовершеннолетнему – «полновесные десять лет лишения свободы»¹.

На мой взгляд, указанные доводы о необходимости распространения «особого порядка» на такую категорию лиц, как несовершеннолетние, являются обоснованными и должны найти поддержку².

Кроме того, в результате изучения уголовных дел автором сделан следующий вывод: до появления указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ, рекомендующего не рассматривать дела в «особом порядке» в отношении несовершеннолетних, суды благополучно разрешали уголовные дела в «особом порядке» по их заявлению. В случае необходимости выполнялись требования ст. 425 УПК РФ об участии педагога в допросе несовершеннолетнего подсудимого, не достигшего шестнадцати лет или достигшего этого возраста, но отстающего в психическом развитии; выполнялись также требования ст.ст. 48, 426, 428 УПК РФ об участии законных представителей в судебном заседании. Таким образом, производство по делам несовершеннолетних осуществлялось в «особом порядке» с учетом требований о процедуре производства по делам названных лиц, предусмотренных в гл. 50 УПК РФ. Также соблюдались требования ст. 241 УПК РФ о проведении закрытого судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами, не достигших возраста шестнадцати лет.

При рассмотрении уголовного дела в «особом порядке» по ходатайству несовершеннолетнего обвиняемого какие-либо нарушения его прав и законных интересов отсутствуют, поскольку ему в обяза-

¹ Жеребятъев И. Вопросы теории, законодательного регулирования и практики применения особого порядка судебного разбирательства // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 85.

² Обращает на себя внимание позиция зарубежного законодателя, допускающего применение упрощенного судопроизводства в отношении несовершеннолетнего обвиняемого. Так, анализ ст.ст. 365 – 366, 372, 381 УПК Эстонии позволяет сделать вывод о возможности разрешения уголовного дела в порядке упрощенного производства с участием несовершеннолетнего обвиняемого (См.: Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии. – М.: Юрист, 2004.).

тельном порядке предоставляется защитник (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ), обеспечивается участие законного представителя (ст.ст. 426, 428 УПК РФ), а при допросе - педагога или психолога (ст.ст. 191, 425 УПК РФ).

По результатам проведенного автором опроса судей по специально разработанной анкете было установлено, что 57% судей считают возможным применять «особый порядок» по ходатайству несовершеннолетних. Судьи отмечают, что в противном случае, несовершеннолетние лишаются права на постановление приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке и права на «льготное» наказание.

Требования ст. 421 УПК РФ об установлении дополнительных обстоятельств (условия жизни и воспитания, уровень психического развития несовершеннолетнего, влияние на него старших по возрасту лиц), выполнимы даже при рассмотрении уголовного дела в «особом порядке». Указанные обстоятельства выясняются в процессе предварительного расследования, и суд может их установить по материалам уголовного дела, изучая их на этапе подготовки к судебному заседанию (гл. 33 УПК РФ).

Такие доводы противников применения «особого порядка» к несовершеннолетним обвиняемым, как: ненадлежащая защита прав и законных интересов несовершеннолетних подсудимых; возможность неполноты исследования личности несовершеннолетнего подсудимого, а также неполноты исследования всех обстоятельств дела о преступлении и т.п., представляются недостаточно убедительными.

Вместе с тем, на мой взгляд, следует определить «компромиссный» вариант, который может заключаться в следующем: допустить возможность постановления приговора в «особом порядке» в отношении несовершеннолетних обвиняемых только по делам небольшой и средней тяжести. Совершение несовершеннолетним тяжких преступлений все-таки требует рассмотрения уголовного дела в общем порядке в связи с более высокой общественной опасностью таких преступлений, необходимостью изучения роли несовершеннолетнего в совершении преступления. Очень важно установить причины совершения подобного преступления и решить вопрос, почему несовершеннолетний мог вообще совершить тяжкое, нередко жестокое, «недетское» преступление.

В случае распространения «особого порядка» на несовершеннолетних обвиняемых, на мой взгляд, представляется необходимым дополнительно выяснить позицию их законных представителей на рассмотрение дела в «особом порядке». Причем 97% опрошенных судей положительно приняли данное предложение.

В.В. Дорошков в этой связи отмечает, что возражения законного представителя несовершеннолетнего по поводу его ходатайства о постановлении приговора в «особом порядке» не имеют юридического значения, поскольку статьи 48, 426, 428 УПК РФ не предусматривают прав законных представителей несовершеннолетних обвиняемых, подсудимых на инициирование или воспрепятствование подобной процедуре рассмотрения дела¹.

Такая позиция не является бесспорной, учитывая, что законный представитель – это лицо, которое восполняет дееспособность несовершеннолетнего. Участие законного представителя несовершеннолетнего в производстве по уголовному делу служит гарантией соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних. Требование о своевременном обеспечении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) помощью законного представителя является «важной составляющей принципа повышенной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном производстве»².

Поскольку «действия законного представителя не связаны с волей обвиняемого и осуществляются как в его интересах, так и в интересах самого представителя»³, мнение законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого следует учитывать.

Учитывая изложенное, следует сделать следующие выводы:

¹ Дорошков В.В. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Российский судья. – 2004. – № 9. – С. 32.

² Дикарев И. Значение и проблемы участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. – 2007. – № 5. – С. 76.

³ Ландо А.С. Представители несовершеннолетних обвиняемых в советском уголовном процессе. – Саратов, 1977. – С. 11 (Цит. по: Марковичева Е.В. Осуществление защиты по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Российский судья. – 2008. – № 2. – С. 10.).

1. Представляется возможным распространить «особый порядок» на несовершеннолетних обвиняемых по уголовным делам небольшой и средней тяжести.

2. Применение «особого порядка» по ходатайству несовершеннолетнего обвиняемого целесообразней поставить в зависимость от позиции его законного представителя и в случае, согласия несовершеннолетнего на «особый порядок» и возражения на него со стороны законного представителя, «приоритет» следует отдать мнению его законного представителя.

КРИМИНАЛИСТИКА

Н. Е. Мерецкий

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ АЛГОРИТМИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Главной задачей расследования всегда было и остается выявление основных условий и возможностей, использованных преступниками при совершении преступления. Разработка современных научных методов познания механизма преступления, явлений и факторов связанных с ним, умелое собирание, закрепление и исследование доказательств определяются важнейшими условиями успешной работы следователя по уголовному делу.

В литературе имеет место точка зрения о том, что если «... доказательств достаточно и они достоверны, следствие по делу заканчивается и необходимости в его тактической работе с обвиняемым может и не быть, то ... в таком крайнем случае нет тактических задач и стратегической цели»¹. Действительно, возможны такие и ситуации, когда все собранные доказательства неопровержимо свидетельствуют о привлечении конкретного субъекта в качестве обвиняемого. Если внимательно проанализировать это мнение, а также опыт практических работников, то можно согласиться с таким утверждением только в крайних случаях.

По нашему мнению, вопрос информационного обеспечения по расследуемому преступлению непосредственно связан с информационными потребностями, которые можно рассматривать в качественном и количественном плане. Практически это означает установление направленности потребностей на получение определенных данных и выяснение, какой объем этих сведений нужен, насколько он может повлиять на результативность конкретного следственного действия.

По мере того как в период раскрытия и расследования преступления новая информация поступает в распоряжение следователя и накапливается в уголовном деле, начинается систематизация и обоб-

¹ Филонов Л. Б. Психологические способы изучения личности обвиняемого. – М., 1983. – С. 6.

щение собранного материала. В силу этого, процесс получения и закрепления доказательственной информации играет все более опосредованный характер, так как возникают некоторые другие вопросы, без знания которых невозможна объективная оценка содеянного. Для решения их привлекаются работники не только правоохранительных органов, но и других структур государства. В этом случае следователь должен решать задачи организационного характера, обобщающие не только закономерности действительности связанные с получением ориентирующей информации о преступном событии, но и применять исследовательские методы, включающие профессиональную подготовку по накоплению, анализу, синтезированию, комбинированию и консолидации тех объектов, средств, приемов и рекомендаций по работе с доказательствами, которые начинают выполнять методологическую функцию.

Наши исследования показали, что одним из недостатков в разрабатываемых криминалистических методиках является то, что основное внимание в них уделяется не организационно-правовым вопросам деятельности субъектов, участвующих в работе по уголовному делу, а анализу типичных совокупностей получения доказательств по отдельным категориям совершенных преступлений, которые используются при разработке тактических приемов и рекомендуются к применению. В этом случае отсутствует целенаправленное восприятие и оценка искомых объектов исследуемой ситуации, которые мешают действиям, направленным на реализацию принятых решений.

Создавшееся положение, видимо, отчасти объясняется тем, что проблема информационного обеспечения раскрытия и расследования преступления всегда имела особую значимость в деятельности работников правоохранительных органов. Дело в том, что предварительное расследование и в конечном итоге уголовное судопроизводство носят поисково-исследовательский характер. Однако непременным условием этого процесса, так или иначе является надлежаще организованное взаимодействие всех субъектов, работающих по уголовному делу в условиях риска и неопределенности.

На данный момент при разработке частных методик расследования отдельных видов преступления предпринимаются попытки подробно проработать тактические приемы, связанные с деятельностью взаимодействующих структур и подразделений правоохранительных органов, однако недооцениваются сохраняющие актуаль-

ность организационно-правовых аспектов специфической деятельности следователя. «При таком понимании методологии ее содержание существенно превышает совокупность методов и средств познания или организации познания. Предметом методологии как специфической области теоретического исследования должно быть все, что имеет то или иное методологическое значение. Методологическим же значением обладает все то, что позволяет реализовать наш познавательный интерес и достигать поставленные цели, а также то, что способно организовать исследовательский процесс сообразно избранному предмету и корректировать его всякий раз, как только это окажется необходимым»¹.

Поэтому в методологии раскрытия, расследования и предупреждения преступлений по мере собирания, оценки и исследования фактов, протекает целенаправленный процесс в деятельности следователя, направленный не только на получение информации об отдельных звеньях преступных действий, но на их анализ. «Методологию определенного исследовательского процесса вообще нельзя представить себе в отрыве от теоретической системы знаний, в сфере которой ведется научный поиск»². В силу этого, с методологической точки зрения в поисково-исследовательской деятельности должно происходить соединение перечисленных вопросов воедино с учетом специфических факторов, к которым мы относим:

- *во-первых*, организованный характер преступной деятельности, значительная латентность и сложность выявления преступлений;
- *во-вторых*, активное противодействие, в том числе и контрразведывательное, оказываемое преступниками, что вызывает необходимость постоянного оперативного сопровождения расследования;
- *в-третьих*, отсутствие правового механизма обеспечения безопасности всех субъектов участвующих в судебном разбирательстве;
- *в-четвертых*, высокая степень информационной неопределенности, порожденная дефицитом ориентирующей и доказательственной информации.

При этом очень важно обратить внимание на то обстоятельство, что у каждой из перечисленных ориентировок есть свои достоинства

¹ Зорин Г. А. Криминалистическая методология. – Мн., 2000. – С. 6.

² Кезин А. В. Философия права как методология /Философия социальных и гуманитарных наук. – М., 2006. – 263 с.

и недостатки, что обуславливает настоятельную необходимость комплексного их использования в получении информации и оценке эффективности в борьбе с преступностью.

Принятие решения о возбуждении практически любого уголовного дела уже само по себе может вызывать трудности, а когда такое решение следует принять, основываясь на недостаточной информации, ситуация становится еще более проблематичной. В этом невосполнимую роль играет организующая роль руководителя конкретного подразделения.

Поэтому руководителю того или иного подразделения, занимающегося организацией раскрытия и расследования преступлений, при поступлении заявления о правонарушении необходимо определить круг информации, которая должна собираться. Следует иметь в виду, что в целях обнаружения сведений о преступлении и лицах, его совершивших, желательно исходить из указаний процессуального закона о предмете доказывания. Однако не совсем правильно представлять этот процесс таким образом, будто руководитель содействует формированию доказательственной базы. Такая абсолютизация отрывает его от непосредственного исполнителя, которым является следователь, специалист или оперативный сотрудник.

С методологической точки зрения руководитель организует деятельность работника (следователя, эксперта, участкового инспектора милиции, дознавателя и т.д.), познает его в процессе расследования преступлений, при проведении следственных действий, в его отношении к товарищам по работе, в его личной, семейной жизни и при таких обстоятельствах, когда может проявиться его подлинный облик.

Из сказанного со всей очевидностью вытекает, что методологию расследования включено разрешение задачи оптимизации информационного обеспечения, которые необходимо исполнять руководителю подразделения, лежащие в основе его отношений к субъектам расследования. Опыт эффективно работающих следователей, оперативных сотрудников, экспертов и т.п. свидетельствует о том, что лучших показателей добиваются те, которые кропотливо и вдумчиво собирают, систематизируют, хранят, правильно распределяют и используют полученную информацию, одновременно нейтрализуя их недостатки.

Рассматривая вопросы методологии, думается, можно выделить

следующие ее функции или направления, являющиеся основой раскрытия и расследовании преступления. Это:

Во-первых, функция планирования, когда следователь, возбудив уголовное дело по факту совершенного деяния, предпринимает попытки установить истину, проводя необходимые мероприятия или следственные действия, для получения доказательственной информации. Для обозначенной цели он должен учесть все условия как материальные и людские, так и определить ресурсы, предусмотрев возможные трудности, например, при большом объеме работы, возникающей при расследовании преступлений, необходимо предусмотреть увеличение личного состава подразделений органов внутренних дел.

Планирование касается не только конечного результата (завершение расследования по совершенному преступлению и передача уголовного дела в суд), но и социально-психологического развития самого следователя: повышение квалификации, общекультурного его развития, формирования нравственных, интеллектуальных и волевых свойств. План должен включать программу улучшения качества расследования. Без решения этой задачи немыслима работа по улучшению процесса расследования преступлений и увеличения раскрываемости в целом.

Во-вторых, функция согласования, при которой необходима координация деятельности лиц, участвующих в расследовании в составе членов следственно-оперативной группы, с основной функцией руководства.

В этом случае главенствующую роль выполняет руководитель следственного подразделения, которые не только планомерно распределяет трудовые поручения (осуществляет распределение возбужденных уголовных дел за каждым следователем), но и ведет повседневный учет степени слаженности, сформированной системы взаимодействий при анализе и реализации получаемой информации в ходе проведения неотложных следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий, необходимой для раскрытия и расследования преступления.

Кроме того, согласование в методологии достигается путем обмена информацией между отделами и службами, занимающимися раскрытием и расследованием преступлений. Взаимная информация о ходе и результатах расследования (необязательно по наиболее слож-

ным преступлениям, получившим большой общественный резонанс) имеет исключительное значение для выполнения общего плана, для корректирования деятельности различных отделов и служб и отдельных работников.

Иногда возникает необходимость ускорить расследование по одному преступлению (раскрытие по горячим следам), переключив туда некоторые силы, или приостановить расследование в силу сложившихся обстоятельств по другим возбужденным уголовным делам.

Согласование требует налаживания взаимодействия между различными службами правоохранительных органов. Взаимопомощь может быть оказана и в виде совета, передачи опыта и непосредственного участия членов одной следственной группы в другой. Как только нарушается согласованность в работе, так значительно снижается раскрываемость совершаемых преступлений.

В-третьих, функция контроля служит стабильности успешного применения тактических приемов и критериям их допустимости: 1) соблюдению законности; 2) соблюдению норм взаимоотношений при их использовании; 3) поддержанию уровня раскрываемости преступлений; 4) обеспечению качества расследования по уголовному делу. Мы считаем необходимым подчеркнуть, что перечисленные подфункции взаимосвязаны между собой.

Контроль может предупредить отклонение от норм поведения и нарушение законности как отдельной личности, так и коллектива в целом. Поэтому контроль желательно осуществлять как лично руководителем, так и его заместителями, наконец, специальными комиссиями, назначенными вышестоящим руководителем. Контроль направлен на выяснение состояния дела, а в конечном счете, на помощь коллективу и личности в целях устранения недостатков и преодоления конфликтов.

И, наконец, *в-четвертых*, функция воспитания состоит не только в том, чтобы обеспечить высокий уровень раскрываемости совершенных преступлений и качественный уровень расследования уголовных дел, но и в том, чтобы воспитать нового члена коллектива, готового и способного жить и трудиться в коллективе и коллективно.

Анализируя методологическую деятельность правоохранительных органов, связанную с расследованием преступлений, мы исходим из того, что системный подход к максимальной интеграции возможностей каждой из соответствующих служб предполагает одновремен-

ное их рациональное использование в интересах получения доказательств по уголовным делам, которое обеспечивается тщательно продуманной организацией этого процесса. Поэтому следует согласиться с мнением Р. С. Белкина, который указывает, что «частные криминалистические теории являются методологической базой исследования и разработки средств, приемов и методик расследования и предотвращения преступлений, составляющих в своей совокупности также часть предмета криминалистики»¹.

Как известно, силы и средства органов внутренних дел, привлекаемые к участию в быстром и полном расследовании преступлений, находятся в весьма разнообразных функциональных связях. Например, следственные подразделения осуществляют свою деятельность в порядке и на основаниях, установленных уголовно-процессуальным законом. Их взаимодействие с органами милиции может базироваться только на требованиях закона. Взаимоотношения между подразделениями, аппаратами и учреждениями всех правоохранительных органов строятся на субординации, определяемой ведомственными нормативными актами. Поэтому организация расследования преступлений, составляющая основу методологии, требует разумного сочетания централизации основных вопросов управления и децентрализации оперативных функций.

В силу этого следователь, как лицо процессуально самостоятельное и отвечающее за весь ход расследования должен строить рабочие отношения с оперуполномоченным, участковым уполномоченным милиции, экспертом и т.п., включенными в состав следственно-оперативной группы, исходя из целесообразности, которая может определяться следующим:

- *во-первых*, структурой события преступления, по которому проводится активное расследование;
- *во-вторых*, необходимостью получения дополнительной как ориентирующей, так и доказательственной информации;
- *в-третьих*, возможностью применения имеющихся научно-технических средств, инструментов и необходимых материалов;
- *в-четвертых*, наличием неблагоприятных условий и необходимостью изменения их в благоприятные;
- *в-пятых*, возможностью выработки альтернатив вследствие принятия оптимального варианта к действию;

¹ Белкин Р. С. Избранные труды. – М., 2008. – С. 333.

- в-шестых, прогнозированием работы по уголовному делу как в целом, так и ее деталям.

Комплекс методологических задач, решаемых постоянно действующими следственно-оперативными группами¹, позволяет сотрудникам правоохранительных органов в значительно короткий промежуток времени получать подробные и точные сведения о постоянно изменяющейся следственной ситуации, влияющей на ход и результаты расследования.

Поиск оптимального, наиболее рационального решения обозначенной проблемы, в результате которой успешно реализуются вопросы взаимодействия всех служб правоохранительных органов — одна из актуальных научных методологических проблем. Например, организацию такого взаимодействия красной нитью пронизывает идея создания следственно-оперативных групп, работающих буквально по всем направлениям расследования конкретного (или группы однородных) преступления и включает, по нашему мнению, в себя следующие элементы:

1. Принятие решения о создании следственно-оперативной группы для расследования одного или нескольких преступлений.

2. Доведение предписаний, содержащихся в решении о создании следственно-оперативной группы до исполнителей и должностных лиц.

3. Выделение в территориальных подразделениях следственных, оперативных и других работников и подготовка их к расследованию предполагаемых преступлений.

4. Нормативно-процессуальное оформление создания следственно-оперативной группы.

5. Образование структурных подразделений в составе следственно-оперативной группы.

6. Определение каждому работнику, включенному в состав следственно-оперативной группы, конкретного участка или направления деятельности.

Расследуя преступление, члены следственно-оперативной группы получают различную информацию, которую необходимо систематизировать с целью своевременного выявления всех противоречий, а

¹ Практика показывает, что следственно-оперативная группа является наилучшей организационной формой раскрытия и расследования любого преступления.

в дальнейшем умело использовать.

В связи с этим разработка методологии раскрытия и расследования преступлений позволяет отражать не только рационально-познавательные объективные факторы, но и социально-психологические субъективные аспекты, которые обеспечивают возможность:

1) собрать всю необходимую информацию, в том числе — оперативную и регистрационную, ее вдумчивый анализ и своевременное доведение до сотрудников группы для последующей реализации;

2) оценивать условия, в которых предполагается деятельность членов группы при расследовании преступления;

3) анализировать поступающую информацию о расследуемом событии, в таком виде и в таком объеме, в каком она получена;

4) оценивать построенную мысленную модель расследуемого события и ее адекватность совершенному преступлению, а также устанавливать, отражает ли она поведение всех участников, проходящих по делу;

5) вырабатывать четкие тактические решения, связанные с определением основных задач и оптимальных направлений расследования преступления;

6) на основе и с учетом предложений членов группы составлять общий единый план использования тактических приемов, используемых в раскрытии и расследовании;

7) обеспечивать составление участниками расследования своих планов по конкретным направлениям реализации тактических приемов и, если нужно, корректировку этих;

8) внимательно анализировать новую информацию, поступающую в процессе проведения следственных действия, оперативно-розыскных и регистрационных мероприятий необходимых для дальнейшего расследования;

9) осуществлять необходимый контроль за реализацией намеченного, оказывать сотрудникам практическую помощь.

На основании изложенного можно сделать следующий вывод. *Методика расследования преступлений* (как ее именуют в настоящее время — *Н.М.*) базируется на познавательной деятельности, при осуществлении которой используются как общенаучные, так и специальные методы. Соответственно «*Криминалистическая методоло-*

гия — это система операций выбора последовательности выполняемых криминалистических действий»¹.

Из предлагаемых соотношений обоснований следует, что *методология раскрытия и расследования преступлений* охватывает более широкий круг проблем, связанных, на наш взгляд, как с процессами или процедурами познавательно-исследовательской деятельности, так и с проблемами организационного плана. В результате этого, при работе по уголовному делу, достигается: *во-первых*, практическое овладение приемами наблюдения; *во-вторых*, определение задач направленных на составление плана по разработке тактических приемов, рекомендаций и комбинаций; *в-третьих*, получение полного представления о необходимости использования тех или иных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; *в-четвертых*, разработка и наилучшее использование технико-криминалистических средств; *в-пятых*, обнаружение негативных обстоятельств, свидетельствующих о противодействии расследованию заинтересованных лиц; *в-шестых*, анализ полученных результатов и прогнозируются варианты достижения цели расследования.

Итак, *криминалистическая методология* это система научных положений и разрабатываемых на их основе средств и приемов, аккумулированных в процессах или процедурах познавательно-исследовательской деятельности осуществляемой в целях раскрытия и расследования преступления.

В заключении хотелось бы отметить, что методология раскрытия и расследования преступлений представляет собой длящийся процесс, который завершается лишь в момент формулирования окончательных выводов по делу на основе всей совокупности собранных доказательств, т.е. подтверждают или опровергают обстоятельства, подлежащие доказыванию. Практика показывает, что все действия лица, производящего расследование, должны соответствовать требованиям, составляющим содержание методология установления истины по делу.

¹ Зорин Г. А. Криминалистическая методология. – Мн., 2000. – С. 6.

Н. Н. Егоров

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ

В уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР, до введения суда присяжных, в практике органов дознания и предварительного следствия использовалось такое следственное действие, как проверка показаний на месте. УПК РСФСР оно не было предусмотрено, но применялось по аналогии, как имеющееся в УПК других союзных республик. При его проведении рекомендовалось обнаруживать и изымать вещественные доказательства¹. Затем суды присяжных стали исключать протоколы проверки показаний на месте из источников доказательств, поскольку перечень следственных действий, предусмотренный уголовно-процессуальным законом, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит, что в последующем было закреплено постановлением пленума Верховного Суда Российской Федерации².

Поскольку проверка показаний на месте применялась следователями при расследовании уголовных дел еще до его законодательного закрепления, то в настоящее время мы имеем дело с уникальным случаем, заключающемся в том, что ряд тактических приемов производства рассматриваемого следственного действия, был разработан и реализован практикой гораздо ранее, нежели в законодательстве были закреплены процессуальные правила его производства.

Как в свое время справедливо было отмечено профессором Гродзинским, пока новый способ получения доказательств не разовьется и не получит всех своих характерных черт, он должен будет рассматриваться как разновидность известных следственных действий, облекаться в нормативно-признанную форму, и только в дальнейшем может выступить в качестве самостоятельного средства получения доказательств при усло-

¹ См., напр/: Хлынцов Н. М. Проверка показаний на месте. – Саратов, 1971. – С. 85; Леви А. А., Пичкалева Г. И., Селиванов Н. А. Получение и проверка показаний следователем: Справочник. – М., 1987. – С. 69-70; Шобик Б. И. Проверка и уточнение показаний на месте: Лекция. – Хабаровск, 1987. – С. 24.

² См.: О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995 г. П. 16 // Российская газета. – 1995. – 28 дек.

вии, разумеется, признания законодателем его самостоятельности как следственного действия¹.

Поэтому до принятия нового уголовно-процессуального закона проверку показаний рассматривали как разновидности допроса, эксперимента или осмотра места происшествия. И в соответствии с вытекающими из этого тактическими рекомендациями следовало фиксировать и изымать вещественные доказательства, на которые в ходе проверки показаний указало лицо, чьи действия уточнялись и проверялись².

Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации вновь было введено такое следственное действие (ст. 194 УПК РФ). И в литературе сразу же было высказано, что в нем удачно сочетаются осмотр места происшествия, допрос и эксперимент, поэтому в процессе данного следственного действия можно осматривать места, указанные лицом, чьи показания проверяются³.

Как показало проведенное нами исследование, вещественные доказательства в ходе проверки показаний изымаются нечасто (в 6% случаев), и во всех случаях их осмотр и изъятие проводились в рамках данного следственного действия.

Однако анализ ст. 194 УПК РФ приводят к выводу, что в рамках данного следственного действия исследовать места, предметы, указанные лицом, чьи показания проверяются — нельзя. Дело в том, что в ходе проверки и уточнения показаний на месте лицо указывает на предметы, документы, следы, демонстрирует определенные действия, при этом, в соответствии с ч. 2 ст. 194 УПК РФ, постороннее вмешательство в ход данного следственного действия недопустимо. Исследование мест, предметов, указанных лицом, чьи показания проверяются как раз, по нашему мнению, и будет таким вмешательством, нарушающим сущность проверки показаний и отстраняющим проверяемое лицо от участия в нем, иногда на значительное время. Например, проверяемое лицо указало место сокрытия трупа, который необходимо осмотреть, а затем направить на судебно-медицинское исследование. Поэтому проверка должна быть закончена и проведен ос-

¹ См.: Гродзинский М. М. О способах получения доказательств в советском уголовном процессе // Советская юстиция. – 1958. – № 6. – С. 14.

² См., напр.: Хлынцов Н. М. Указ. раб. – С. 85; Леви А. А., Пичкалева Г. И., Селиванов Н. А. Указ. раб. – С. 69-70; Шобик Б. И. Указ. раб. – С. 4.

³ Власенко Н. Проверка показаний на месте // Законность. – 2002. – № 6. – С. 14-17.

мотр трупа на месте его обнаружения.

В тоже время, анкетирование и интервьюирование судей по данному вопросу показало, что большинство из них не считает осмотр и изъятие обнаруженных вещественных доказательств в рамках проверки показаний на месте, вмешательством в ход данного следственного действия. Несмотря на это, судьи признают, что в случае признания, по различным причинам, ранее данных показаний обвиняемого (подозреваемого, потерпевшего, свидетеля) недопустимыми, будет признан недопустимым и вытекающий из них протокол проверки показаний, и соответственно, все обнаруженное и изъятое при этом следственном действии не будет иметь доказательственной силы. Исходя из этого, судьи согласились с мнением о том, что в данном случае целесообразно применение такого тактического приема, как выделение указанных лицом предметов, документов и следов для последующего следственного осмотра, в ходе которого они и будут изъяты.

Таким образом, исследование данного вопроса, позволяет сделать вывод, что вещественные доказательства в ходе проверки показаний на месте осматривать и изымать не следует. Но однозначно при проведении данного следственного действия должен применяться такой тактический прием, как выделение указанных лицом предметов, документов и следов для последующего следственного осмотра, в ходе которого они и будут изъяты. Следовательно, в подобных случаях должны иметь место два самостоятельных следственных действия: проверка показаний на месте, и следственный осмотр указанных проверяемым лицом предметов, документов и следов, имеющих значение для уголовного дела, проведенные в соответствии со ст.ст. 194, 177 УПК РФ.

Кроме вышеуказанного тактического приема, при производстве проверки показаний на месте применяются следующие *обязательные тактические приемы*:

1) проверка показаний начинается с предложения лицу показать место, где его показания будут проверяться, т.е. самостоятельно указать направление движения или путь следования на место проверки;

2) предоставление инициативы лицу, чьи показания проверяются. Какое-либо постороннее вмешательство в ход проверки недопустимо;

3) свободный рассказ, тема которого, как и при допросе, может быть задана следователем;

4) демонстрация действий, иллюстрирующих рассказ проверяемого лица. Лицо, чьи показания проверяются, должно давать свои пояснения в сочетании с показом и демонстрацией интересующих следствие действий. Если проверка предпринимается для демонстрации определенных действий, то они должны осуществляться именно там, где имели место в действительности, в противном случае вся процедура проверки показаний лишается криминалистического смысла.

После свободного рассказа и демонстрации действий может быть применен *рекомендованный тактический прием* — постановка вопросов. Виды вопросов и требования, предъявляемые к ним, те же, что и при допросе. Наводящие вопросы должны быть исключены.

В результате обобщения следственной практики, разработаны следующие *необязательные, с точки зрения закона, тактические приемы*.

Наблюдение за поведением лица, чьи показания проверяются. В ходе проверки показаний на месте следователь либо же по его поручению оперативный работник осуществляют постоянное наблюдение за состоянием и поведением лица, чьи показания проверяются. Это позволяет судить о том, уверенно или нет он действовал в ходе проверки, каким было его эмоциональное состояние как в целом, так и в те или иные моменты следственного действия, и с чем связано изменение состояния.

Наблюдение за участвующим в проверке показаний обвиняемым, содержащимся под стражей, позволяет своевременно принять меры по предупреждению попыток с его стороны совершить побег, установить связь с неизвестными следствию лицами, уничтожить следы преступления, ранее не обнаруженные следователем.

Детализация показаний и конкретизация действий. Данный тактический прием применяется с той же целью и при той же ситуации, что и при допросе.

Соблюдение определенной последовательности. Для восстановления в памяти обстоятельств события определенное значение имеет правильно выбранная последовательность проведения рассматриваемого следственного действия. Чаще всего целесообразно придерживаться той последовательности, которая соответствует очередности отдельных этапов исследуемого преступного события. Возможен и

иной вариант, когда лицо на допросе сообщило не о событии в целом, а лишь о его наиболее впечатляющих фрагментах (деталях). Исследование здесь рекомендуется начать с тех «опорных пунктов», которые ему лучше запомнились.

Опережение показаний над визуальным восприятием места проверки или его отдельных деталей. Например, перед тем как войти в комнату, лицо, чьи показания проверяются, рассказывает, что и в каком порядке в ней находится. При совпадении описания с действительным состоянием обстановки с большой долей уверенности, можно судить о знакомстве с ней проверяемого лица.

Такой тактический прием как *выделение указанных проверяемым лицом мест для последующего следственного осмотра* нами рассмотрен выше. При необходимости, до производства осмотра в этих местах выставляется охрана.

Закладка «маяков». В случаях, когда проводятся проверки показаний нескольких лиц, в «опорных точках» или в местах, которые выделены для последующего следственного осмотра, при проверке показаний первых лиц могут быть заложены так называемые «маяки» — записки с описанием обстоятельств или объектов, имеющих значение для дела. Обнаружение (необнаружение) «маяков» при последующих проверках показаний позволит судить об их совпадении (несовпадении).

*Д. В. Алехин,
Н. Е. Мерецкий*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ

В статье рассматриваются объекты и некоторые особенности восприятия и запоминания информации об объектах, предъявляемых для опознания по делам о хищении предметов и документов, имеющих особую ценность, проанализированы обстоятельства ограниченного применения указанного следственного действия.

Большинство криминалистов справедливо полагает, что одним из структурных элементов криминалистической методики являются особенности тактики производства отдельных следственных дейст-

вий. Описание особенностей подготовки и проведения следственных действий, наиболее характерных для расследования конкретного вида преступлений, содержит в себе рекомендации, способствующие правильной и эффективной организации их производства, при этом «строгое выполнение следователем всех оснований производства следственных действий, указанных в уголовно-процессуальном законе, позволит получить дополнительные доказательства по уголовному делу»¹.

Успех раскрытия и расследования преступлений часто зависит от того, насколько оперативно будет установлена принадлежность определенным лицам и относимость к конкретному уголовному делу различного рода вещей, предметов, документов, оказавшихся в распоряжении следователя. Для решения этого вопроса законом установлено производство такого следственного действия, как предъявление для опoznания в порядке ст. 193 УПК РФ, необходимость в проведении которого нередко возникает и в процессе расследования уголовных дел о хищении предметов и документов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ). Особенности рассматриваемого преступления обуславливают и специфику объектов опoznания. В юридической литературе выделяется группа «традиционных» объектов, указанных в ст. 193 УПК РФ (живые лица, труп человека и его части, предметы), а также объекты, не упомянутые в законе, но встречающиеся в практике расследования (животные, участки местности, помещения, документы, знаковые системы — почерк, подпись)².

Объектами, предъявляющимися на опoznание по делам о хищении предметов и документов, имеющих особую ценность, являются:

- подозреваемые — 29,2%;
- обвиняемые — 38,6%;
- предметы, использованные в качестве орудий совершения преступления — 26,7%;
- похищенные ценности — 5,5% случаев.

¹ Быков В. М. Правовые основания производства следственных действий по УПК РФ // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 76.

² Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Р. С. Белкина. – М., 1999. – С. 651; Леви А. А. Актуальные проблемы предъявления для опoznания // Вопросы совершенствования предварительного следствия: Сб. науч. тр. – М., 1983. – С. 67; Гинзбург А. Я. Тактика предъявления для опoznания. – М., 1971. – С. 9 и др.

Следует отметить, что в 58,8% случаев опознающими выступали потерпевшие, в 34,4% случаев — свидетели и в 6,8% — обвиняемые.

Результаты проведенного исследования показывают, живые лица (подозреваемые, обвиняемые) выступают объектами опознания, в большинстве случаев, при расследовании анализируемой категории хищений, совершаемых путем грабежа и разбоя. В меньшей степени распространено опознание предметов (это орудия и средства совершения хищения, похищенные ценности и т.д.).

Как известно, опознание представляет собой психологический акт отождествления объекта с его образом, запечатленным в памяти опознающего. Процесс формирования и отождествления образа в юридической литературе рассматривается в рамках нескольких стадий: а) восприятие; б) запоминание и сохранение в памяти воспринятого; в) воспроизведение и передача информации об объекте; г) отождествление объекта. Рамки следственной деятельности ограничиваются последними двумя стадиями. Восприятие, запоминание и сохранение образа ни в коей мере не зависят от следователя. В то же время для проведения опознания эти стадии не менее актуальны, и их специфика не может не учитываться. «Следователь, — как отмечает З. Г. Самошина, — должен представлять себе процессы восприятия, запоминания и узнавания объектов, на научной основе судить о том, в каких случаях эти процессы протекали нормально и дали достоверный результат, а в каких нет...»¹.

Применительно к рассматриваемой категории дел можно выделить некоторые особенности восприятия и запоминания информации о лице. Прежде всего, необходимость опознания лиц чаще возникает по делам о хищениях особо ценных предметов и документов, совершенных лицом или группой лиц путем грабежа или разбоя. По таким делам опознание проводится в отношении лиц, принимавших непосредственное участие в совершении преступления, оказывавших помощь на различных этапах подготовки, совершения и сокрытия хищения.

Протекание процессов восприятия, запоминания и сохранения информации о признаках внешнего облика человека во многом обусловлено психологическими и физиологическими качествами наблюдавшего (особенности и направленность внимания, физиологическое

¹ Самошина З. Г. Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии. — М., 1976. — С. 33.

состояние, типологические свойства нервной системы, пол, возраст, профессия, наличие дефектов зрения, слуха и т.д.). Не меньшая роль принадлежит и объективным обстоятельствам (время, место, продолжительность наблюдения и т.д.). На основе изучения дел по анализируемой категории хищений можно выделить некоторые факторы, положительно или отрицательно влияющие на процесс формирования образа.

Преступники, непосредственно осуществлявшие объективную сторону преступления (нападение, завладение имуществом), как правило, продолжительное время посещают музеи, библиотеки, картинные галереи, выставочные залы и другие учреждения культуры, культовые здания, дворы жилых домов. Причем их действия наблюдают не один, а несколько человек (смотрители экспозиционных залов, билетерши, продавцы предметов религиозного культа, уборщицы, сторожа, соседи, дворники и т.д.), которые достаточно полно запоминают и анатомические, и функциональные признаки внешности преступников. Среди положительных факторов также можно отметить благоприятные условия и обстановку восприятия (преступники действуют в дневное время, в условиях хорошего освещения). В то же время, следователи должны знать, что при групповом хищении активная деятельность «на виду» имеет место со стороны одного–двух человек. Остальные соучастники либо эпизодически, на короткий период могут попадать в поле зрения, либо вообще напрямую не участвовать в посягательстве. Кроме того, следует учитывать, что на момент совершения преступления действия преступников не выглядят, как преступные, и эта «обычность» обстановки и действий несколько притупляет внимание свидетелей.

Отдельно следует оговориться об опознании похищенных ценностей, которые, будучи предметом преступного посягательства, являются наименее распространенным объектом опознания. Однако это не означает, что их опознание в целом или отдельных их реквизитов как «процессуальная форма визуальной идентификации, реализуемой опознающим путем сравнения признаков хранящегося в его памяти мысленного образа объекта с признаками образов объектов текущего восприятия»¹ не реализуется при расследовании рассматриваемых хищений.

¹ Степаненко Д. А. Проблемы теории и практики криминалистической идентификации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Иркутск, 2006. – С. 35.

В рамках различных следственных действий субъектам уголовного процесса нередко предъявляются похищенные ценности для установления их принадлежности, времени, места, других обстоятельств их наблюдения и т.д. Вопросы, выясняемые при этом, могут касаться как ценностей в целом, так и отдельных их реквизитов (надписи, наличие клейм, подписей, техника исполнения, материал изготовления и т.д.). Предъявление в процессе следственных действий предметов и документов, имеющих особую ценность, имеет целью не только получение информации, но и выступает в рамках тактического приема, что не противоречат закону и не может рассматриваться как подмена предъявления для опознания иными действиями. Справедливо мнение, что эффективность поиска в значительной мере обусловлена способом предъявления: чем большему количеству людей объект будет предъявлен, тем вероятнее его опознание¹. Не отрицая принципиальную возможность опознания предметов и документов, имеющих особую ценность в рамках отдельного следственного действия, мы в то же время считаем, что подобные действия имеют ограниченное применение. Это обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, об отождествлении при опознании указанных ценностей в целом можно говорить тогда, когда они соответствуют по всем признакам (форма, содержание и реквизиты) мысленному образу. Поэтому в случаях сообщения потерпевшим (свидетелем, подозреваемым, обвиняемым) обо всех этих признаках возникает вопрос о характере и содержании объектов, среди которых должна быть предъявлена похищенная ценность. Если, например, потерпевший, давая показания, подробно рассказывает обо всех конкретных признаках похищенных ценностей, указывает все имеющиеся дефекты, то предъявление для опознания в ряду ценностей, сходных по форме, но разных по содержанию (или наоборот), не будет отвечать требованиям предъявления в группе однородных, поскольку по одному из признаков, указанных потерпевшим, имеются существенные различия.

Во-вторых, в случае наличия у следователя сомнений в подлинности похищенных ценностей, то основным средством ее установления является экспертное исследование. Даже узнавание потерпевшим или свидетелем ценности (как в ходе опознания, так и при проведе-

¹ Гапанович Н. Н. Опознание в судопроизводстве (процессуальные и психологические проблемы). – Минск, 1975. – С. 165.

нии других следственных действий) не может заменить собой экспертного исследования. Если же подлинность не подвергается сомнению, то предъявление для опознания не будет иметь большего доказательственного значения, чем, например, допрос с демонстрацией предмета или документа.

В-третьих, предъявление ценностей для опознания отличается определенной сложностью ввиду специфики предметов (сложность восприятия, малая распространенность в быту) и необходимостью обладания определенными познаниями для выявления их общих и частных признаков. В результате в практике расследования распространены случаи, когда потерпевший или свидетель затрудняются описать признаки предмета, однако с уверенностью заявляют, что смогут его опознать. По поводу разрешения данной ситуации в юридической литературе единого мнения нет. Одни авторы утверждают, что предъявление для опознания лишено смысла, так как его ценность будет весьма сомнительна¹ Сторонники противоположной точки зрения допускают предъявление для опознания в таких случаях². Четкую позицию в решении этого вопроса занял Верховный Суд, указав в своих определениях, что не могут быть приняты в качестве доказательств результаты опознания, если под описанные признаки попадают многие предметы и лица или опознание происходит только по общим признакам, лишенным индивидуального характера³.

Представляется, что следователю при сомнении в способности потерпевшего или свидетеля опознать тот или иной объект от производства указанного следственного действия целесообразно воздержаться, а вместо него провести допрос с демонстрацией этого предмета (аналогичным образом поступали 39% опрошенных нами следователей).

В-четвертых, уровень сложности в подборе схожих объектов не соответствует процессуальному значению конечного результата. По-

¹ Гинзбург А. Я. Указ. раб. – С. 13.

² Крикунов А. Е., Маевский А. Ф. Тактика и психологические основы предъявления лица для опознания на предварительном следствии: Учеб. пособие. – Киев, 1977. – С. 29; Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. – М., 1967. – С. 264.

³ Определение СК ВС СССР по делу Дроздова // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1957. – № 3; Определение СК ВС СССР по делу Смирнова // Судебная практика Верховного Суда СССР. – 1956. – № 4.

добрать предметы, аналогичные похищенным, в большинстве случаев не представляется возможным, поскольку похищаемые ценности, как правило, являются единственными и неповторимыми в своем роде, к тому же они нередко подвергаются изменению (вынимаются драгоценные камни из украшений, распиливаются металлические изделия и т.д.). Например, по делу о хищении из научной библиотеки Российской Академии художеств картин и факсимильной копии 1912 года выпуска «Архангельского Евангелия» 1092 года издания, в процессе транспортировки и хранения картинам были причинены повреждения в виде: осыпания красочного слоя и грунта, разрезов и утраты холста, глубоких трещин красочного слоя и грунта, а у книги была утеряна пелена¹. Так же, похищенные из музея на Таймыре цельные бивни мамонта, представляющие наибольшую научную ценность, были распилены при помощи электропилы на мелкие фрагменты².

Поскольку предъявление для опознания в единственном числе других объектов, кроме трупа, процессуальным законодательством (в том числе ранее и действующим) не предусмотрено, то при отсутствии однородных предметов провести опознание не представляется возможным. Поэтому вряд ли можно считать обоснованными имеющиеся в специальной литературе рекомендации о возможности предъявления особо ценных предметов для опознания в единственном числе³. Наличие предмета посягательства исключает опознание по фотографии, и результаты такого следственного действия будут признаны недопустимыми⁴. В связи с этим С. А. Приданов, С. П. Щерба предлагали включить в ст. 193 УПК РФ положение о

¹ Уголовное дело № 1-209/04 // Архив Василеостровского Федерального районного суда г. Санкт-Петербурга, 2004 г.

² Уголовное дело № 1-07/05 // Архив Хатангского районного суда Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа, 2005 г.

³ Марданов Ю. П. Уникальные вещи: особый объект посягательства, тактика опознания // Проблемы советского государства и права. – Вып. 11–12. – Иркутск, 1975. – С. 146; Резван А. П. Правовые и криминалистические проблемы борьбы с хищением предметов, имеющих особую ценность: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2000. – С. 307; Цветков П. П. Предъявление для опознания в советском уголовном процессе. – Л., 1962. – С. 79.

⁴ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13 декабря 1995 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 6.

возможности предъявления для опознания уникальных вещей в единственном числе, по аналогии с правилами опознания трупа¹.

Таким образом, на наш взгляд, приведенные выше обстоятельства позволяют сделать вывод, что особо ценные предметы и документы вообще не должны выступать в качестве объекта опознания в процессе расследования анализируемых хищений.

Е. В. Смахтин

ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Исторически «рождение» криминалистики обусловлено в том числе и тем, что ученые в области уголовного права и процесса, исследуя такой объект познания как преступная деятельность, начали выявлять «ростки» знаний, которые к предметам ведения этих наук можно было отнести лишь условно. В результате эти разрозненные сведения были обобщены Г. Гроссом, а новая отрасль научных знаний получила название криминалистики. При этом австрийским исследователем сведения о преступниках рассматривались в самостоятельных разделах особенной части его руководства для судебных следователей². Последовательность изложения криминалистических знаний была воспринята русскими учеными-криминалистами, а затем и в РСФСР³.

Однако, в последующем, в 30-е гг. прошлого столетия ситуация изменилась. Криминалистические сведения о преступлениях и преступниках структурно не выделялись и излагались в таком разделе как методика расследования отдельных видов преступлений. Наглядным подтверждением этому служит изданный в 1935–1936 гг. первый

¹ Приданов С. А., Щерба С. П. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. – М., 2002. – С. 220.

² Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. – М., 2002. – С. 346-514.

³ См., напр.: Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. – Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. – М., 2003. – С. 229-268.

советский учебник по криминалистике¹. При этом структура излагаемого материала принципиальных изменений не претерпела и в современных учебниках. В настоящее время большинство из них, как правило, состоит из четырех разделов: общие теоретические положения криминалистики, криминалистическая техника, тактика и методика. Причем, преступное поведение, преступная деятельность, как и ранее, рассматривается в четвертом разделе, посвященном криминалистическим методикам.

Рассматривая общетеоретические вопросы, Р. С. Белкин отмечал, что «преступление, как элемент, часть предмета криминалистической науки считается той областью объективной действительности, познание которой является фундаментом для всей системы криминалистики». При этом криминалистика акцентирует свое внимание на *функциональной стороне противоправной деятельности*, на той системе отношений и действий, которые образуют то, что нередко называют *механизмом преступления*².

Е. П. Ищенко считает, что специфическим предметом криминалистического изучения *преступного поведения, преступной деятельности* являются соответствующие закономерности связей и отношений между ее структурными элементами, влияющие на *механизм следообразования*, особенности его протекания³.

З. И. Кирсанов полагал, что «преступление не только социальное явление, но и материальный процесс, связанный с множеством других социальных и материальных процессов. Материальные процессы, происходящие при подготовке, совершении и сокрытии преступления, участвующие в этих процессах объекты и оставляемые ими следы, являются объектами научного познания криминалистики»⁴.

¹ Криминалистика. Кн. 1. Техника и тактика расследования преступлений. – М., 1935; Кн. 2. Методика расследования отдельных видов преступлений. – М., 1936. – С. 3-5.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. – Т.1. Общая теория криминалистики. – М., 1997. – С. 116-117.

³ Криминалистика: Учебник для вузов / Под общ. ред. Е. П. Ищенко, А. Г. Филиппова; под ред. В. Д. Зеленского, Г. М. Меретукова. – М., 2006. – С. 19-20.

⁴ Кирсанов З. И. Теоретические основы криминалистики: Учебное пособие. – М., 1998. – С. 77-78.

Важным фактором, определяющим содержание механизма преступления, по мнению А. М. Кустова, являются также навыки и привычки преступника¹.

Н. П. Яблоков, определяя предмет изучения криминалистики в преступной деятельности, отметил, что в него входят «те черты, признаки и явления, в которых содержатся данные, необходимые для формирования криминалистического представления о соответствующем роде, виде преступления, т.е. о криминалистической их характеристике или криминалистической модели преступления. Вместе с тем изучаются особенности процесса отражения указанных черт и признаков вовне и в виде следов-последствий»².

Действительно, многие ученые-криминалисты считают, что значимые для науки признаки вида, группы, единичного преступления и черты преступника отражаются в криминалистической характеристике преступления. И научных исследований, посвященных разработке или уточнению криминалистической характеристики того или иного преступления, проводится чрезвычайно много. А добились ли мы улучшения в борьбе с преступностью благодаря подобным научным исследованиям? К сожалению, существенных положительных изменений в динамике борьбы с преступностью мы не наблюдаем. А по многим показателям можно смело утверждать, что преступность торжествует, несмотря на победные реляции руководителей правоохранительных органов. Представляется, что одной из причин подобного положения дел, является поверхностное исследование криминалистически значимых признаков преступной деятельности. При этом, содержащиеся в частных криминалистических методиках, предельно общие черты преступной деятельности остаются не востребованы практикой. Во-вторых, несмотря на то, что отдельные фундаментальные научные исследования в этом направлении проводятся, в учебной литературе они отражения не находят. Не доходят они и до «конечного потребителя» криминалистических рекомендаций — конкретного следователя.

¹ Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., Закон и право, 2008. – С. 28.

² Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2005. – С. 25-26.

Есть темы, которые предпочитают обходить стороной. О них все знают, но говорить как-то не принято. Такие моменты есть в любой сфере жизни. Не исключение и криминалистика, как отрасль научного знания. В связи с чрезвычайностью ситуации мы полагаем возможным нарушить некоторые запреты. «Любая теоретическая модель строится не на эмоциях, а на расчетах. Прочность ключевых узлов должна быть видна на уровне логики, раскрывающей ключевые моменты. Это как с чертежом самолета. Принцип подъема машины в воздух должен быть понятен не из пламенных речей конструктора, а из его расчетов. Не говорите громких слов. Покажите расчеты, из которых я увижу подъемную силу винта или крыла, и соглашусь с вашей логикой (или не соглашусь)»¹. Представляется, что в настоящее время в криминалистике имеется достаточное количество теоретических работ. Наши знания даже излишне теоретизированы, носят общий, зачастую неконкретный характер. А работ практической направленности, основанных на серьезном эмпирическом обобщении, содержащих подробный алгоритм деятельности, явно недостает. Чего уж греха таить, ведь до сих пор многие ученые частенько вспоминают работу Л. Г. Видонова² как образец для подражания. Тридцать лет прошло с тех пор. А много ли появилось подобных работ по другим преступлениям? Нам представляется, что в этом отношении мы явно недорабатываем, если хотите, отстаем от потребностей практики. Не зная преступника, с его сложным психологическим миром и мотивацией поведения, практически невозможно решать главную задачу криминалистики — содействие правоохранительным органам в противодействии преступности. Необходимы конкретные знания, прежде всего с учетом преступной специализации. Совершенно очевидно, что поведение и преступные навыки лица, совершившего карманную кражу, будут существенно отличаться от поведения и преступных навыков террориста.

На наш взгляд, на уровне уточнения и разработки частных криминалистических методик необходимо вернуться во времена И. Н. Якимова, изучая свойства личности преступника, его привычки, линию поведения, психологические особенности и т.п. с учетом его

¹ Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. – М., 2007. – С. 31.

² См., напр.: Видонов Л. Г. Криминалистическая характеристика убийств и система типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. – Горький, 1978. – С. 5-27.

преступной специализации. Завершить эту мысль, вновь хотелось упоминанием о том, что фундаментальные монографические исследования, направленные на устранение упомянутого пробела, конечно имеются. Однако, представляется, что они не внедрены в практику деятельности правоохранительных органов, а это, безусловно, отрицательно сказывается на качестве расследования конкретных уголовных дел.

Мы полагаем, что следователь в ретроспективе познает единичное преступление и преступника по оставленным им следам (материальным и идеальным). Непосредственное соприкосновение с преступлением возможно только по оставленным материальным следам. В результате исследования следов появляется знание о механизме преступной деятельности и устанавливается «следовая картина» происшедшего. В ходе эмпирических научных обобщений учеными формируется типовая информационная модель преступной деятельности (криминалистическая характеристика), учитывающая, в том числе типологические особенности преступника, с учетом его преступной специализации. Затем определяются типовые версии, следственные ситуации, в результате выработки алгоритма деятельности следователя формируется частная криминалистическая методика расследования конкретных видов или групп преступлений. Полученные научные знания уточняются в ходе последующего обобщения следственной и судебной практики, выявления положительного опыта и ошибок в расследовании конкретных преступлений.

По сути, к раскрытию преступлений следственным путем, используя достижения криминалистики, приводят сведения о преступлении и преступнике, которые отразились в следовой картине происшедшего события. Следовательно, эта именно та информация, которая нуждается в научном осмыслении, именно она составляет суть предмета криминалистики и криминалистических научных исследований.

Проведенное нами обобщение практики показало, что на механизм следообразования влияют поведение преступника до, в момент и после совершения преступления; преступные навыки, привычки, преступная специализация.

При этом, очевидно, что отмеченные особенности преступника изучаются не только криминалистами, но и учеными в области уго-

ловно-процессуального права, криминологии, теории оперативно-розыскной деятельности и др.

В последнее время стали все чаще говорить и писать о системных исследованиях, в результате которых создается некий конечный научный продукт, так необходимый сегодня практике. Не оспаривая этот аксиоматичный тезис, подчеркнем, что при проведении таких комплексных исследований, направленных на повышение эффективности противодействия преступности, чрезвычайно важно разграничить предметные сферы уголовно-правовых наук при изучении такого объекта познания как преступная деятельность.

Конечно, писать об этом легко. Гораздо труднее разграничить предметы ведения реально, в ходе эмпирического исследования и теоретического осмысления полученных результатов. Мы понимаем, что это не такая простая задача. Но решать ее нужно.

Одним из путей решения рассматриваемой проблемы, по мнению автора, является определение критериев для разграничения предмета криминалистики и других уголовно-правовых наук. На наш взгляд, одним из таких критериев могут являться цель и задача познания. Такой целью в криминалистике предлагаем считать воспроизведение «следовой картины» происшедшего события, а, соответственно, задачей — обнаружение и работа с материальными и идеальными следами-последствиями преступления.

Подобный подход позволяет определить *криминалистику* как науку о системе принципов и методов познания материальных и идеальных следов в механизме преступной и криминалистической деятельности; которая обусловлена возникающими правоотношениями и направлена на оказание содействия установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, криминалистическими приемами и средствами.

Определяя таким образом криминалистику, мы исходим из того, что наибольшее практическое значение имеет научное обоснование перехода от познания материальных и идеальных следов в механизме преступной деятельности, используя уголовно-процессуальную форму, к уголовно-правовой характеристике преступления как совокупности элементов состава, позволяющей правильно квалифицировать конкретное деяние.

Убеждены, что уточнение предметной сферы уголовно-правовых наук при изучении такого объекта познания как преступная

деятельность позволит повысить качество проводимых научных исследований и эффективность правоприменительной деятельности.

Д. Ю. Яковлев

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Изучение имеющейся практики использования биологических знаний в раскрытии и расследовании преступлений позволило выявить ряд вопросов и потребностей практических органов, актуальных для современных условий борьбы с преступностью. Проведение эмпирического исследования проводилось в несколько этапов с использованием различных методов и процедур как теоретического, так и эмпирического уровня научного познания.

На первом этапе исследования было предпринято пилотажное изучение уголовных дел (всего 50 уголовных дел) на основе метода контент-анализа. Содержательный анализ протоколов следственных действий, в частности — следственного осмотра, обыска, выемки, привел нас к выводу, что этот, традиционный для многих научно-прикладных исследований в криминалистике метод, в данном случае оказывается малорезультативным. При производстве следственных действий, и это находит формальное отражение в соответствующих документах, внимание уделяется соблюдению процессуальных норм и криминалистических требований. Особенности обнаружения фиксации и изъятия следов биологического происхождения находят недостаточное отражение в протоколах следственных действий, а значит, недоступны для последующего анализа.

Гораздо более информативным в контексте производимого исследования оказался метод включенного наблюдения. С этой целью на втором этапе исследования нами была разработана специальная программа наблюдения, позволяющая фиксировать факты использования следователями конкретных методов работы со следами биологического происхождения. Целью наблюдения являлась оценка эффективности использования этих методов. Под эффективностью мы понимали частоту использования данных приемов и способов и их

корректность с точки зрения дальнейшего использования обнаруженных следов биологического происхождения при производстве судебных экспертиз. В целях унификации и удобства обобщения выставляемых оценок была избрана пятибалльная шкала. Результаты наблюдения фиксировались в соответствующих протоколах.

Можно констатировать тот факт, что в ходе названных следственных действий обнаружению и фиксации названных следов, а также их предварительному исследованию не уделяется достаточного внимания. По нашему мнению, это недопустимо, поскольку полученная в ходе предварительного исследования информация может быть использована для выдвижения и проверки следственных версий, следственных действий и выбора тактических приемов их проведения.

Отметив этот факт, мы задались намерением выяснить основные причины сложившейся ситуации. В процессе беседы со следователями и дознавателями и совместного с ними обсуждения тактических особенностей и результатов проведенных следственных действий, в частности осмотра места происшествия, было выяснено, что самими субъектами расследования подобные и другие ошибки объясняются недостаточным знанием основ биологии. Думается, что такое объяснение не в полной мере соответствует действительности. Практически каждый из опрошенных не только изучал биологию в школе, либо в вузе, но и фактически имел представление об особенностях образования следов биологического происхождения, т.е. обладал необходимым для практического применения минимумом биологических знаний. Анализируя полученные результаты, мы предположили, что, по всей вероятности, основная причина выявленных недостатков кроется не столько в объеме имеющихся у практических работников знаний, сколько в том, что они не видят возможностей их прямого использования. Концентрируясь на решении конкретных тактических задач, следователи не ставят перед собой цели комплексного анализа следов биологического происхождения. Между тем, как мы уже отмечали, подобный анализ является необходимым, поскольку его результаты позволяют оптимальным образом организовать и провести то или иное следственное действие. Оценивая полученные результаты, а также, принимая во внимание тот факт, что в настоящее время практика участия специалистов-биологов в производстве следственных действий не имеет распространенного характера (особенно в

сельской местности), а, следовательно, рассчитывать на доступность профессионального биологического анализа, сопутствующего следственной тактике, не приходится, мы считаем, что к решению подобных задач должны быть готовы сами следователи.

Признавая субъективный характер сделанной нами оценки и имеющуюся вероятность ошибки в ее интерпретации, мы задались вопросом: как сами следователи относятся к необходимости самостоятельного использования специальных биологических знаний в их профессиональной деятельности. В целях выяснения мнения практических работников нами было проведено их анкетирование, что составило третий этап эмпирического исследования. Исследование было проведено на выборке, состоящей из 75 (мужчин — 67% и женщин — 33%) практических работников следственных управлений Следственного комитета при прокуратуре РФ Иркутской области, Красноярского края, Приморского края, Читинской области, Агинского бурятского автономного округа, стаж работы которых варьировал от 1,5 до 18 лет. Полагая, что существенное влияние на формирование данного мнения оказывает профессиональный опыт, мы сочли необходимым разделить опрошенных, в зависимости от стажа их практической работы. На основе данного признака было выделено три группы опрошенных. В первую группу вошли практические работники, стаж которых составляет менее 5 лет (17% всех опрошенных). Во вторую — от 5 до 10 лет (72%), в третью группу — свыше 10 лет (11%). Основные вопросы анкеты касались:

1. Частоты встречаемости в практической деятельности ситуаций, требующих биологических знаний.
2. Ключевых проблем подобных ситуаций.
3. Степени теоретической подготовленности к решению биологических задач.
4. Типичных способов их решения.
5. Наиболее востребованных с точки зрения практической деятельности биологических знаний.

Анализируя полученные результаты, следует, прежде всего, подчеркнуть, что в практике расследования преступлений ситуации, требующие использования специальных биологических знаний, по мнению наших респондентов, имеют распространенный характер (особенно при расследовании убийств, изнасилований). 97% опрошенных отмечают, что им приходилось сталкиваться с подобными

ситуациями. Причем, следует отметить, более опытные (3 группа) чаще отмечают наличие проблем, связанных с необходимостью анализа следов биологического происхождения при производстве следственных действий, нежели начинающие работники (1 группа). Практически все опрошенные лица, 100% и 93% соответственно, сталкивались с подобными ситуациями. Однако профессиональный опыт, по-видимому, способствует диагностике указанных проблем.

Полагаем возможным связать полученные результаты не столько с проблемами как таковыми, а с субъективным отношением к ним опрошенных лиц. Обстановка расследования является той объективной реальностью, в которой осуществляется деятельность по расследованию преступлений. Сложно себе представить, что эти условия могут существенно различаться для выделенных трех групп. Скорее всего, различают эти группы не сами условия, в которых приходится работать, а отношение к ним.

Для группы более опытных сотрудников большее значение приобретает проблема предварительного анализа следов биологического происхождения, для начинающих более значимыми являются проблемы их обнаружения и фиксации. На наш взгляд, эти данные могут свидетельствовать о том, что технологические проблемы следственной деятельности преодолеваются с опытом. Соответственно впоследствии им уделяется меньше внимания. Иначе говоря, в самой практической деятельности отрабатываются оптимальные способы решения указанных проблем, и формируется, таким образом, необходимая «готовность» к их преодолению, что приводит к снижению «остроты» проблемы в сознании человека.

Этому в немалой степени способствует, как нам представляется, имеющаяся теоретическая подготовка. 70,3% опрошенных нами лиц подтверждают ее наличие. Они специально изучали основы работы со следами биологического происхождения либо самостоятельно, либо в рамках спецкурсов в учебных заведениях.

Содержательный анализ учебных программ, учебной и учебно-методической литературы по криминалистике дает возможность прийти к выводу о том, что в рамках учебного курса криминалистики уделяется недостаточное внимание работе со следами биологического происхождения.

На основании проведенных нами исследований, можно заключить, что потребности в дополнительном изучении биологии на на-

чальных этапах деятельности опережают осознание частоты встречаемости проблем при работе с указанными следами, и практически выравниваются с приобретением опыта. Данный факт мы склонны интерпретировать следующим образом: реальность данных проблем в практической деятельности приводит к их осознанию, а частота их встречаемости формируют у практических работников соответствующую потребность в биологических знаниях. Таким образом, востребованной становится «биологическая компетентность» - совокупность знаний и практических навыков при обнаружении, фиксации, изъятии и предварительном исследовании следов биологического происхождения. Между тем, только 20% практических работников, опрошенных нами, признают имеющиеся у них знания в области биологии достаточными для своей деятельности.

И еще один факт, выявленный нами в ходе опроса практических работников, требует своего обсуждения. Речь, в данном случае, пойдет о, если можно так выразиться, «разграничении» полномочий в реализации биологических знаний в процессе расследования между специалистами-биологами, с одной стороны, с другой — следователями и другими субъектами расследования. Мы решили выяснить мнение практических работников о том, кто должен решать задачи обнаружения, фиксации и изъятия следов биологического происхождения, и как они решаются реально. Результаты опроса показали, что большинство (71,3% опрошенных) сталкиваясь при осмотре места происшествия с такими следами, опираются исключительно на свой опыт, действуют во многом интуитивно, 11,3% прибегают к помощи специалистов, 16,7% используют обе указанные возможности. При этом была выявлена тенденция роста «самостоятельности»: чем больше опыт практической деятельности у опрошенных нами лиц, тем чаще им приходится рассчитывать на собственные силы.

Полагаем, однако, что практический опыт, действительно способствует решению данных проблем, остается все-таки недостаточным. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует то, что 67% опрошенных предпочли бы совместную со специалистом-биологом деятельность.

Вышесказанное приводит нас к убеждению, что применение специальных знаний (основ прикладной биологии) при производстве следственных действий должно осуществляться не только путем при-

влечения специалистов соответствующего профиля, что само по себе очень важно и не оспаривается, но и за счет более серьезной биологической подготовки самих практических работников, создания условий и возможностей для повышения уровня их квалификации в вопросах работы со следами биологического происхождения.

На основе анализа полученных результатов проведенного анкетирования, полагаем возможным сделать следующие выводы:

1. Можно констатировать, что в процессе производства следственных действий анализ следов биологического происхождения имеет высокую потребность.

2. Очевидными, по собственному признанию практических работников, следует считать недостатки их готовности к решению проблем их профессиональной деятельности на основе использования биологических знаний.

Основываясь в целом на результатах проведенного эмпирического исследования, сделанных при этом выводах, можно заключить: в настоящее время теоретические и прикладные знания биологии, а также ее конкретные рекомендации не в полной мере используются на практике.

В настоящее время наблюдается очевидное несоответствие между имеющимися потребностями и реальной практикой использования данных биологии в ходе решения конкретных тактических задач различных следственных действий. Одной из причин сложившейся ситуации является недостаточный уровень готовности к использованию имеющихся знаний на практике. В настоящее время она является той насущной проблемой, на которую достаточно остро реагирует практика.

Оценивая подобным образом сложившуюся ситуацию, мы считаем, что объективная потребность в использовании биологических знаний при решении вопросов, возникающих в криминалистической практике, требует соответствующей подготовки специалистов в области раскрытия и расследования преступлений. Специальные биологические знания, навыки и практические умения, как показали результаты эмпирического исследования, объективно приобретают значение профессионально значимых свойств и качеств субъектов расследования, становятся неотъемлемым элементом их профессионального мастерства и, таким образом, должны рассматриваться в органической связи с профессиональными умениями и навыками. В такой

же органической связи они должны формироваться. Реализация в практической деятельности имеющихся знаний, в данном случае - биологических, становится возможной при условии, что на их основе формируются соответствующие умения и навыки, становящиеся неотъемлемой частью профессионального мастерства современных специалистов в области раскрытия и расследования преступлений и широко используемые в деятельности. Задача их формирования, как мы полагаем, выходит за пределы криминалистики, и должна решаться на интегративной с биологией основе. Целостный комплекс знаний и умений, таким образом, является необходимой основой профессиональной деятельности и, как мы полагаем, составляют содержание «биологической компетентности» специалистов в области раскрытия и расследования преступлений.

В соответствии с выявленной потребностью актуальной становится задача обеспечения возможностей ее удовлетворения. Полагаем, что один из перспективных вариантов решения обозначенной проблемы лежит в плоскости профессиональной подготовки кадров сотрудников для работы в правоохранительных органах, в том числе и криминалистического образования.

*А. Н. Архипова,
Н. Н. Кутаев*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ВОЛОС ЧЕЛОВЕКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ «БЕЗ ТРУПА» (МЕЖДУНАРОДНАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА)

При расследовании убийств, когда труп потерпевшего отсутствует (уничтожен или спрятан преступниками), особое значение придается обнаруженным на месте происшествия волосам человека. Эксперты могут установить: выпал ли волос сам или его вырвали (отрезали); совпадает ли он с волосами подозреваемого или исчезнувшего потерпевшего; что вообще можно сказать о личности человека, которому принадлежат найденные волосы? На эти и другие вопросы эксперты дают ответы в результате физических, морфологических, хи-

мических, бактериологических, серологических и геномных исследований¹.

Существуют специальные методики для решения возникающих экспертных задач. Так, длинные с кистеобразно расщепленными концами волосы обычно принадлежат женщине. Волосы мужчины, в большинстве случаев, намного короче и концы их ровные, у мужчин более высокое содержание серы в волосах. Выпавшие волосы имеют высохшую и сморщенную корневую часть. Если же корни волос еще влажны, клубнеобразны и внизу раскрыты — это свидетельствует, что их вырвали. Кроме того, вырванные волосы вначале растягиваются, и в местах растяжения возникает волнистость. Под влиянием высокой температуры волосы меняют цвет. При температуре 240 градусов Цельсия волос завивается, а при 300–400 градусах он обугливается. Волосы с головы имеют цилиндрическое поперечное сечение, а волосы в подмышечной области и на половых органах имеют овальный срез².

Согласно международным нормам человеческие волосы по цвету делятся на 10 категорий, каждая из которых снова делится на 10 групп в зависимости от некоторых параметров, получаемых при измерении волоса. Наличие многих иных характерных признаков позволяет осуществить и дальнейшую классификацию. Например, различия пигментной структуры позволяют выделить более 50 тысяч типов волос. Современные химические и физические средства исследования делают возможным выявление еще более мелких признаков, по которым различают уже несколько сотен тысяч вариантов волос³.

При осмотре предполагаемого места совершения убийства человека можно обнаружить волосы потерпевшего и в ситуации, когда преступник предпринимал усилия по уничтожению следов преступления.

¹ См.: Гуртовая С. В., Рябцева Э. Н. Некоторые вопросы методики и тактики проведения экспертизы волос человека // Судебно-медицинская экспертиза. – 1987. – № 1. – С. 36–38; Николаева С. С., Дубинская В. А. Физико-химические свойства волос головы людей европеоидной и негроидной рас // Судебно-медицинская экспертиза. – 1989. – № 2. – С. 17–20.

² См.: Татаренко В. А. Определение признаков физических и химических свойств волос человека при их сравнительном судебно-медицинском исследовании. – Харьков, 1974.

³ Хефлинг Х. Шерлок Холмс в наши дни. – М., 1991. – С. 24.

Так, Ковриков и Петраков под обманным предлогом заманили в личный гараж последнего 20-летнюю Галину Ш., которую поочередно изнасиловали, а затем совместно задушили. Труп потерпевшей преступники вывезли за город, где расчленили и в несколько приемов сожгли на костре, оставив мелкие фрагменты обугленных костей. С целью сокрытия следов содеянного, Петраков паяльной лампой обжег внутреннюю деревянную обшивку своего гаража в тех местах, где происходило изнасилование и убийство Ш. Преступление было раскрыто спустя два года. При осмотре гаража Петракова с участием данного подозреваемого следователь обнаружил волосы. По заключению судебно-биологической экспертизы, найденные волосы ранее подвергались искусственному обесцвечиванию и воздействию высокой температуры (до 250 градусов Цельсия). По групповой принадлежности и другим параметрам эти волосы могли принадлежать потерпевшей Ш. Военный трибунал, осудивший Коврикова и Петракова к исключительной мере наказания, сослался в приговоре на данное заключение эксперта (лист 21 приговора)¹.

В другом случае убийство «без трупа» произошло в декабре 1998 г. на территории Запорожской области (Республика Украина). Обвиняемый Розрейко В. совершил умышленное убийство своей бывшей любовницы В., нанеся ломиком-монтажкой многочисленные удары по голове потерпевшей. Труп женщины преступник сжег в безлюдном песчаном карьере, использовав 40 литров дизельного топлива, а несгоревшие костные фрагменты выбросил в Каховское водохранилище.

При расследовании дела Розрейко дал подробные показания относительно содеянного, но впоследствии отказался от них. При проверке его показаний выяснилось, что на ломике-монтажке, принадлежащем обвиняемому, обнаружен фрагмент волоса человека, отделенный с головы ударом твердого предмета с ограниченной поверхностью. Волосы потерпевшей В. следователь изъясил у ее родственников в доме (расческа, резинка для волос и тесьма, которыми пользовалась исчезнувшая В., содержали наложения волос). Эти объекты, согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, полностью

¹ Приговор военного трибунала Забайкальского военного округа от 18 сентября 1986 г. В расследовании данного дела принимал участие один из авторов — Н. Н. Китаев.

соответствовали по ряду признаков с тем фрагментом волоса, что был изъят с ломика-монтажки, служившем орудием убийства В.¹

Несмотря на дальнейшую позицию отрицания арестованным своей вины, суд в приговоре сослался на заключения данных экспертиз, как на важнейшие доказательства вины Розрейко В., осудив его к 14 годам лишения свободы (л. 5,6 и 7 приговора)².

Истории криминалистики известен случай, когда единственный волосок потерпевшего играл роль главного вещественного доказательства по делу об умышленном убийстве при отсутствии трупа погибшего человека. Неоднократно судимый 35-летний Теодор Вебер обвинялся в том, что «вечером 16 октября или в ночь с 16 на 17 октября 1953 года, находясь в невыясненном месте Швейцарии, предположительно в Юре, на пути в невыясненном направлении, нанес сидящему в машине Густаву Айхенвальду посредством выстрела, или удара, или другим способом тяжкие телесные повреждения, в результате которых Густав Айхенвальд скончался. После этого Веберу...удалось скрыть труп жертвы в невыясненном месте таким образом, что найти его не удалось». Мотивом содеянного выступало завладение деньгами потерпевшего, «неопределенной суммой от 134 тысяч до 200 тысяч франков»³.

Ранее 7 раз судимый, Теодор Вебер представился венскому торговцу Густаву Айхенвальду «коммерсантом», склонил последнего взять крупную денежную сумму для выгодной крупной сделки (якобы, приобретения большой партии часов), после чего уехал с потерпевшим в неизвестном направлении 16 октября 1953 г. на арендованном легковом автомобиле. 17 октября Вебер вернулся один, он занялся тщательным отмыванием автомашины, используя стиральный порошок и горячую воду. При этом сильно загрязненные автомобильные коврики Вебер, по словам свидетелей, сжег в печи, заменив их новыми. После исчезновения Айхенвальда Вебер оплатил свои долги на сумму более 100 тысяч франков, а более 30 тысяч франков потратил на приобретение роскошной автомашины, дорогостоящие вещи и увеселительные мероприятия.

¹ Уголовное дело № 1-1311-01, том 1, л.д. 39; том 2, л.д. 37-38, 123-126 // Архив суда г. Мелитополя Запорожской области (Республика Украина), 2001 г.

² Уголовное дело № 1-1311-01 // Архив суда г. Мелитополя Запорожской области (Республика Украина), 2001 г.

³ Хефлинг Х. Указ. раб. – С. 20.

Когда сотрудники уголовной полиции г. Цюриха начали кропотливый осмотр автомобиля, арендованного ранее подозреваемым Вебером, с момента исчезновения Айхенвальда прошло два года и четыре месяца. Сам подозреваемый категорически отрицал свою причастность к совершению данного преступления, но не мог объяснить источник внезапного появления у него больших денежных средств.

При помощи орошения салона автомобиля раствором бензидрина швейцарские криминалисты выявили незаметные глазу следы крови на переднем сиденье и на полу перед ним, а также на обивке задней спинки сиденья и в багажнике. В ткани переднего сиденья обнаружили волос с головы человека, который, как и группа обнаруженной крови, мог принадлежать Айхенвальду. Руководитель научного отдела уголовной полиции г. Цюриха доктор Макс Фрай-Зульцер так комментировал перед судом присяжных свою находку: «Этот волос не выпал и не был вырван, он был безусловно выдавлен — путем нажима на то место, откуда он рос. Разумеется, мы задавались вопросом, не находился ли этот волосок еще раньше под нижним сиденьем и позднее прилип к кровавому сгустку в результате сквозняка или какого-либо другого механического воздействия. Но в таком случае его поверхность была бы загрязнена или покрыта пылью. Этот же волос был совершенно чистым. Таким образом, установлено: волос сразу же после того, как был выдавлен, попал в свежую кровь, которая затем высохла»¹.

Аналогичные волосы были обнаружены в квартире Айхенвальда на различных предметах его одежды. Помимо полного совпадения их мельчайших признаков, они, как и волосок, обнаруженный в автомобиле, были тонированы красителем, которым пользовался Айхенвальд. Суд присяжных приговорил Вебера к пожизненному заключению².

К сожалению, приходится констатировать, что для ряда судов России и ближнего зарубежья подобные улики не являются решающими для вынесения обвинительного приговора — некоторые судьи требуют «найти труп потерпевшего», а при его отсутствии выносят

¹ Хефлинг Х. Указ. раб. – С. 24.

² Там же. – С. 25.

оправдательные приговоры¹. В других случаях, «при вынесении приговоров по данной категории дел, судом действия подсудимых переqualифицируются на иные, менее тяжкие преступления, и наказание назначается в пределах сроков нахождения лица под стражей в период проведения расследования и судебного рассмотрения дела»².

Имеют место ситуации, когда сами следователи считают, что отсутствие трупа убитого человека не позволяет им доказать вину правонарушителей, а потому не принимают исчерпывающих мер по их изобличению. Вот что сообщил одному из авторов руководитель отдела криминалистики И. А. Стрельцов, работающий в следственном управлении следственного комитета при прокуратуре РФ по Астраханской области: «...В 2007 году Енотаевским межрайонным следственным отделом возбуждено уголовное дело о безвестном исчезновении Сызранова А. В. по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 126 и ч. 1 ст. 105 УК РФ. Расследованием установлено, что преступление совершено тремя односельчанами потерпевшего, которые из-за личных к нему неприязненных отношений, с применением физической силы похитили Сызранова А. В. из его дома, вывезли на автомашине в безлюдное место, избили, после чего утопили в реке. Проведенными поисковыми мероприятиями тело потерпевшего обнаружить не удалось.

С учетом добытых по делу доказательств, преступники признали свою вину в совершенном преступлении, им предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 126 УК РФ. Уголовное дело по факту похищения Сызранова А. В. направлено для рассмотрения в суд, который признал указанных лиц виновными в совершении похищения Сызранова А. В., приговорив их к различным срокам лишения свободы.

В связи с отсутствием трупа потерпевшего обвинение в совершении убийства лицам не предъявлялось. Предварительное следствие

¹ Архипова А. Н. Международная практика расследования убийств при отсутствии трупа потерпевшего // Криминалистика в системе правоприменения. – М., 2008. – С. 205-206.

² Письмо № 201-121-2009 от 5 марта 2009 г. руководителя отдела следственного управления СК при прокуратуре РФ по Челябинской области Ю. В. Власова // Личный архив А. Н. Архиповой, 2009 г.

по данному факту приостановлено на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ»¹.

В цитируемом документе есть объяснение такой странной позиции следственного управления следственного комитета по Астраханской области: «Практика направления таких дел в суд не поддерживается. В основном это связано с занимаемой позицией суда и прокуратуры о невозможности рассмотрения уголовных дел «без трупа» по существу и поддержания обвинения, если сам факт криминальной смерти потерпевшего достоверно не подтвержден, в целях исключения совершения судебной ошибки»².

Однако здесь необходимо отметить, что «достоверность подтверждения» факта криминальной смерти, когда тела потерпевшего нет, — это прерогатива самих следственных органов, которые обязаны выказать необходимый профессионализм и настойчивость при доказывании вины преступников по любой категории уголовных дел.

Наше обращение к теме судебной экспертизы волос по делам об убийствах «без трупа» имеет определенное обоснование: в диссертациях, посвященных данной теме, такие экспертизы не упоминаются³, хотя на практике они играют важную роль в процессе изобличения виновных лиц.

Х. А. Асатрян

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОБЫСКЕ ПО ДЕЛАМ О ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВЕ, И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Обыск по делам о фальшивомонетничестве - это принудительное следственное действие, осуществляемое с целью обследования помещения для отыскания и изъятия инструментов, материалов, го-

¹ Личный архив Архиповой А. Н., 2009 г.

² Указанное письмо. Личный архив Архиповой А. Н., 2009 г.

³ См.: Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств по делам, возбужденным в связи с исчезновением потерпевшего: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1962; Килессо Е. Г. Методика расследования убийств, сопряженных с неизвестным исчезновением потерпевшего: первоначальный этап расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.

товой продукции для сбыта (поддельных денежных знаков и ценных бумаг), следов пребывания и интеллектуальной подготовки.

Обыск производится при наличии для этого фактических и юридических оснований. Фактическими основаниями для производства обыска по делам о фальшивомонетничестве является совокупность доказательственной и оперативно-розыскной информации о том, что в каком-либо месте или у какого-либо лица находятся поддельные денежные знаки или ценные бумаги, оборудование, приспособления, инструменты, материалы, предназначенные или использовавшиеся для их изготовления. Юридическим же основанием являются условия и порядок производства обыска и выемки, предусмотренные уголовно-процессуальным кодексом.

Результативность обыска достаточно часто зависит от его качественной подготовки. Следователь и оказывающие ему помощь участники следственно-оперативной группы должны иметь четкое представление о признаках и свойствах отыскиваемого предмета.

Е. П. Фирсов предлагает предметы, подлежащие к отысканию и изъятию в процессе обыска, разделить на две группы: предметы, свидетельствующие о факте подделки, и предметы, свидетельствующие о факте сбыта¹. На наш взгляд, криминалистически целесообразно предметы, подлежащие к отысканию и изъятию в процессе обыска, подразделить на предметы, *необходимые* для изготовления поддельных денежных знаков, и на предметы, *предназначенные* для сбыта или свидетельствующие о самом сбыте. Это обусловлено тем, что во время обыска могут быть найдены инструменты, приспособления или материалы, используя которые можно изготовить поддельные денежные знаки или ценные бумаги, но факта изготовления не было. Например, если инструменты и материалы были найдены у пособника, который сам не изготавливал подделки, а снабжал материалами и инструментами изготовителя.

Предметами поиска в момент производства обыска являются: поддельные денежные знаки или ценные бумаги, подготовленные для сбыта; компьютерная и копировально-множительная техника, используемая для изготовления поддельных денежных знаков или ценных бумаг; материалы, которые могли быть использованы для изго-

¹ См.: Фирсов Е. П. Расследование изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов: монография. – М., 2004. – С. 75.

товления поддельных денежных знаков (растворители, легкоплавкие металлы, типографская краска и т. д.); специальная литература по полиграфии; полуфабрикаты (заготовки для изготовления фальсификатов, листы бумаги, содержащие одностороннее изображение денежных знаков и т. д.); подлинные деньги, которые использовались в качестве образцов (в большинстве случаев их номер и серия совпадают с поддельными банкнотами); предметы, предназначенные для сбыта (приобретенные заведомо поддельные деньги или ценные бумаги с целью их дальнейшего сбыта в качестве подлинных); предметы, свидетельствующие о самом факте сбыта (товар или товары, которые были приобретены на поддельные деньги и т. д.).

Во время обыска следует быть очень осторожным, чтобы не уничтожить следы рук, ног и иные следы, свидетельствующие о пребывании подозреваемого на месте преступления.

Проведение обыска условно можно разделить на четыре этапа: подготовка, начало проведения, непосредственное проведение и заключительная стадия.

1. Подготовительный этап обыска включает в себя:

– составление плана обыска, который может быть как письменным, так и мысленным. В плане рекомендуется разработать быстрый и внезапный способ проникновения в помещение, так как по делам о фальшивомонетничестве медлительность может привести к уничтожению следов преступления (например, преступники могут сжечь хранящиеся в помещении поддельные денежные билеты или ценные бумаги, удалить файлы компьютера и т. д.);

– получение судебного решения на обыск жилища;

– сбор необходимых ориентирующих сведений об оборудовании и поддельных денежных знаков или ценных бумаг (вид подделок, способы и т. д.);

– определение времени обыска;

– если имеются данные о наличии у обыскиваемого лица оружия и возможности вооруженного сопротивления, следует принять меры по обеспечению безопасности участников обыска. Такие ситуации наиболее вероятны со стороны организованных преступных групп занимающихся фальшивомонетничеством;

– обеспечение транспортом, упаковочными материалами для вывоза обнаруженных в ходе обыска оборудования которым изготавливались подделки;

- выяснение способа изготовления поддельной денежной купюры или ценной бумаги, чтобы иметь представление о том, какие инструменты, материалы и оборудование нужно искать;

- изучение личности обыскиваемого, чтобы представить себе, где он может спрятать подделки и оборудования;

- заранее обеспеченное присутствие понятых в обыскиваемом помещении, а не в ходе обыска. Как показывают результаты анкетирования, нередко следователи предпочитают на месте найти понятых, которыми обычно становятся соседи обыскиваемого. Представляется, что это не совсем правильно, так как соседи по каким-либо причинам могут выгораживать друг друга и не признать факт нахождения предметов (доказательств) в обыскиваемом помещении, ссылаясь на то, что это, якобы, подбросили сами участники следственно-оперативной группы.

- комплектование и инструктаж следственно-оперативной группы, в которую необходимо включить специалистов.

2. Начало проведения обыска включает в себя следующие действия:

- прибыв на место обыска, следователь объявляет о цели прибытия и предъявляет постановление о производстве обыска;

- обыскиваемому лицу разъясняются его права и обязанности, о чем делается отметка в протоколе обыска;

- следователь должен запретить находящимся в обыскиваемом помещении лицам дотрагиваться до каких-либо объектов, пока не будет закончен обыск. В первую очередь не позволять прикасаться к компьютеру и к его периферийным устройствам, так как компьютер может хранить в себе доказательства совершенного преступления, его следов и информации о фактических обстоятельствах дела. Если после запретов кто-то произвел попытку осуществить какие-либо действия с компьютером или с подключенными к нему периферийными устройствами, то следователь должен расценивать данные действия как попытку уничтожения доказательств и отразить это в протоколе обыска;

- обход обыскиваемого помещения с целью знакомства с расположением комнат, обстановкой в целом, что позволит более конкретно составить план обыска, окончательно распределить обязанности участников;

– фотосъемка обыскиваемого помещения и находящихся в нем интересующих следствие предметов.

3. Непосредственное проведение обыска включает в себя следующие действия:

– непосредственный поиск предметов и их изъятие. Поиск рекомендуется проводить последовательно слева направо, при этом должны исследоваться все предметы, находящиеся на пути участников следственно-оперативной группы;

– если речь идет об обыске поддельных денежных знаков или ценных бумаг, то рекомендуется тщательно обыскивать как обычные, так и необычные места возможного их хранения;

– лица, у которых проводится обыск, должны открыть запертые комнаты, шкафы, сейфы и т. п., если у следователя имеются подозрения, что искомые предметы могут находиться в данных хранилищах. При отказе следователь может их вскрыть;

– следователю и другим участникам следственно-розыскной группы рекомендуется обращать внимание на демаскирующие признаки, которыми могут быть: более свежая покраска, подклейка обоев, которые различаются цветовым оттенком или свежестью и т. д.

4. Заключительная стадия проведения обыска включает в себя следующие действия:

– составление протокола обыска, в котором отображаются время, место обыска, основание для его проведения, сведения о сотрудниках, его осуществляющих, специалистах, участвовавших во время обыска, и иных присутствующих лицах, наличие тайников и т. д.;

– подробное, индивидуализированное описание в протоколе изъятых предметов, с указанием их состояния и места обнаружения. По делам о фальшивомонетничестве такими предметами могут быть: компьютер и его периферийные устройства; полиграфическое оборудование; материалы, которые использовались для изготовления подделок; заготовки для изготовления фальсификатов и т. д. Протокол подписывается следователем, членами следственно-оперативной группы, специалистами, понятыми и лицом, у которого был проведен обыск. В конце протокола перечисляются изъятые предметы, заносятся жалобы и заявления присутствующих;

– упаковка в целях транспортировки изъятых предметов с учетом мер обеспечения их сохранности.

Обыск может служить средством установления группового характера совершенного преступления и получения информации о существовании преступной группы, ее составе, целях, распределении ролей между участниками, личности организатора и т. п. По делам рассматриваемой категории возникает необходимость в проведении одновременных обысков у нескольких членов организованной преступной группы. Кроме сбора необходимой информации о местах обыска и самих обыскиваемых, в этих случаях комплектуется должное количество следственно-оперативных групп для производства обысков, оговариваются формы и средства оперативной связи между группами с целью своевременного обмена значимой информацией. Рекомендуются проводить групповой обыск, в целях более эффективного достижения результатов обыска.

Групповой обыск - это совокупность одновременных обысков в разных местах у разных лиц, связанных между собой одним уголовным делом. Такой обыск готовится по правилам одиночного обыска, но особые требования предъявляются к четкости и качеству связи между участниками, порядку обмена информацией, единому руководству и общему плану проведения, одновременности проведения обыска.

Производство обыска по делам о фальшивомонетничестве, совершенного организованными преступными группами, осуществляется в соответствии с криминалистическими рекомендациями, и основная особенность этого следственного действия, целью которого является изобличение организатора и участников преступного сообщества в преступной деятельности, заключается в сборе информации именно об организованной преступной группе или о руководстве ею.

Обыски следует проводить по всем известным местам постоянного и временного пребывания подозреваемых и их близких лиц, где могут быть обнаружены вещественные доказательства, свидетельствующие о факте фальшивомонетничества.

В. Н. Туркова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗОБЛИЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Проблема преступности в правоохранительных органах России и пути ее решения стали активно разрабатываться учеными — правоведами с начала 90-х годов прошлого века, когда преступления, совершаемые работниками правоохранительных органов, приобрели систематический характер и не могли быть объяснены лишь случайными факторами и стечением обстоятельств¹.

По делам рассматриваемой нами категории субъектом преступления являются должностные лица таможенных органов, на которых в соответствии с Конституцией РФ и иными правовыми актами лежит прямая обязанность борьбы с преступностью, а также охрана и защита прав и свобод человека и гражданина.

Расследование получения взяток совершаемых «оборотнями в погонах» имеют свои особенности, которые заключаются в следующем: сотрудники таможенных органов достаточно хорошо знакомы с законодательством РФ, обладают профессиональными знаниями в отношении ведения следствия и оперативной работы, вследствие чего находят «лазейки», чтобы избежать уголовной ответственности.

Так, Х. работал инспектором оперативного отдела Н. Тагильской таможни и являясь должностным лицом, осуществляющим функции представителя власти. Инспектор таможни Х., ввел в заблуждение гражданина республики Кыргызстан Д., о неполном пакете документов на товар. Х. заставил Д. заполнить таможенную декларацию формы Т-6, снять ксерокопии с имеющихся у Д. документов на товар и предоставит сертификат безопасности. Своими действиями Х. вымогал у Д. взятку. Понимая, что скорейшее оформление документов зависит от передачи денег, Д. отдал Х., требуемую им сумму в его служебном кабинете. В дальнейшем информация о получении взятки инспектором таможенной службы стала известна сотрудникам ОБЭП, после чего Х. был пойман с поличным. На очной ставке с Х., Д. подробно рассказал об обстоятельствах передачи денежных средств, подтвердив, что деньги передал лично Х., по требо-

¹См.: Халиков А. Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов. – М., 2008. – С. 6.

ванию последнего. Согласно акта, Х. выдал деньги, которые находились в нагрудном кармане. При этом он не отрицал, что положил деньги в нагрудный карман, обнаруженные им в ящике стола. Поведение Х. не адекватно ситуации, когда он случайно обнаружил свою находку и никому не сообщил из сотрудников таможни, хотя имел реальную возможность обнародовать этот факт. Тагилстроевский районный суд Нижнего Тагила Свердловской области, обратив внимание на положительные характеристики подсудимого, назначил наказание в виде лишения свободы сроком на пять лет¹.

Типичная, наиболее разработанная в практике и довольно несложная тактическая операция изобличения вымогательства взятки по добровольному заявлению лица, ее дающего, строится по следующей схеме: лицо, у которого таможенник вымогает взятку, обращается в органы милиции, где после оформления заявления, производится активирование предмета взятки, то есть составляется протокол, в котором в присутствии понятых описываются, как правило, денежные купюры, с указанием об их пометке и (или) с фиксацией купюр. Затем в назначенное для передачи взятки время, лицо ее дающее, направляется под скрытым наблюдением к месту запланированной передачи взятки и передает ее должностному лицу, после чего осуществляется задержание взяткополучателя с поличным, его личный обыск и изъятие предмета взятки; осмотр предмета взятки для установления на нем заранее образованных или зафиксированных признаков. В наиболее эффективных тактических операциях осуществляется аудио-контроль действий лиц дающих и получающих взятку, часто производится скрытая видеосъемка момента передачи взятки и т.п.²

Так, реализуя свой корыстный умысел на получение взятки, старший инспектор таможни К., сокрыл обнаруженное таможенное правонарушение, поставил на талон пресечения границы оттиск закреплённой за ним печати № 021, чем обеспечил возможность гражданину Литовской Республики И. беспрепятственно переместить через таможенную границу РФ недостоверно задекларированную валюту, получив при этом за свои незаконные действия взятку. Гражданин И. обратился с заявлением в УОП при УВД Калининградской области

¹ Уголовное дело № I-167 // Архив Тагилстроевского районного суда города Нижнего Тагила Свердловской области, 1996 г.

² Гармаев Ю. П. Должностные преступления в таможенных органах. – М., 2002. – С. 136.

о вымогательстве у него сотрудником таможни К. денежных средств. Сотрудники УОП, приняв заявление, приступили к разработанной ими оперативно-розыскной операции. Все денежные средства, вымогаемые инспектором таможни К., были переписаны и помечены порошком «люминор», на них была выполнена запись «Взятка», в дальнейшем они были переданы гражданину И., вместе с магнитофоном. Реализуя свой корыстный умысел К., вновь потребовал от гражданина И. определенную денежную сумму, тот согласился и передал деньги в соответствии с указаниями сотрудников милиции. После выхода из бокса Мамоновской таможни К. был задержан. В ходе личного обыска у него были обнаружены и изъяты денежные средства, личная печать за № 021 и др. вещи. О происхождении у него валюты К. пояснил, что данные купюры ему передала мать, однако при сопоставлении номеров на изъятых купюрах с номерами протоколом выдачи денег И., номера купюр совпали. Описанное следственное действие фиксировалось видеозаписью. При помощи технических средств на купюрах были обнаружены записи, выполненные специальным красителем «Взятка», и на кистях рук задержанного было выявлено специфическое свечение, что подтверждало факт нахождения их в руках у инспектора. Также после прослушивания фонограммы, записанной на микрокассете, приложенной в качестве вещественного доказательства к уголовному делу, гражданин И. сообщил, что узнает свой голос и голос К., при этом установлено, что инициатива в передаче взятки исходила от инспектора таможни.

Исследовав и оценив доказательства по делу, судебная коллегия нашла доказанной вину К. в злоупотреблении должностными полномочиями и неоднократном получении взятки. На основании изложенного, судебная коллегия по уголовным делам Калининградского областного суда приговорила старшего инспектора К. к шести годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима¹.

Таким образом, данные примеры наглядно демонстрируют эффективность применения ОРМ при расследовании взяточничества, совершенного должностными лицами таможенных органов. При этом выбор оперативных мероприятий, используемых при изобличении во взяточничестве, зависит от конкретных обстоятельств преступления и лиц участвующих в нем.

¹ Уголовное дело № 2-45 // Архив Калининградского областного суда, 1997.

Г. Н. Шергин

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЫСЛЕННОГО ОБРАЗА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Как известно, криминалистика тесно связана с уголовным судопроизводством и ее рекомендации в соответствии с основной ее задачей направлены на возможность преобразования результатов поисково-познавательной деятельности лица, производящего расследование, в доказательства, предусмотренные УПК РФ.¹ В этой связи особо высокой степенью значимости для практики уголовно-процессуального познания и доказывания обладают результаты идентификационных исследований². «В структуре многолетних научных исследований место явного фаворита занимает судебно-экспертная идентификация по материально фиксированным отображениям. Проблеме же идентификации по мысленным образам отведено место явного аутсайдера»³. В современной криминалистике недостаточно полно, на наш взгляд, уделяется внимание разрешению следующих вопросов: точного закрепления мысленного образа при его фиксации; уменьшению использования мысленного образа в судебном производстве при наличии уже закреплённого мысленного образа в письменных доказательствах; увеличение возможности выявления фактов заблуждения при даче показаний; точности перевода мысленного образа на материальные объекты-отображения и передачи полного мысленного образа⁴; созданию условий для восстановления мысленного образа; установлению и воспроизведению условий восприятия мысленного образа.

Фиксация мысленного образа предполагает понимание субъектом данного действия определения мысленного образа. Р. С. Немов кратко определяет образ в виде «итога, результата восприятия, включающего комплекс различных взаимосвязанных ощущений, приписываемых человеческим сознанием предметам, явлениям, процес-

¹ Криминалистика: учебник / Под ред. д.ю.н. Н. П. Яблокова. – М., 2001. – С.3.

² Степаненко Д. А. Проблемы теории и практики криминалистической идентификации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Иркутск, 2006. – С. 3.

³ Степаненко Д. А. Указ. раб. – С. 22.

⁴ Хазиев Ш. Н. Арт-криминалистика: суть и потенциал // Адвокат. – 2005. – № 5. – С. 88–94.

сам»¹. При этом автор указывает, что в отличие от ощущений, которые не воспринимаются как свойства предметов, конкретных явлений или процессов, происходящих вне и независимо от нас, восприятие всегда выступает как субъективно соотносимое с оформленной в виде предметов, вне нас существующей действительностью, причем даже в том случае, когда мы имеем дело с иллюзиями или когда воспринимаемое свойство сравнительно элементарно, вызывает простое ощущение (в данном случае это ощущения обязательно относятся к каким-либо явлениям или объектам, ассоциируется с ними)².

Д. А. Степаненко приводит свое определение мысленного образа и указывает, что субъективное отображение в памяти одного человека (наблюдателя) внешнего облика другого человека — это и есть мысленный образ, и создаваемое на его основе словесное (вербальное) описание служит одной из форм его изображения³. Аналогичные определения даны в отношении предметов, явлений.

С учетом позиции указанных авторов, полагаем, что мысленный образ можно представить в виде визуального образа происшедшего прошлого, либо ассоциации образов, не связанной с реальностью при заблуждении и образуемой посредством работы воображения.

В. Я. Колдин указывает на то, что процесс идентификации подразделяется на идентификацию по материально-фиксированным отображениям и по чувственно-конкретным представлениям в памяти человека⁴. Вместе с тем чувственно-эмоциональная сфера человека, на наш взгляд, не создает образы (образ возникает при осмыслении), а создает чувственно-эмоциональный отпечаток в памяти, которые при воспоминании можно пережить еще раз, но именно пережить чувственно или эмоционально. Сюда можно отнести, например, обонятельные ощущения и воспоминания особенностей голосового аппарата говорившего. Предполагаем, что именно в этой связи и была

¹ Немов Р. С. Психология: Учебник: в 3 кн. – 3-е изд. – М., 1991. – Кн. 1. Общие основы психологии. – С. 181.

² Немов Р. С. Указ. раб. – С. 181.

³ Степаненко Д. А. Криминалистическая идентификация. Понятие, принципы, технологии: монография. – Иркутск, 2005. – С. 63.

⁴ Колдин В. Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. – М., 1957.

переименована последняя ветвь идентификации в ветвь идентификации по мысленным образам¹.

Таким образом, считаем, что при фиксации мысленного образа следует по возможности избегать фиксации результатов эмоционального восприятия или описания мысленного образа фразами эмоциональной окраски.

Проблема уменьшения использования мысленного образа в судебном производстве связана, прежде всего, с возможностью изменения показаний свидетеля под давлением при воспроизведении мысленного образа. «Вместе с тем наличие давления на свидетеля никогда не освобождало его от обязанности давать свидетельские показания. Привлечение его к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний по закону должно наступать независимо от мотивации противоправного поведения. Боязнь мести со стороны обвиняемого, по мнению комментаторов Уголовного кодекса Российской Федерации, всего лишь мотив для преступления против правосудия (дачи заведомо ложных показаний и отказа от свидетельствования) — не более»². В этой связи мы полагаем, что при наличии возможности доставить свидетеля использование мысленного образа в судебном производстве следует исключить в случаях, когда нет сомнений в виновности подсудимого и свидетель при его вызове в судебное заседание, тем не менее не явился. При данных обстоятельствах без ущерба качественной составляющей рассмотрения дела сокращается время судебного производства.

Таким образом, полагаем, будет соблюден и принцип непосредственности и устности судебного разбирательства (статья 240 УПК РФ) и реализована возможность оглашения показаний свидетеля (статья 281 УПК РФ). Данная возможность определяется также выполнением следующих условий. При производстве оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий все действующие лица судебного процесса должны быть определены и опрошены. При этом все существенные для дела обстоятельства должны быть зафиксированы

¹ Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. – М., 1999. – С. 187.

² Поляков М. П. Нравственные проблемы обережения свидетеля [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. – 1998. URL: <http://www.unn.ru/rus/books/stat7.htm#link14>.

соответствующими доказательствами. Эти данные обычно содержатся в объяснениях, протоколах допроса, очных ставок, проверках показаний на месте, протоколах следственных экспериментов и т.д.

Существует иное мнение в отношении данного вопроса. О. В. Уренева указывает, что «нередко в практике рассмотрения уголовных дел встречаются случаи, когда лица, допрашиваемые в суде, изменяют свои показания относительно данных ими в ходе предварительного следствия и даже относительно данных ими в предыдущих судебных заседаниях, при этом они иногда приводят такие доводы в обоснование изменений своих показаний, что суд обязан принять их во внимание и признать их достоверными. А при оглашении показаний лица в судебном заседании, особенно того, которое отсутствует в судебном заседании, ссылка на эти показания как на доказательство при вынесении приговора фактически создает возможность осуждения лица на основании непроверенных доказательств и, по сути, в какой-то степени на основе домыслов и предположений, что противоречит ч. 4 ст. 14 УПК РФ»¹.

При этом, на наш взгляд, в связи со стремлением защитить права обвиняемого не уделяется достаточное внимание защите прав потерпевших и свидетелей.

Вместе с тем, в целях защиты прав указанных лиц, ряд авторов предлагает следующее. Например, А. Абабков предлагает предусмотреть особый порядок их допроса, а также возможность в исключительных случаях освобождать потерпевшего от дачи показаний в суде по отдельным категориям дел (например, по делам о половых преступлениях и делам, связанным с организованной преступностью)².

В. Ф. Крюков указывает на то, что в протоколах следственных действий содержатся все сведения о свидетелях и потерпевших, что дает реальную возможность заинтересованным лицам установить контакты с ними и воздействовать на них. В. Ф. Крюков предлагает оформлять сведения о допрашиваемых лицах отдельным протоколом,

¹ Уренева О. В. Принцип состязательности сторон и оглашение в судебном заседании показаний лиц, данных при производстве предварительного расследования или ранее данных в судебном заседании // Российский судья. – 2003. – № 3.

² Абабков А. Защитить права потерпевшего // Российская юстиция. – 1997. – № 3. – С. 16.

предназначенным для суда, а в протоколе следственных действий указывать лишь фамилию, имя и отчество допрашиваемого¹.

Л. Брусницин предлагает более активное использование процессуальных норм, предусматривающих предупреждение участников следственных действий и лиц, присутствующих при их производстве, о недопустимости разглашения без разрешения следователя данных предварительного расследования, в том числе предупреждение о неразглашении данных о личности защищаемых субъектов².

Все эти меры, на наш взгляд, обусловлены отсутствием в РФ условий для полноценной защиты свидетелей и потерпевших³.

Таким образом, с этой точки зрения нерационально использовать данных лиц в судебном процессе при вышеуказанных условиях. В этой связи нецелесообразно прибегать к допросам участвующих в деле лиц в суде, если это не вызывается необходимостью при изменении показаний, неясности показаний данных ранее, возникновении сомнений в виновности обвиняемого и в достоверности установленных данных⁴. При таких обстоятельствах выразим мнение о том, что при повышении качества предварительного расследования, организации совместной работы оперативников и следствия в части фиксации важного с криминалистической точки зрения мысленного образа у судов не возникнет необходимости передопрашивать участвующих в деле лиц. Считаем, что в данном случае решается также вопрос о воспроизведении в памяти событий давно прошедшего времени⁵.

Также актуальна проблема выявления ложного мысленного образа относительно происшедшего события и результатов фиксации образа. Это связано, в частности, с механизмом функционирования человеческой памяти. В памяти постепенно могут накапливаться

¹ Права человека в условиях становления гражданского общества. Международная научно-практическая конференция: тезисы докладов // Государство и право. – 1997. – № 10. – С. 4.

² Брусницин Л. Как обезопасить лиц, содействующих уголовному правосудию // Российская юстиция. – 1996. – № 9. – С. 48.

³ Тумакова И. Защита свидетелей — дело рук самих свидетелей: [юрид-портал]. URL: http://www.zonazakona.ru/law/docs_ur/961.

⁴ Осипов же решает этот вопрос с точностью до наоборот. См.: Осипов С. Предписания ч. 3 ст. 281 УПК РФ и психолингвистический аспект достоверности показаний потерпевшего и свидетеля // Российская юстиция. – 2004. – № 6. – С. 35–36.

⁵ Криминалистика: учебник / Под ред. Е. П. Ищенко. – М., 2000. – С. 379.

ошибки и искажения. Более того, хорошо известно, что некоторые наши воспоминания являются ложными — это память о том, чего никогда не было (мы можем, например, вообразить себе что-то или увидеть во сне, а потом искренне считать это реальным событием своей жизни). Феномен ложных воспоминаний сегодня весьма активно изучается психологами. Отличить подлинное воспоминание от ложного «изнутри», то есть только путем анализа самого воспоминания — без привлечения внешних свидетельств, — на сегодняшний день технически невозможно, а скорее всего это невозможно и в принципе¹. В этой связи совпадение результатов фиксации образа, условий прошедшего события и собственно образа в контексте дачи показаний происходит при правдивом изложении правильно сформированного мысленного образа, что позволяет с большой вероятностью произвести на основе фиксированных данных этого образа такие следственные действия, как опознание, проверка показаний на месте, следственный эксперимент, различного рода экспертизы.

Формирование ложного образа характерно тем, что происходит либо в неправильных условиях восприятия, т.е. субъект воспринимает объект восприятия искаженно, либо субъектом формируется образ сознательно неправильный, например, посредством самоубеждения. Также возможны ситуации, когда человек убеждает себя сознательно посредством самовнушения в наличии определенных условий имевшей место ситуации, которые в реальности не существовали.

В качестве примера можно привести случай из практики психолога. «На приём к врачу пришла подавленная и расстроенная женщина и сказала, что муж обозвал её толстой свиньёй. В процессе психологического анализа было выяснено, что муж этих слов не произносил вовсе. Было обнаружено, что «тон её мужа (когда он рассердился) в точности напомнил ей тон её отца в гневе. Она также вспомнила, что он (отец) действительно называл её мать «толстой свиньёй» и говорил, что она будет точно такой же, как мать. Таким образом, когда она услышала интонацию своего мужа, она оторвалась от согласованной реальности и углубилась в свою внутреннюю реальность, за-

¹ Steven M. Smith Forgetting and Recovering the Unforgettable [Электронный ресурс] // Psychological Science. – 2008. – № 5. – V. 19. – P. 462–468. URL: <http://elementy.ru/news/430731> (дата обращения 18.04.2009).

полнив её словами из прошлого, и прореагировала на эти слова так, как будто они были произнесены, и расстроилась»¹.

Следовательно, если ложный образ сформирован под влиянием обстоятельств, аналогичных вышеописанным, то распознать его характер окажется достаточно трудным делом. В этом случае при расследовании преступлений может помочь сопоставление проверяемого образа со свидетельскими показаниями, вещественными доказательствами², в том числе и путем производства процессуального следственного действия, направленного на установление факта наличия или отсутствия тождества объекта текущего восприятия по результатам сравнения признаков его образа с признаками ранее воспринятого субъектом идентификации объекта, при обстоятельствах, представляющих интерес для уголовного судопроизводства³.

При фиксации мысленного образа становится актуальным вопрос перевода мысленного образа на материальные объекты-отображения и наиболее полной передачи всех черт мысленного образа, так как материальная форма отображения позволяет представить другим субъектам доказывания мысленный образ, хранимый в памяти. Перевод на материальные объекты-отображения тем лучше, чем детальнее и целостнее, однако в случаях неполного формирования мысленного образа практичнее всего выделить только существенные черты. В современной практике применяются следующие наиболее часто используемые способы перевода и детализации мысленного образа; реконструкция, словесный портрет⁴, криминалистические учеты, фотороботы, схемы к протоколам осмотра места происшествия.

¹ Стивен Хеллер. Монстры и волшебные палочки. Такой вещи как гипноз не существует? [федеральный правовой портал] // Пер. с английского. – Киев., 1995. – С. 36. URL: http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1209084&subID=100082862,100082865,100082876#_ftn44 (дата обращения 18.04.2009).

² Быков В. М., Печников Г. А. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 48–53.

³ Образцов В. А., Д. А. Степаненко Криминалистическая идентификация: модель уточненной парадигмы // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2006. – № 2. – С. 13.

⁴ Фролкин Н. П. Возможности повышения эффективности предъявления для опознания, а также в целом предварительного расследования преступлений с помощью субъективных портретов [электронный ресурс] // Право в Вооруженных Силах. – 2005. - № 5.

Опознавание лица по фотографии в качестве следственного действия связано с переводом мысленного образа только в случае сукцессивного узнавания, при симультанном узнавании такой перевод пропускается, так как опознающий мгновенно узнает отраженное на фотографии лицо. При выполнении перевода мысленного образа сроки и качество этого перевода играют значительную роль, так как оригинал-объект мысленного образа изменяется во времени и может подвергнуться таким изменениям, что имеющийся его образ уже утратит свое доказательственное значение. То есть такой объект нельзя будет опознать на основании сформировавшегося ранее образа.

Нередко возникает проблема восстановления мысленного образа. Данное восстановление необходимо, когда соответствующий образ не зафиксирован детально, либо вообще не зафиксирован¹. Восстановление мысленного образа производится теми же способами, что и перевод, а также опросами. В практике судебного рассмотрения дел встречаются случаи, когда дела рассматриваются по прошествии длительного времени после происшедших событий. В этом случае опрашиваемый в суде человек может и не вспомнить подробности первоначально сформированного мысленного образа. Следовательно, восстановление мысленного образа лучше всего начинать с оглашения прошлых показаний лица при их наличии, таким образом, опрашиваемый вспомнит события в относительно своем изложении, что освежит его память. Если предыдущие показания отсутствуют, можно рекомендовать для опрашиваемого указать на сложившиеся трудности в понимании рассматриваемой ситуации и высказать ожидания от его показаний, т.е. попросить изложить собственно то, что он может прояснить. При возникновении реминесценции, то есть воспоминания деталей воспринятого по прошествии некоторого времени, полезным является повторный допрос лица. Кроме того, в восстановлении мысленного образа конкретной ситуации может помочь, непосредственно не относящееся к ней событие, запомненное опрашиваемым довольно четко. Например, он присутствовал в это время на чьем-то дне рождения, либо выиграл соревнования и его за это наградили. При наличии таковых событий и сложности в восстановле-

¹ Criminal Psychology A MANUAL FOR JUDGES, PRACTITIONERS, AND STUDENTS BY HANS GROSS, J.U.D. BY HANS GROSS, J.U.D. Professor of Criminal Law at the University of Graz, Austria [электронный ресурс]. URL: <http://etext.lib.virginia.edu/toc/modeng/public/GroCrim.html>.

нии интересующего мысленного образа, опрос по указанным событиям для опрашиваемого явится возможностью вспомнить иные обстоятельства дела. «Помощь оказывают ассоциации, вызываемые искусственно у свидетеля при рассмотрении обстоятельств смежных с обстоятельствами дела, например, продажа изготовленной продукции без необходимых документов. Одно, удерживаемое в памяти, обстоятельство дает по ассоциации толчок к восстановлению другого. Ассоциации могут возникать по смежности времени, пространства, причинной связи и т.д.»¹. Например, голос человека напоминает его лицо, представление дома напоминает детали двора.

Большое значение имеет установление условий восприятия мысленного образа, которые позволят разрешить сомнения в достоверности показаний допрашиваемого лица. При этом необходимо не только установить условия восприятия объекта и формирования мысленного образа, но и зафиксировать их при производстве следственных действий (допроса, проверки показаний на месте, следственного эксперимента).

При фиксации показаний допрашиваемого лица следует учитывать «объективные условия, в которых воспринимался объект. Как изменяются возможности восприятия в зависимости от его длительности, положения наблюдателя, расстояния до объекта, его освещенности, какое влияние оказывают атмосферные явления — все это должно быть учтено при оценке результатов последующего опознания. Не последнюю роль здесь играют и субъективные факторы, физическое и психическое состояние воспринимающего, его переживания и отношение к объекту восприятия, направленность восприятия и т.д.»².

Показания допрашиваемых лиц всегда нужно оценивать вкупе с показаниями иных участвующих в деле лиц и результатами проведенных исследований³. Если сопоставление разных источников информации не выявляет противоречий, каждый из источников можно рассматривать в качестве доказательства. Иногда необходимо опи-

¹ Скрябикова Т. С. Тактика допроса при расследовании налоговых преступлений // Сибирский юридический вестник. — 2000. — № 2.

² Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. — Москва, 1967. — С. 259-260.

³ Чернов Р. П. Свидетельские показания как источник доказательств // Адвокат. — 2005. — № 5. — С. 95-105.

санные условия не только установить и зафиксировать, но и воспроизвести, что имеет место при производстве следственного эксперимента и проверки показаний на месте. Помимо собственного доказательного эффекта эти следственные действия дадут возможность осознать их действующим лицам правильность данных ими показаний и сформированных у них мысленных образов.

Принимая во внимание изложенное, считаем, что детальная проработка указанных выше вопросов позволит более полно реализовать в уголовном судопроизводстве принципы уголовного процесса и получать больший объем доказательственной информации.

А. Е. Ждановских

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В криминалистике под процессом выявления преступления следственными и оперативно-розыскными органами понимается их деятельность по получению сведений (фактических данных), совокупность которых дает основание для возбуждения уголовного дела»¹, «действия, которые предпринимаются в целях обнаружения фактов, свидетельствующих о совершении аферы, злоупотреблений или других неблагоприятных деяний»², а так же «система оперативно-розыскных действий и мероприятий, направленных на то, чтобы получить информацию об определенных признаках преступления»³, «сбор и последующая фиксация информации, представляющей оперативный интерес в отношении обнаружения признаков хищений, лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших указанные

¹ Ларичев В. Д., Спириг Г. М. Коммерческое мошенничество в России. Способы совершения. Методы защиты. – М., 2001. – С. 222.

² Голубовский В. Ю. Егоршин В. М., Сурков К. В., Овчинников Г. А., Никодимов И. Ю. Выявление и раскрытие мошенничества. – СПб., 2000. – С. 28.

³ Малышкин Л. В., Повольный Н. А. Деятельность по выявлению мошенничества на рынке ценных бумаг // Следователь. – 2001. – № 5. – С. 30.

преступления, установления следов хищений и обнаружения будущих источников доказательств»¹.

Чтобы выявить именно факт мошенничества в сфере земельных правоотношений, необходимо установить признаки субъективной стороны преступления. Только познав умысел, его направленность можно правильно разграничить при исследовании гражданско-правовой деликт и экономическое преступление. Следовательно, при выявлении мошенничества в сфере земельных правоотношений важно установить не только признаки объекта, объективной стороны, но и признаки субъективной стороны подобного мошенничества.

Проверку сообщений о земельном мошенничестве необходимо проводить до возбуждения уголовного дела всегда, поскольку даже при наличии в них некоторой информации о преступлении однозначно сразу решить вопрос о наличии или отсутствии в действиях лиц его признаков не всегда возможно.

Данные изучения следственной практики показывают, что при выявлении мошенничества у практических работников возникают сложности, вызванные, прежде всего, несвоевременной подачей заявлений физическими лицами или фирмами, против которых совершены мошеннические действия, из-за того, что они узнают о совершенном в отношении них преступлении спустя продолжительное время. После этого они обычно начинают принимать самостоятельные меры по розыску мошенников и лишь тогда, когда убеждаются, что желаемого результата не достигли, обращаются за помощью в правоохранительные органы. За это время преступники успевают уничтожить доказательства. Создает определенные трудности и отсутствие в первичной информации достоверных данных об участниках преступления. Во многих случаях потерпевшие не только не могут словесно описать преступников, с которыми они контактировали при заключении деловых соглашений, но и порой не имеют должных данных о документах партнеров, удостоверяющих их личность.

Деятельность субъекта доказывания и оперативно-розыскных работников по организации раскрытия и расследования мошенничества определяется способом выявления признаков данного преступления. Относительно мошенничества в сфере земельных правоотно-

¹ Фирсов В. В. Оперативно-розыскное предупреждение и оперативно-розыскное сопровождение расследования хищений в кредитно-банковской сфере: Дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000. – С. 75.

шении можно назвать два способа: а) оперативно-розыскными органами в процессе оперативно-розыскной деятельности; б) органами расследования непосредственно из поступивших заявлений граждан либо в процессе их проверки.

При выявлении мошенничества в сфере земельных отношений в основном применяются следующие оперативно-розыскные мероприятия: опрос, наведение справок, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений. При проведении указанных мероприятий, как показывает практика, необходимо приложить все силы к тому, чтобы, с одной стороны, собрать максимальное количество информации о исследуемом событии (сведений, касающихся признаков объекта, объективной и субъективной стороны преступления), а с другой — не потревожить, не насторожить раньше времени проверяемое лицо, в отношении которого имеется информация о его причастности к совершению деяния с признаками мошенничества. Это необходимо для предупреждения совершения данным лицом действий по противодействию выявлению и, в последующем, расследованию выявленного мошенничества.

При получении в ходе вышеуказанных оперативно-розыскных мероприятий данных, свидетельствующих о том, что исследуемое деяние представляет собой мошенничество в сфере земельных правоотношений и о причастности к его совершению проверяемого лица, целесообразно проведение обследования помещений (жилых и нежилых), используемых данным лицом для проживания, а также принадлежащих ему транспортных средств с целью поиска уличающих его документов.

При поступлении в органы внутренних дел заявления о совершении преступления инициатива в его рассмотрении, принятии решения возбуждении должна исходить от начальника данного органа. Ему необходимо оперативно организовать выезд на место происшествия дежурной следственно-оперативной группы.

Однако, это общее требование мало подходит к действиям по заявлению гражданина о совершенном мошенничестве. На практике редко встречаются уголовные дела по факту мошенничества, в которых проводился осмотр места происшествия. Как правило, заявления в органы внутренних дел поступают, когда преступление уже совершено, преступник похитил собственность у потерпевшего и скрылся,

а сам потерпевший со временем осознал, что его обманули или злоупотребили его доверием. Именно в этих обстоятельствах заключается трудность раскрытия мошенничества по заявлениям граждан.

Большинство уголовных дел о мошенничестве в сфере земельных отношений было возбуждено после поступивших заявлений и сообщений о совершенном преступлении. О готовящемся преступлении или о лицах, совершивших такие преступления, оперативно-розыскных данных не поступало.

Своеобразной особенностью мошенничества в земельных отношениях является то, что потерпевшие зачастую обнаруживают их не сразу, а спустя какое-то, порой длительное время, а потому к их раскрытию сотрудники уголовного розыска, БЭП и следователи не могут приступить тотчас или через непродолжительное время после их совершения, кроме того, зачастую потерпевшие, как говорилось ранее, сами не заинтересованы в том, чтобы по фактам мошенничества проводилась проверка и соответственно и расследование.

По нашему мнению, оперативно-поисковые группы должны высылаться в места возможного появления мошенников в обязательном порядке когда:

- есть основания полагать, что мошенники являются гастролерами и могут скрыться;
- собраны сведения о признаках внешности мошенников или приметах вещей, приобретенным преступным путем;
- имеются основания считать, что преступники появятся в определенных местах;
- можно предполагать, что приобретенные преступным путем вещи мошенники сдадут на временное хранение или продадут в определенных местах.

На раскрытие мошенничества вообще и на мошенничество в сфере земельных отношений в частности, оказывает временной разрыв между совершением преступления и моментом его обнаружения. Этот фактор значительно затрудняет установление преступника и других обстоятельств совершенного им преступления.

Путем анализа диспозиции ст. 159 УК России и понятия хищения применительно к мошенничеству в сфере земельных отношений можно сделать вывод, что материалы проверки сообщения о мошенничестве должны содержать следующие сведения:

1) имущество или право на имущество должно быть чужим, т.е. относительно их у субъекта не было никаких законных правомочий;

2) такое изъятие совершено с корыстной целью: получения материальной выгоды для виновного или других лиц или избавления от материальных затрат;

3) изъятие должно быть безвозмездным без соответствующего возмещения;

4) денежные средства, земельные участки обращены в пользу преступника или иных лиц;

5) ущерб причинен собственнику или иному владельцу имущества;

6) характер и размер ущерба (его исчисление в денежном эквиваленте);

7) преступление совершено путем обмана или злоупотребления доверием.

Установление в совокупности этих признаков и указывает на достаточность данных для возбуждения уголовного дела.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Н.С. Железняк

К ВОПРОСУ О НАРУШЕНИИ ЗАКОНА В ПРОЦЕССЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

В последнее время существенно и одновременно¹ активизировалась деятельность прокуроров районов Красноярского края и прокуратуры Красноярского края по реализации функции прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, относящимися к органам внутренних дел Красноярского края.

По результатам проведенных проверок в девяти органах внутренних дел руководству ГУВД по Красноярскому краю направлены протесты и представления об устранении нарушений Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД).

Изучение содержания указанных документов дает основание сделать вывод о наличии в оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) отмеченных выше субъектов определенных недочетов в основном организационного и тактического характера.

Вместе с тем анализ перечисленных в данных документах надзорных позиций приводит к заключению о выходе надзирающих прокуроров за предмет рассматриваемого вида прокурорского надзора.

Аргументами к такому заключению являются следующие положения Федерального закона РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ о прокуратуре):

1. Согласно ч. 2 ст. 1 ФЗ о прокуратуре она осуществляет надзор **«за исполнением законов** органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие».

Словосочетание «исполнение законов» свидетельствует, что надзорная деятельность прокуратуры должна ограничиваться именно

¹ Это с очевидностью свидетельствует об искусственном наращивании прокуратурой показателей выявления «нарушений закона» со стороны сотрудников органов внутренних дел.

сферой исполнения законов, а не любых нормативных правовых актов (в том числе принятых Генеральной прокуратурой России или МВД России).

Однако подавляющая часть описанных фактов и предъявленных требований направлена *на устранение нарушений подзаконного акта* МВД России либо вообще *собственное видение прокурором организации и тактики ОРД* по конкретным делам оперативного учета.

Что касается высказанных в актах прокурорского реагирования замечаний в части проверки «законности, обоснованности и соблюдения установленного порядка заведения и прекращения дел оперативного учета и иных оперативно-служебных материалов, сроков и порядка их ведения», то в ч. 5 ст. 10 ФЗ об ОРД отмечается, что «перечень дел оперативного учета и *порядок их ведения определяются нормативными актами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность*». Этот порядок включает в себя определенные процедуры заведения и прекращения названных дел, установление сроков их ведения и т.д. Очевидно, что если порядок определяется нормативными правовыми актами соответствующих органов, то и его соблюдение также должно контролироваться этими органами. Такой вывод вытекает из положения ч. 1 ст. 21 ФЗ о прокуратуре, согласно которому предметом надзора являются соблюдение Конституции РФ и исполнение законов, а также соответствие им издаваемых правовых актов. Из этого следует, что «прокурор может проявлять свои надзорные полномочия только в правовом пространстве, определенном законами, а не ведомственными нормативными правовыми актами. Поэтому надзор за исполнением предписаний подзаконных актов... на прокурора не возложен¹. Это сфера ведомственного контроля»². Более того, в ч. 2 ст. 21 ФЗ о прокуратуре прямо определено: «При осуществлении надзора за исполнением законов *органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы*».

¹ Этот аргумент уже высказывался некоторыми учеными – специалистами в области оперативно-розыскной деятельности. См. подр.: Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. К вопросу о нормативном правовом регулировании прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Оперативник (сыщик). – 2008. – № 2 (15). – С. 19-22.

² Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / вступ. ст. В.Д. Зорькина. – М., 2006. – С. 336.

Контроль организации и тактики ОРД также является прерогативой вышестоящих органов, осуществляющих ОРД, а в некоторых случаях – иных государственных органов, но никоим образом не может быть предметом прокурорского надзора.

2. В соответствии с ч. 2 ст. 3 ФЗ о прокуратуре «на прокуратуру Российской Федерации **не может быть возложено выполнение функций, не предусмотренных федеральными законами**».

В ч. 2 ст. 1 ФЗ о прокуратуре представлена одна такая функция, относящаяся к рассматриваемым ситуациям: «надзор за *исполнением законов* органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность».

Вместе с тем в указанных документах прокурорского реагирования в основном приводятся оценки уровня соблюдения *ведомственного нормативного правового акта*, что, как уже отмечалось выше, выходит за рамки формулировки рассматриваемой функции.

3. В соответствии со ст. 3 ФЗ о прокуратуре «**организация и порядок деятельности** прокуратуры Российской Федерации и **полномочия прокуроров** определяются Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами, международными договорами Российской Федерации».

Данное положение свидетельствует, что никакие иные акты (в том числе и ведомственного характера) не могут регламентировать полномочия прокуроров, в том числе по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД.

Однако прокуратурой в надзорной деятельности активно используются нормы ведомственного нормативного правового акта – приказа Генерального прокурора от 21 декабря 2007 г. № 207 «Об организации прокурорского надзора за исполнением Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"».

4. Согласно ч. 2 ст. 21 ФЗ о прокуратуре «**проверки исполнения законов проводятся на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов**, требующих принятия мер прокурором».

В связи с этим возникает два вывода:

– большая часть выявленных прокуратурой спорных позиций относится не к фактам нарушения законов, а случаям недостаточно четкого исполнения норм ведомственных правовых актов или даже вопросам определения организации и тактики ОРД;

– ни в одном из актов прокурорского реагирования не указаны основания для проведения проверки (поступившая информация), что противоречит сути указанной выше нормы закона.

5. В соответствии с ч. 1 ст. 23 ФЗ о прокуратуре **«прокурор или его заместитель приносит протест на противоречащий закону правовой акт».**

Однако в указанных выше протестах в основном отражены недочеты, касающиеся некоторых действий сотрудников оперативных подразделений и оформления отдельных документов, содержащихся в делах оперативного учета.

Лишь в ряде случаев на основе отмеченных недостатков делаются выводы о незаконности правоприменительного акта руководителя органа, осуществляющего ОРД, о заведении (продлении) или прекращении дела оперативного учета, что опять же, как отмечалось выше, не является сферой надзорной деятельности прокуратуры. Можно было бы предположить, что надзирающие структуры в этих случаях заботятся о соблюдении в рамках ОРД прав граждан, однако согласно ч. 3 ст. 10 ФЗ об ОРД **«факт заведения дела оперативного учета не является основанием для ограничения конституционных прав и свобод, а также законных интересов человека и гражданина».**

6. В соответствии со ст. 29 «Предмет надзора» главы 3 «Надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие» ФЗ о прокуратуре применительно к ОРД **«предметом надзора является в том числе «соблюдение установленного... порядка выполнения оперативно-розыскных мероприятий...», а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность».**

Анализ отмеченной фразы и нормативных правовых актов в области ОРД приводит к следующим выводам:

– процедуры выполнения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) не регламентированы в ФЗ об ОРД и только частично упомянуты в ведомственных нормативных правовых актах, что не позволяет оценить их соответствие «установленному порядку»;

– значительная доля отмеченных в представлениях и протестах недочетов связана с определением мер в области организации и тактики проведения ОРМ, выходящих за предмет прокурорского надзора;

– подавляющая часть решений органами, осуществляющими ОРД, принимается в соответствии не с законодательными положениями (поскольку они отсутствуют), а с нормами ведомственных нормативных правовых актов органов, осуществляющих ОРД, что не позволяет вести речь о соответствии этих решений законодательству.

7. В соответствии с ч. 1 ст. 30 ФЗ о прокуратуре «полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, ... устанавливаются другими федеральными законами».

Данная бланкетная норма:

– позволяет судить об отсутствии в ФЗ о прокуратуре регламентации полномочий прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД;

– отсылает правоприменителя к ФЗ об ОРД, где в ст. 21 отсутствует перечень таких полномочий, а лишь отмечается, какие документы должны быть представлены прокурору при осуществлении им надзорной деятельности;

– не позволяет относить перечисленные в приказе Генерального прокурора от 21 декабря 2007 г. № 207 «Об организации прокурорского надзора за исполнением федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» полномочия к легитимным.

Таким образом, полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, законодательно не закреплены. Попытка же возместить отсутствие законодательного закрепления полномочий прокурора изданием приказа Генерального прокурора от 21 декабря 2007 г. № 207 «Об организации прокурорского надзора за исполнением федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"», с одной стороны, еще раз свидетельствует, что предметом прокурорского надзора выступает исполнение закона, а не ведомственных правовых актов, с другой – позволяет судить о нелегитимности целого ряда представленных в нем норм (так, п. 5 «в» и «г»; п. 6 «а», «б», «в», «ж»; п. 7; п. 9 «а», «в», «ж» противоречат сущности положений ч. 2 ст. 1, ч. 1 и 2 ст. 3, ч. 2 ст. 21, ст. 29, ч. 1 ст. 30 ФЗ о прокуратуре).

Предложенные в работе аргументы вынуждают констатировать, что налицо системное нарушение законов со стороны тех, кто должен осуществлять надзор за их исполнением. В связи с этим возникает риторический, но имеющий сугубо практическое значение вопрос:

когда уполномоченные государством и неподконтрольные ему¹ субъекты прекратят тратить время на исполнение не свойственных им функций и используют его по прямому назначению?

Для исправления существующего положения, на наш взгляд, необходимо предпринять следующие меры:

– внести изменения в приказ Генерального прокурора от 21 декабря 2007 г. № 207 «Об организации прокурорского надзора за исполнением Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» для приведения его в соответствие с ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»;

– ликвидировать сформулированную в приложении №1 к указанному приказу «палочную» систему оценки результатов прокурорского надзора, напоминающую сегодня существовавшее «в прежней жизни» социалистическое соревнование за звание «коллектив коммунистического труда».

¹ Согласно ч. 1 ст. 42 ФЗ о прокуратуре «любая проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором или следователем, возбуждение против них уголовного дела (за исключением случаев, когда прокурор или следователь застигнут при совершении преступления), производство расследования являются исключительной компетенцией органов прокуратуры».

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

И. В. Смолькова

ВЕЛИКИЕ И ЗНАМЕНИТЫЕ О МЕРАХ ПРЕСЕЧЕНИЯ

В № 1 сборника за 2008 г. была опубликована подборка изречений великих и знаменитых авторов, посвященных предварительному расследованию. В настоящем сборнике в продолжение предыдущей предлагается подборка изречений, посвященных мерам пресечения.

Меры пресечения

Всякий человек свободен, однако общество обладает правом лишать его свободы; свобода перестает быть одним из прав гражданина, если он злоупотребляет ею, используя ее во вред своим согражданам.

Гольбах П. А. Основы всеобщей морали, или катехизис природы / Гольбах, П. А. Избранные произведения: в 2 т. – Т. 2. – М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1963. – С. 38.

Счастливы народы, которые были достаточно мудры, чтобы постановить о том, что каждый обвинитель, заключая обвиняемого в тюрьму, должен сесть в нее сам. Изю всех законов это наиболее справедливый...

...Тюремное заключение является наказанием уже само по себе; оно, следовательно, должно быть соразмерным с величиной преступления, в котором обвиняется заключенный. Следует ли ввергать в одну и ту же темницу злополучного несостоявшегося должника и злодея, сильно подозреваемого в отцеубийстве? ...

...Законное заключение под стражу, хотя и тяжелое, сначала не рассматривается судьями как наказание. В их глазах это лишь обеспечение нахождения подсудимого у них под рукой в то время как они приступят к его допросу и суду над ним. Однако в Англии государственный исполнитель, который, не имея на то оснований и под тем предлогом, что тюрьма – не наказание, сажает в тюрьму только для того, чтобы в случае надобности отыскать его, обязывается законом к

уплате четырех гиней за первый час и двух гиней за каждый последующий час заключения того человека, которого он захотел иметь у себя под рукой. Как бы мало не длилось тюремное заключение, оно является мучением...

...В некоторых государствах способ, который употребляется для взятия человека под стражу, очень похож на нападение разбойников. Разве вы не одобряете счастливый обычай одного народа, который одному только закону придать столь могущественную власть, что одного лишь исполнителя закона, облеченного знаками своей должности, достаточно для того, чтобы подсудимый не осмеливался сопротивляться.

Чем же добились такого соблюдения законов со стороны каждого гражданина? Тем, что их создал народ.

Вольтер Ф. М. Награда за справедливость и гуманность. Ст. XXII. О природе и силе доказательств и презумпций // Вольтер Ф. М. Избранные произведения. — С. 262, 267.

Чем наказание за преступление последует быстрее, чем ближе оно будет ко времени совершения преступления, тем оно будет справедливее и полезнее. Я говорю с п р а в е д л и в е е, по тому что оно сокращает для преступника бесполезные и жестокие мучения неизвестности, возрастающие от силы его воображения и от сознания собственной слабости, справедливее, по тому что лишение свободы, составляя само по себе наказание, не должно длиться перед судебным приговором долее, чем требует необходимость. Заключение в тюрьме... есть, следовательно, простое задержание гражданина ... до того времени, пока он будет признан виновным, и так как это задержание по своей природе есть мера тяжкая, то оно должно быть сколь возможно менее сурово. Наименьшая продолжительность задержания определяется временем, которое необходимо для процесса и очереди: кто прежде задержан, тот имеет право прежде быть судимым. Строгость содержания в тюрьме должна быть только такая, которая необходима для воспрепятствования побегу и сокрытию доказательств преступления. Самый процесс должен быть окончен в возможно кратчайшее время. Может ли быть более ужасный контраст, как беспечность судьи и томление обвиняемого? С одной стороны

удобства жизни и удовольствия бесчувственного чиновника, а с другой – слезы, тоска арестанта? Вообще тяжесть наказания и последствия преступления должны производить наиболее сильное впечатление на других, и как можно менее должны быть тяжелы для того, кто подвергается им, ибо то общество не может называться законным, где не остается неприкосновенным принцип, что люди соединились для того, чтобы подвергаться возможно меньшим бедствиям.

Беккариа Ц. О преступлениях и наказаниях. – Радомь: В Типоли-тогр. И. С. Тржбинского, 1878. – С. 67.

Гражданин, рожденный свободным, внезапно окружен толпою бездельников, подвергается нападению с их стороны, связывается по рукам и ногам и уволаскивается при всеобщем скандале и с самыми отборными оскорблениями в ужасное место, где ютится преступный люд. Почему его арестовали? По приказу магистрата, которому представлено зловещее право заключать в тюрьму граждан по своему желанию и по самому ничтожному поводу. Где же его арестовали? В его доме, в этом священном убежище, которое должны уважать все законы ... Я следую за этим несчастным в его подземную обитель, которую уготовили ему: полицейские, тюремщики, палачи, надзиратели, эти грубые люди, хотя и защищающие общество, имеют ужасный вид... Нисколько не соболезнуя несчастью этого гражданина, они насмеются над ним, оскорбляют его, бесцеремонно обыскивают, отнимают от него все имущество, заковывают в кандалы и, наконец, уводят его в мрачный лабиринт корридоров к его печальному помещению, где тройные замки тюремных запоров ручаются за его свободу. Он входит с сжавшимся от боли сердцем в эту клоаку заразы, где тысяча несчастных передают друг другу медленную отраву, где самые опасные миазмы выделяются и распространяют гнилостные зародыши даже на далекое расстояние. Но вот открывается новая картина: убийца, вор, насилователь, все сдружились друг с другом, потому что они собраны в одном месте, и все они хотят выказать свою деспотическую власть над новичком... Положение вновь пришедшего невыносимо, он молит смерти ... среди заключенных есть много невинных. Невинность живет рядом с преступлением, добродетель смешалась с пороком...

... В каком же непроходимом лесу живет общество, в котором ради общей безопасности столь жестоко оскорбляется свобода отдельного гражданина!

Бриссо де Варвиль. Цит. по: Люблинский, П. И. Свобода личности в уголовном процессе (Меры обеспечения неуклонения обвиняемого от правосудия). – СПб.: Сенат. тип., 1906. – С. 44-45.

Не только простой призыв, или привод наличного подсудимого, но и *заключение* его составляет иногда необходимую предуготовительную меру для будущего следствия. Тягость этой меры для личности каждого, для его фамилии и промысла требует, чтоб к ней прибегали только по поводу особенных причин. К ним должно отнести: 1) опасность побега и укрытия обвиняемого, о чем можно заключать из его личных свойств, поведения и тяжести предстоящего ему наказания; 2) опасность сговора его с участниками, или предпринятия ими средств, которые должны сделать открытие истины безуспешным; 3) опасность, что обвиняемый злоупотребит своею свободою для учинения новых преступлений; 4) как средство для открытия между многими подозреваемыми действительного виновника; 5) тяжесть преступления и следующего за него наказания.

Относительно *свойства заключения* следует заметить: 1) что всякое заключение, ежели оно не соответствует обстоятельствам, несправедливо; поэтому справедливость требует заменять его иногда простым домашним арестом, ежели только он достаточен для достижения цели заключения; 2) заключение должно быть соединяемо с возможною пощадою для заключенного и устранением гласности; 3) с устранением причин, понудивших употребить заключение или с ослаблением их, самое заключение должно быть в первом случае вовсе отменено, а во втором ослаблено или облегчено. – Не смотря однакож на всю необходимость заключения обвиняемого в преступлении, он иногда может быть освобожден от него посредством ... разного рода *обеспечения*, или относительно поставки его на суд ... это обеспечение может состоять или в *поручительстве за него* других, или в *присяге* с его стороны, или в представлении *залога*. *Вообще* эти разные виды обеспечения могут действовать на устранение от обвиняемого

ареста только в случае маловажных *преступлений*. В частности: 1) *обеспечение посредством поручителей* может быть принято только при таких поручителях, измена которым со стороны обвиняемого должна причинить ему более вреда, нежели само следствие и наказание. 2) *Обеспечение посредством присяги* подсудимого может быть принято только тогда, когда добрая молва о нем дает нравственное поручительство в том, что он сдержит свое слово; само собою разумеется, что здесь дело должно идти о каком-либо нетяжком наказании; 3) наконец, *обеспечение посредством залога* может быть допущено только тогда, когда вина может быть уплачена деньгами. – *Отечественные законы*, смотря по важности обвинения, силе улик, званию обвиняемого и большему или меньшему со стороны его намерению учинить побег, предписывают против него следующие меры: 1) *Содержание в тюрьме и при полиции*. Эта мера предписывается против всех тех, которые обвиняются в тяжких преступлениях, в смертоубийстве, разбое, воровстве и т. п., по которым определяется лишение всех прав состояния, или торговая казнь, в особенности, когда подсудимые *осуждены* уже в первой степени суда; также против тех, которые, быв обвиняемы в других, менее важных преступлениях, не могут представить по себе порук. 2) *Домашний арест и полицейский надзор* для обвиняемых в *преступлениях менее важных*, за которые они подлежали бы только тюремному заключению на известное время. Под полицейский надзор отдаются и те, которые запираясь на очной ставке с преступником, в оправдание свое будут ссылаться на повальный обыск; под этим надзором они состоят до учинения обыска. 3) *Отдачу на поруки*. Она допускается только в случае надежного поручительства в том, что подсудимые не скроются и будут являться в суд по востребованию, и по таким преступлениям, по которым не определяется тяжкого наказания...

... Против обвиняемого отсутствующего могут быть предприняты двоякого рода меры, смотря потому, можно ли следить его, и ежели место, куда он скрылся, может быть с вероятностью предполагаемо, или вовсе неизвестно. В *первом* случае средством для получения его может быть: 1) *преследование* его; 2) *сношение* с известными местами и управлениями, в ведомстве которых скрывается обвиняемый; и 3) *выемка и обыск* в домах. Во *втором*, случае должно прибегнуть: 1) к *публичному объявлению* об обвиняемом; 2) *сношению* со всеми други-

ми управлениями; 3) *описи имущества* и 4) *обнадеживанию обвиняемого в случае его добровольной явки.*

Баршев И. Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – СПб.: Тип. Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1841. – С. 92-95.

В вопросах о мерах пресечения наиболее резко обнаруживается несовместимость и противоположность требований, вытекающих из интересов личной свободы, с одной стороны, и обусловливаемых целью уголовного правосудия – раскрыть истину и наложить кару на виновного – с другой.

Пока нет вошедшего в законную силу судебного приговора, виновного еще нет. Есть только предполагаемый виновник, относительно которого или собираются улики и доказательства, или проверяются, или обсуждаются. Его виновность еще компетентной властью не установлена. Есть вероятность, что из предполагаемого виновника – обвиняемого или подсудимого – он обратится в осужденного. Но, возможно, что судебное преследование будет прекращено, или что он выйдет из суда оправданным, что подозрения рассеются и предположения не подтвердятся.

А, между тем, он уже подвергается тому, что, с логической последовательностью, может иметь место лишь после и исключительно на основании судебного приговора – ограничению личной свободы. Лицу создают препятствия для свободного передвижения и перемены места жительства. Его ограничивают в праве распоряжаться имуществом. Его, наконец, подвергают, предварительному заключению, которое, как бы оно не обставлялось, в существе своем совпадает с заключением по приговору суда и в одном, весьма важном, отношении всегда более тягостно, так как назначается не на точно определенный срок.

Интересы уголовного правосудия, однако, настоятельно и неизбежно требуют принятия тех или иных принудительных мер против лица, не только преданного суду или привлеченного к следствию в качестве обвиняемого, но и даже против того, на кого пало одно подозрение в совершении преступного деяния, т.е. в такой момент процесса, когда подозрение еще не облечено в форму судебного акта ...

...для интересов правосудия необходимо, чтобы была обеспечена явка обвиняемого и подсудимого, как для дачи объяснений и участия в судебных действиях, так и для отбытия наказания в случае обвинительного приговора. Они требуют также, чтобы была устранена или, по меньшей мере, ослаблена для совершившего преступление возможность препятствовать органам власти в их действиях, направленных к раскрытию истины.

Таким образом, меры пресечения имеют за собой неустранимую фактическую необходимость, и последовательное проведение принципа ограничения личной свободы только на основании судебного приговора, если не равносильно, то весьма близко с предоставлением на усмотрение самого виновного юридических последствий его деяния. Но фактическая необходимость не есть логическое основание: она может объяснять, оправдывать; обосновать же твердо, незыблемо – она ничего не может.

Отсюда вытекает принципиальное воззрение на меры пресечения, которое должно проходить красной нитью через все законодательственные определения: меры пресечения – неизбежное зло. Зло – потому, что они не имеют на своей стороне юридического основания; неизбежное – потому, что они фактически необходимы. Воззрение это, при отвлеченной постановке вопроса, едва ли может в настоящее время встретить серьезные возражения.

Настолько твердо еще распространен взгляд на высшую меру пресечения – на предварительный арест, как на явление естественное, нормальное.

Предупреждение сокрытия виновного составляет главное фактическое основание меры пресечения.

Это основание бесспорно принимается всеми процессуалистами. Действительно, одно из двух: или отвергать право государства или признавать. И если признавать, то нельзя лишать государственную власть средств противодействовать естественному стремлению совершившего преступление, путем сокрытия своей личности, избавить себя от наказания.

Иногда указывают, что меры пресечения, в частности, заключение под стражу, ограждают общество от новых посягательств совершившего преступное деяние. Едва ли стоит подвергать серьезному разбору этот довод. Между мерами пресечения, принимаемыми для предупреждения уклонения виновного от суда и наказания за данное

деяние, и последующей его преступной деятельностью нет ни одной точки соприкосновения. Как справедливо говорит проф. Фойницкий, «опасность совершения новых преступлений может служить основанием не для применения мер пресечения, а для улучшения предупредительной полицейской деятельности». Еще менее заслуживает внимания то соображение, что оставление на свободе лица, совершившего тяжкое правонарушение, смущает будто бы общественную совесть ...

... в том и состоит особенность мер пресечения, что они с теоретической точки зрения не выдерживают никакой критики и что единственное их оправдание фактическая необходимость...

... Много времени еще пройдет прежде, чем в государствах создадутся такие условия отправления правосудия, при которых будут ничтожны личные усилия совершившего преступление уклониться от суда и наказания, как посредственно – путем препятствования раскрытию истины, так и непосредственно – путем сокрытия своей личности.

Государства еще далеко не дожили до этой эпохи, да и наука современная еще не знает, что нужно сделать и как, чтобы приблизиться к ней. А до сознания права на гражданскую свободу, до умения ценить ее блага – человечество уже доросло.

С другой стороны, стоит во всей своей наготе безобразный факт. Тысячи лиц ежегодно подвергаются напрасно, без вины – как об этом свидетельствуют последующие оправдательные приговоры – лишению свободы. Один взгляд на цифру оправданных, содержащихся до суда под стражей, невольно заставляет краснеть каждого юриста. Слава Богу, конечно, что они оправданы, что судебная ошибка не повела их на каторгу, не наложила на них клеймо преступника. Но за что несовершенства процессуальной техники, несовершенства способов обнаружения и раскрытия истины, за что неуместная подозрительность судебных деятелей оторвали их от дела, от близких людей, от дорогих интересов и месяцами томили в заключении? ...

... Как и жизнь, свобода – благо невознаградимое, эквивалента ему не найти. Возместить можно убытки, причиненные неправильным ограничением свободы. Расстроенного же здоровья, душевных мук, горя близких не вознаградить ничем.

Кузьмин-Караваев В. Д. Пресечение способов уклонения от

следствия и суда. – СПб.: Слово, 1902. – С. 3, 5, 14-15, 16, 49.

Есть слова, которые никогда не потеряют своего обаяния для человека. И едва ли не первое место среди этих слов занимает слово: **с в о б о д а**. В самом деле, – свобода имеет для человека абсолютную ценность.

Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда: Уголовно-политическое исследование. – Томск: Типо-лит. П.И. Макушина, 1905. – С. 3.

Среди тех правовых идеалов, осуществления которых так страстно жаждет в настоящий момент все русское общество, свобода личности занимает далеко не последнее место. Идеал этот не представляет собою национального продукта исключительно русской жизни. История свидетельствует, что не было народа, который не стремился бы обеспечить за своими членами свободу от произвола администрации. И те многочисленные кровавые жертвы, которые принесло на алтарь свободы человечество, как нельзя лучше доказывают ценность и важность этого идеала. Об его значении свидетельствует также и то, что наряду с свободой совести, мысли, слова, свободой печати, публичных собраний и ассоциаций свобода личности была провозглашена в XVIII в. политическими мыслителями «естественным», «прирожденным и неотчуждаемым правом», которое должно являться неприкосновенной святыней для самого государства.

Горбунов А. Гарантии личной свободы в Англии. – Р н/Д: Изд-е Н. Е. Парамонова, 1905. – С. 3.

Власть и свобода – две чашки весов, и на законодателе лежит трудная задача уравнивания их...

... Преграждая способы сношения с внешним миром, следственная власть с большею легкостью и спокойствием может расследовать преступление, *не опасаясь препятствий и затруднений со стороны обвиняемого*; с другой стороны, отрывая заключенного от общества и ставя его в бесправное положение, она внушает ему страх перед сво-

ею властью, который весьма часто может склонить его к *сознанию* в преступлении, а это ещё более облегчает задачу правосудия.

Наряду с этим подследственное задержание может служить хорошей защитой от опасных людей. Преступник, оставленный на свободе под обеспечение психологического характера, может иногда внушать опасение того, что он *совершит новые преступления*, или, если достоверно известно, что он совершил преступление, то может *смуцать общественную совесть* своим присутствием в среде общества. Подследственное заключение вполне гарантирует государство от таких неудобств, избавляя общество от нежелательного для него члена... роковое влияние на приговор оказывает подследственное заключение...

Инквизиционные начала предварительного следствия в большинстве государств еще слишком сильны для того, чтобы можно было бы говорить о полном устранении следственных целей из мер обеспечения и предоставлении широких процессуальных прав заключенному под стражу. Лишь медленными шагами ослабляется принудительное начало в процессе, и не пришло еще время требовать полной его отмены.

... Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия, будут приниматься всегда, пока применение правосудия не будет поставлено в зависимость от воли лица, нарушившего закон, пока индивидуальная воля такого лица сама не будет искать в правосудии примирения с обществом. Такой идеал еще очень далек. Но отдаленность его несколько не говорит за то, что эти меры должны сохранить присущий им суровый характер ... Со смертью полицейского государства вымерли и меры полицейско-принудительного характера; с развитием общественных отношений и взаимных связей должны исчезнуть меры грубого заточения, каким является в настоящее время подследственный арест, заставляющий бесплодно терять духовную и физическую энергию заключенного под стражу. В настоящее время с этой мерой еще мирятся, стремясь лишь определеннее выяснить границы действительной ее необходимости и установить те цели, для социальной поддержки которых эта мера может привлекаться. Если репрессия преступлений в настоящее время еще очень сурова и в значительной своей части покоится на началах устрашения, если публичное преследование еще не настолько сильно, чтобы не опасаться свободной деятельности подозреваемого, и если нравст-

венный уровень личности преступника стоит порою весьма низко, то все это – достаточные основания для утверждения, что здание правосудия не может еще всецело опереться на фундамент личной свободы, а должно поддерживаться цепями принудительных мер. Когда почва осядет и культурные основы будут достаточно прочны, эти цепи ослабнут и наступит время сложить их в музей истории вместе с другими уже покоящимися там бранными остатками инквизиционного строя. Мы убеждены, что меры обеспечения принудительного характера быстро отживают свой век; будущее принадлежит мерам попечительным и психологическо-мотивационным. Но в ожидании этого лучшего времени наша задача – терпеливо разрабатывать и критиковать существующую форму мер обеспечения, подыскивая такие компромиссы, которые наиболее приспособлены к доступному нам состоянию правосудия ...

... **Домашний арест** по существу есть вид содержания под стражей, отличающийся от обыкновенного лишения свободы тем, что здесь местом заключения является квартира обвиняемого...

... важной мерой обеспечения является **содержание под стражей**. Надлежащая постановка этой меры составляет главную задачу всего вопроса о мерах обеспечения. Обыкновенно эта мера строго отделяется и даже противопоставляется другим мерам обеспечения. Такое обособление является следствием значительно большей ее тягостности для обвиняемых: в случае заключения под стражу обвиняемый лишается вообще благ свободы, в то время как при других мерах его свобода ограничивается в одном каком-либо отношении...

... Во время расцвета инквизиционной системы роль следственного ареста была еще бо́льшая. Арест часто носил характер пытки, имевшей целью вынудить сознание у подозреваемого. Арестуемые заключались в мрачные и удушливые застенки, морились голодом и жаждой, подвергались пыткам, всяческим воздействием на их психику старались вырвать признание. Для того, чтобы добиться сознания, необходимы были кроме того частые допросы обвиняемого, неожиданные эффекты в виде очных ставок, оставления с глазу на глаз с убитой жертвой для испытания и проч. Это вызывало необходимость того, чтобы обвиняемый был постоянно под рукою и чтобы не требовалось вызывать его повестками. Для предупреждения сношений и жалоб заключенного подвергали такому режиму, который легко мог привести к сумасшествию. Можно смело сказать, что положение под-

следственных арестантов было гораздо худшим, чем арестантов, отбывающих наказание.

Такая печальная память этой меры, утратившей с ослаблением инквизиционного характера следствия свое преобладающее значение, внушила обществу страх и отвращение к тем остаткам ее, которые сохраняются в виде специального ареста для предупреждения ... сокрытия следов преступления. В безмолвии одиночной мрачной камеры, отрешенной от сношений со всем окружающим миром, обществу чудятся призраки прошлых мучений. Тайна, которою окутано предварительное следствие, еще более способствует возникновению таких мыслей...

... По существу удобство следствия не может оправдывать ограничения личной свободы. ... своевременным и тщательным производством осмотров, освидетельствований, обысков, знанием местности, хорошим составом полиции и энергичностью расследования, цель предупреждения исчезновения следов достигается гораздо лучше. Обвиняемый не должен платиться своей свободой за несовершенство государственной организации суда. Притом, деятельность по сокрытию следов большею частью не требует личного участия виновника, она может быть исполняема его товарищами, родными, всяким третьим лицом. Изолирование обвиняемого мало помогает потому, что главная часть работы по уничтожению следов производится до ареста: это первое дело преступника. Поэтому следственный арест мало действителен. Стремление уничтожить следы для того, чтобы ускользнуть от наказания, имеется почти у каждого действительно виновного лица и для избежания этого нельзя однако прибегать к почти поголовному заключению под стражу. Государство может считать только самую *деятельность* по сокрытию следов преступной и наказывать установленной в законе карою, а не предположение ее. В случае опасения уничтожения важных следов, от которых часто зависит решение дела, за преступником можно установить тщательный полицейский тайный надзор. Другое дело, если обвиняемого застают при совершении такого преступного сокрытия следов или уличают в покушении на то. Здесь арест вызван самим обвиняемым. Вредная деятельность обвиняемого обнаружилась – и от усмотрения суда зависит прекратить ее, при наличии опасности, заключением под стражу...

... Арест по опасению уничтожения следов ... тесно связан с инквизиционной системой ... Быть может, с наблюдаемым быстрым исчезновением ее из области предварительного следствия, к чему в настоящее время стремится прогресс, в уголовном процессе исчезнет и надобность в этом виде ареста, а в более далеком будущем и в предварительном аресте вообще.

... Не следует упускать из виду, что тяжесть каждой принудительной меры зависит не только от ее субъективной несправедливости, внешнего режима, многочисленности ограничений в пользовании правами, но также, и в очень большой степени, от продолжительности ее применения. Продолжительное заключение – двойное испытание. Кратковременность внушает и поддерживает в заключенных надежду на скорую перемену и прекращение, продолжительность же порождает отчаяние, значительно усиливающее тяжесть лишения свободы.

Люблинский П. И. Указ. соч. – С. 3, 23, 49-50, 372-373, 466-467, 471-472, 475, 555-556.

Вопросы о том, кем и какие могут быть принимаемы меры пресечения, при каких условиях допустимо принятие их, и отчего зависит их выбор, принадлежат к важнейшим вопросам уголовного процесса.

Легко себе представить, какой опасности подвергается личная свобода граждан, когда в законодательстве нет ответа на указанные вопросы ...

... еще с большей осторожностью законодателем должны быть определены условия назначения мер пресечения, так как эти меры – иногда не менее суровы, чем наказание – применяются к лицам лишь обвиняемым или даже только подозреваемым, т.-е. к лицам, которые могут оказаться совершенно невинными, и из которых многие даже не предаются суду.

Полянский Н. Н. Уголовный процесс: Уголовный суд, его устройство и деятельность: (Лекции Н. Н. Полянского). – М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. – С. 136, 137.

Арест есть лишение свободы – величайшего блага каждого гражданина, распоряжение которым нельзя предоставить единоличному мировому судье, способному как всякий человек, увлекаться и страстями и пристрастиями. В случае несправедливости этого наказания уже невозможно вознаградить сделанное им зло. Арест есть вычет из жизни, пополнить который не в состоянии никакая сила человеческая. Представлять такое безвозвратное неисправимое наказание произволу одного судьи – нет никакой возможности. Распоряжение им может быть представлено только суду коллегиальному, но никак не одному судье. Гражданская свобода – такое великое право, которое должно быть ограждено самыми действительными гарантиями...

... Тюрьма – школа взаимного обучения праздности, пороку, разврату и преступлению.

Кони А. Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства России // Кони А. Ф. Собр. соч.: в 8 т. – т. 4. – М.: Юрид. лит, 1967. – С. 342.

Широкое понятие препятствования раскрытию истины должно быть несколько ограничено, именно указанием на недозволенность или противозаконность тех средств, которыми пользовался обвиняемый...

... Помещая обвиняемого под стражу в целях пресечения ему возможности скрывать следы преступления, следователь должен смотреть на эту меру не как на наказание, назначаемое ввиду незаконной деятельности обвиняемого или покушения на нее, а как на меру крайней необходимости, продолжительность которой должна быть по возможности краткой...

... Всякое ограничение свободы обвиняемого до суда посредством меры пресечения рассматривается как мера, оправдываемая только необходимостью, и как только условия этой необходимости отпадают, обвиняемый должен быть освобожден от действия ее.

Люблинский П. И. Меры пресечения (Комментарий к ст. ст. 143-161 УПК). – М.: Право и жизнь, 1924. – С. 46, 48, 50.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алехин Д. В. - кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России.

Артамонова Е. А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Читинского государственного университета.

Архипова А. Н. - старший преподаватель кафедры специальных юридических дисциплин факультета права, социологии и СМИ Иркутского государственного технического университета.

Асатрян Х. А. - кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской академии правосудия.

Базюк М. Л. - аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Байкальского государственного университета экономики и права.

Белокопытов А. К. – заместитель прокурора Мясниковского района Ростовской области, юрист 3-го класса.

Давыдова М.В. – заместитель директора Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Днепровская М. А. - аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Байкальского государственного университета экономики и права.

Егоров Н. Н. - доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Московской государственной юридической академии.

Ждановских А. Е. - аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Байкальского государственного университета экономики и права.

Железняк Н. С. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Сибирский юридический институт МВД России.

Китаев Н. Н. - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры специальных юридических дисциплин факультета права, социологии и СМИ Иркутского государственного технического университета.

Мазюк Р. В. - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Байкальского государственного университета экономики и права.

Мерецкий Н. Е. - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России.

Мосов Д. О. – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Байкальского государственного университета экономики и права.

Смахтин Е. В. - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Института государства и права Тюменского государственного университета.

Смирнов О. М. – соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики Байкальского государственного университета экономики и права.

Смолькова И. В. - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Байкальского государственного университета экономики и права.

Туркова В. Н. - старший преподаватель кафедры специальных юридических дисциплин факультета права, социологии и СМИ Иркутского государственного технического университета.

Шергин Г. Н. - аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Байкальского государственного университета экономики и права.

Яковлев Д. Ю. - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Юридического института Сибирской академии права, экономики и управления.

ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Уважаемые коллеги!

Кафедра уголовного процесса и криминалистики Судебно-следственного факультета Байкальского государственного университета экономики и права (г. Иркутск) приглашает Вас принять участие в формировании сборника научных трудов «СИБИРСКИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ». Главным редактором сборника является Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Александр Алексеевич Протасевич.

Предполагаемая периодичность издания сборника 2 раза в год.

Основные требования для публикуемых материалов:

1. Объем статьи не должен превышать 16 страниц машинописного текста, выполненного в текстовом редакторе MS Word, 16 шрифтом Times New Roman с одинарным интервалом, поля 20 мм со всех сторон.

2. Название статьи печатается строчными буквами, жирным шрифтом. Ниже названия (через пустую строку) в правом углу указывается фамилия и инициалы автора (жирным курсивом), ученая степень и звание, место работы.

3. Сноски автоматические постраничные, 14 шрифтом Times New Roman, с одинарным интервалом, оформляются в соответствии с требованиями, предусмотренными ГОСТ 7.0.5-2008.

4. После статьи указывается следующая информация об авторе: ФИО, полное наименование организации, в которой работает (учиться) автор, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты, контактный телефон.

5. Для аспирантов и соискателей необходима рецензия научного руководителя.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить материалы, не отвечающие тематике сборника, оформленные не по требованиям, исполненные с низким научным качеством, не имеющие электронной версии.

Научное издание

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Сборник научных трудов

Выпуск 1 (2)

Издается в авторской редакции.

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 28.04.09. Формат 60x90, 1/16. Бумага офсетная.

Печать трафаретная. Усл. п. л. 9,3. Тираж 100 экз.

Заказ

Издательство Байкальского государственного
университета экономики и права.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.